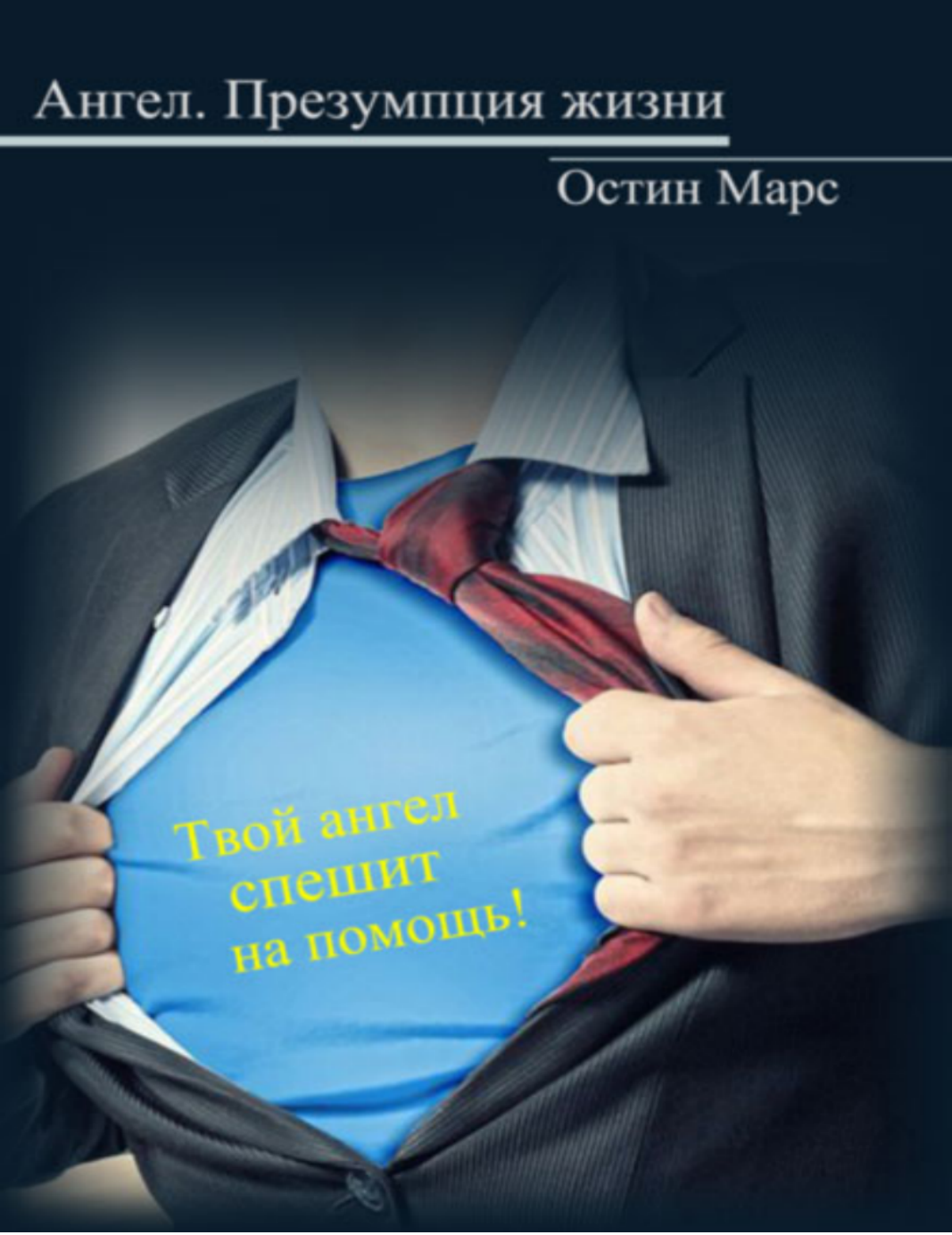
Ангел. Презумпция жизни

Остин Марс



SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Аннотация:

История о мистическом выходе из френд-зоны, полётах, художниках, путешествиях во времени и загадочной женской душе.

***

•

***

Когда Великий Архитектор разрабатывал Тебя,
у него был приступ вдохновения.
Он долго писал, писал, восхищался,
потом решил, что наконец-то всё идеально
и можно пойти поспать.
А когда проснулся, то взглянул на Тебя
и почему-то не понял, каким образом Ты работаешь.
Попытался что-то изменить,
но идеальность от этого нарушилась
и он вернул всё как было, сделав в комментарии пометку:
"магия, не трогать".
И с тех пор Ты - создание магически идеальное,
пусть никто и не понимает, как это возможно,
даже Великий Архитектор.
Так будет всегда.
И я всегда буду посвящать Тебе
всё магическое и необъяснимое,
что только смогу создать.
Остин Марс

Ангел, книга первая. Презумпция жизни

Пролог

Капелька подползла к другой капельке, чуть поменьше, та приостановилась, поджидая медлительную подружку, пару секунд они подрожали рядом в нерешительности, потом слились и скользнули вниз, чуть скошенные неожиданным порывом ветра. Захлопал листьями мокрый тополь, где-то ветка царапнула по стеклу. Она вытерла щеку рукавом и отвернулась от окна.

- Ну не плачь… Ну солнце!

Она повернула голову, отбросила с глаз длинную косую чёлку. Надо же, он всё ещё здесь… Девушка коротко затянулась, стряхнула с колена упавший пепел:

- Ты не ангел. Ты глюк. - Помолчала, кивнула ему на мятую сигарету: - Хочешь?

- На меня все равно не подействует. - Он встал со стола, подошёл к окну, заглянул снизу вверх в её воспалённые глаза. - Не делай этого… так нельзя.

- Нельзя… - она покачала головой, прикрыла глаза. - Да кто ты такой, чтобы рассказывать мне, что мне можно и что нельзя?

- Ангел, - грустно выдохнул он, она хмыкнула, глубоко затянулась и отвернулась к окну. - Ну правда. У меня даже пламенный меч есть!

Она рассмеялась, раздавила окурок о подоконник и стала открывать окно.

Часть первая. До

Все началось с того, что я не смог подняться. Будильник верещал уже битый час, я его честно слышал, но никак не мог заставить сознание влиться в бренное тело и потащить это тело на работу. Когда мозг снизошёл до выжатого, как лимон, тела и я наконец сфокусировал моргалки на циферблате, я уже безнадёжно опаздывал. Проще было позвонить начальнику и хриплым со сна голосом соврать, что заболел. Я дотянулся до трубки, нашёл в списке контактов ненаглядного биг-босса и честно наврал ему с три короба. Штраф, конечно, обеспечен, зато не выгонят. Почувствовав себя свободным человеком, я укрылся с головой и с наслаждением продрых до полудня.

Очнулся посвежевшим и отдохнувшим, сбегал в душ, перекусил остатками вчерашнего ужина, наболтал себе чашку сладкого кофе и включил комп. Проверил почту, запустил аську. Рядом со строчкой «Ксю» горел красный цветочек. Жаль. Ну ладно, подождём.

Я побродил по любимым сайтам, периодически заглядывая в контакт-лист и посылая в космос мантру «Ксюха ВСКЛЦ Входи в сеть ТЧК Ну входи ТРТЧ». Моя молитва Великому Архитектору была услышана довольно быстро – комп ку-кукнул и в углу вылезло сообщение от Ксю с приветливо улыбающимся колобком. Я заулыбался чуть ли не шире колобка, застучал по клаве с профессиональной сноровкой:

SlavON: Привет! :)

Ксю: Дарова. Работаешь?

SlavON: Не-а.

Ксю: Ы?

SlavON: Я сегодня закосил ;)

Ксю: Круть)

SlavON: Ыгы.

Ксю: Так пойдём полазим? :-] Или планы есть?

SlavON: Никаких планов :) Куда идём?

Ксю: Пошли купаться! *CRAZY*

SlavON: А пойдём *WUSSUP*

Ксю: Окей. Встречаемся где обычно?

SlavON: Давай. Через часик?

Ксю: Хорошо. Я успею.

SlavON: Давай. Не опаздывай! :-D

Ксю: Сам не опаздывай! :-P

Следующее моё сообщение ткнулось в оффлайн – она успела отключиться. Я закрыл ноут и сверкая лыбой попрыгал одеваться. С этого всё и началось.

А возможно, все началось с того, что она не пришла.

Я проторчал возле этого грёбаного памятника почти три часа, не прекращая наяривать на её отключенную трубку. На данный момент абонент не может… Первые полтора часа меня разбирала злость. Потом я начал переживать. Залез через мобильный на её страничку социальной сети, стал обзванивать её наиболее активных подружек, вывесивших на личных страницах мобильные номера – доверчивые, сейчас мало кто так рискует. Ни одна из них ничего не знала. Я поехал домой в злобно-обиженном состоянии, с диким головокружением от торчания на солнце. А до вечера она так и не позвонила.

Сначала я мужественно убеждал себя, что все в порядке, делал вид, что играю в игрушки и ем, старался заглядывать в

аську не чаще раза в пятнадцать минут. Потом сорвался и настрочил ей в личку злобную обиженную мессагу, о которой пожалел сразу после отправки. Через полчаса настрочил ещё одну, жалобно-виноватую и переживательную. Об этой я пожалел гораздо позже.

Когда начало темнеть, я уже съел все ногти на руках. Ногти на ногах спасало только то, что я до них не дотягивался, но я подозревал, что это поправимо. Когда мобильный в сотый раз пробурчал «На данный момент…» от полёта в стену с летальным исходом его спасла только моя природная жадность.

Я набросил куртку и сбежал по лестнице, с твёрдым намерением высказать подружке много чего интересного. Прыгнул в троллейбус, уселся у окна, созерцая сумеречный пыльный город. Дождь начинался неспешно, зная, что никакой гидрометцентр о нём и слыхом не слыхивал, в прогнозе со вчерашнего дня твёрдо держалось «плюс двадцать восемь, переменная облачность, без осадков».

Зонт я, конечно же, не взял. Мимо проносились легковушки, лениво отмахиваясь от дождя дворниками, а я сидел и в красках представлял, как завалюсь к Ксюхе, мокрый и дрожащий, с праведным гневом модели «какого хрена?» и невероятным облегчением типа «слава богу, с тобой всё в порядке»… И будет уже поздно. И она будет чувствовать себя ужасно виноватой и не станет выгонять, а напоит чаем с вареньем… По моему лицу расплылась блаженная улыбка, я зажмурился и продолжил представлять… Напоит чаем, да... И заставит снять мокрую футболку, а взамен притащит одеяло со своей кровати и будет оно пахнуть, как её волосы – счастьем. И мы проболтаем до утра, а утром я поеду от неё на работу, в дохлом вареном состоянии, но довольный, как слон…

Хм, я поймал себя на том, что уже совершенно не злюсь, а даже рад, что она не пришла. Ночь на Ксюхиной кухне, с чаем и весёлыми историями, с лихвой возместит три часа торчания на солнце с перспективой теплового удара. А может быть, не только на кухне…

Я потряс головой, отгоняя мысленную ересь – никаких «может быть»! Потому что не может.

***

Всё началось с того, что она запрыгнула на бордюр. Опрометчивый поступок, учитывая гололёд, высоту шпилек и коэффициент кривизны бордюра – поэтому я подал ей руку сразу, не дожидаясь, пока она начнёт падать. Она одарила меня своей коронной стеснительной улыбкой и продолжила щебетать, меряя шагами бордюр.

А потом бордюр кончился. А руку её я не отпустил. Я знал, что меня за это ждёт – уже знал, поэтому пообещал себе, что это самый-самый последний раз. И попытался запомнить этот момент так крепко, чтобы хватило на все последующие разы, когда я НЕ ВОЗЬМУ её за руку. Потому что нельзя. Потому что…

- Слава… - она попыталась вытащить узкую ладошку из захвата моей руки, не получилось. - Слав, ну мы же договаривались…

Да, договаривались. Тогда я ещё не знал, чего мне будет стоить этот договор. Я посмотрел на её маленькую ладошку, утонувшую в моей лапе, которая рядом с Ксюхиной казалась великанской, на ногти дикого фиолетового цвета… Сейчас я её отпущу. И больше никогда не возьму. Потому что обещал. Потому что мы договаривались. Потому что дружбу надо ценить. Потому что я идиот.

***

А началось всё ещё раньше. Был унылый осенний день, я шёл по желто-мокрой аллее, держа за руку совсем другую девушку. Та девушка тогда для меня очень много значила. Я даже верил, что люблю её. Очень долго верил. Она не была ни супер-красавицей, ни мега-общительной или популярной. Просто она была моей, и я готов был свернуть горы и обернуть вспять реки за её улыбку. И в тот унылый вечер я совсем не ожидал, что она сделает такое.

- Слава, мне нужно кое-что тебе сказать. - Она мялась, как будто собиралась говорить о чём-то неприятном или неприличном. Я тогда в первый раз почувствовал висящую между нами пустоту, холодную и безжизненную, как открытый космос. Я уже знал, что она сейчас скажет. Знал, но всё равно ждал.

- Слава…

Ну, Слава. Что дальше? Я уже целых восемнадцать лет Слава.

Ледяной вакуум, висящий между нами, медленно переполз в мою грудь, поворочался, устраиваясь поудобнее, и наконец улёгся. Надёжно так улёгся. Надолго.

- Слава, я не люблю тебя.

А небо не обрушилось. И земля не разверзлась. И больно почему-то совсем не было, только всколыхнулся внутри мертвый вакуум, упёрся под горло.

- Ты очень хороший…

Конечно, хороший. Вот только любите вы по большей части плохих. Да, я хороший. А сейчас ты скажешь «но».

- Но, понимаешь…

А мне почему-то не смешно совершенно. Я делаю вид, что слушаю, что-то отвечаю очень спокойным голосом с каменной мордой. И даже провожаю её. Потом иду по тёмным мокрым

улицам, а небо не падает. А земля не трескается.

А мне совсем не больно. Почти не больно. Пока ещё.

***

Всё началось с того, что Егор забрал у меня книжку, треснул ею по лбу и завопил:

- Харэ ботанить, ты идёшь с нами гулять!

- Нет, я не хочу, - я попытался отобрать учебник. - У меня семинар завтра.

- Это был не вопрос! Одевайся! - Друг ещё раз хлопнул меня книжкой по лбу, изящно увернулся от брошенной подушки и смылся.

Я покачал головой и стал выбирать футболку поприличнее.

Прогуляться и правда стоило – я целый день не вылезал из-за стола, в голове накопилось море информации, совершенно бесполезной, разбросанной горами неупорядоченного хлама. Да, насдаю я завтра… А потому, как ни крути – идти гулять надо!

Вообще-то, мы собирались просто тихо попить пива вчетвером – я, Егор и ещё два парня из комнаты. Щас! «Егор» и «тихо» в одном предложении – это фантастика, причём жутко антинаучная. Я так толком и не сообразил, откуда они все взялись. Пищащая, хохочущая и яркая толпа конденсировалась из ниоткуда прямо в разгар нашего тихого пива. Я глазом моргнуть не успел, как был представлен куче девчонок, чьи имена мигом забыл и вспоминать не собирался. Мы всей бандой пошли в парк, по ходу парохода банда увеличилась раз в пять и расслоилась на несколько компаний по интересам, я, как самый тихий, почему-то оказался не при делах и бродил от одной компании к другой, наблюдая людей и старательно не показывая себя.

Вот как раз тогда я её и заметил – маленькую вертлявую девчонку с ядовито-зелёными волосами. Она что-то громко рассказывала своей толпе, скакала и размахивала руками, вдохновенно декламировала что-то явно пошлое и изображала в лицах что-то драматично-надрывное. Толпа вокруг неё постепенно росла, люди смеялись и хлопали.

Тогда я неожиданно поймал себя на том, что был бы совсем не прочь в неё влюбиться…

Это гиперактивное зелёное создание настолько не походило на всё то, что у меня было за последние два года, что мне было даже сложно представить, на что будут похожи отношения с ней. А было у меня за это время многое – и случайные интрижки «на пару раз», и уведённые из-под носа «я твоя навеки», и откровенно продажные «помоги с курсовым», и похмельно-утренние «а ты кто?»… А вот влюбиться я себе так и не позволил ни разу. Слишком живо было в груди ощущение сосущей пустоты, которое

остаётся, когда любовь пакует вещи и делает ручкой, съезжая с обжитого места. Я и не задумывался ни разу с тех пор о новых серьёзных отношениях. До этого дня.

Но в тот вечер её увел кто-то другой, к сожалению многих ребят и моей тайной радости. Я её боялся. Даже ни разу с ней не заговорив, я боялся самой возможности что-то к ней почувствовать. И поэтому был рад, когда мы оказались друг от друга далеко.

Я иногда слышал о ней – общаги рядом, общих друзей паратройка наберётся, поэтому новости доходили. Говорили о ней разное, но всегда такое, что заставляло недоверчиво хмуриться. То она с кем-то поспорила, что пробежит по бульвару в одной простыне, то вывернула дорогущий обед на голову местному мажору и завидному жениху, потому что ей не понравилось какое-то его высказывание… Раз я видел сам, как она купалась в фонтане на главной улице, вся в брызгах и завистливых взглядах. Стоящие неподалёку доблестные патрульные улыбались и обсуждали фигурку, облепленную мокрой футболкой. И фиг ей кто что сказал!

Мне тогда обидно было ужасно – если бы я полез в фонтан (чего я бы никогда не сделал, под страхом смерти или отчисления!), меня бы оборали и штрафанули. Я тогда даже для интереса выяснил у друзей – это она с кем-то поспорила, что в фонтан полезет? А ни разу. Ей просто захотелось. И как некоторые люди умудряются делать всё, что им хочется, напрочь игнорируя весь остальной мир? Мне, наверное, никогда этого не понять.

***

А началось всё с того, что мой всегда чёткий и честный ноут позорно заглючил. И всё бы ничего, но как раз в этот момент он компилил, что привело меня в бешенство. Разобравшись с глюком, я заглянул в интернет и обнаружил на своей странице в сети кучу сообщений от друзей, что с моего адреса идёт спам в бешеных количествах. Вызверился ещё больше и полез разбираться. Программист я, в конце концов, или ламер какой-то?! Будут меня ломать тут всякие… Забив на лабу, я проторчал несколько часов над ноутом, выискивая нахала, посмевшего бросить вызов самому мне! И нашел. Мне подсадили вирус, корявенький, но рабочий, он в свою очередь подшаманил с социальной сетью, а оттуда полетел спам.

Поколупав вирус, ось и мозги более подкованным в этом деле друзьям, я нашёл свою цель – айпишник! Злобно потирая руки, я бросился мстить! Засыпав весь комп обидчика мелкими пакостями, я даже подписался. На сообщении критической

ошибки, выпрыгивающем с частотой раз в пятнадцать секунд.

Довольный собой, набодяжил кофе и сел доделывать лабораторные. Всё шло легко и быстро, я пришёл в хорошее расположение духа… настолько хорошее, что когда на меня по аське полетели маты, я сначала обиделся, а только потом озверел. Какая-то неавторизованная Ксю осыпала меня проклятиями, причем трёхэтажными с загибом, причём так изящно и чисто по-литературному красиво, что я не удержался и спросил, на кого она учится. Поток ругани оборвался и мне сообщили, что это глубоко не моё дело, и что я вообще нехорошо поступил, кто как может, тот так и зарабатывает, а курочить ось за пару рекламок жестоко и бесчеловечно.

Тут уже вызверился я. И очень культурно и профессионально раскритиковал в пух и прах каждую несчастную строчку в её кустарном вирусе, а потом добавил, пусть скажет спасибо, что я вообще в суд не подал. Идею про суд она обсмеяла, а вот за собственноручно сотворённый вирус обиделась. Причем обиделась так, что я сам не заметил, как почувствовал себя злобным, мерзким и со всех сторон виноватым. Уже через пятнадцать минут мне было ужасно стыдно за свою выходку, особенно после того как она сказала, что хорошо мне, программисту, критиковать, а в художественном училище Delphi не преподают…

Короче, закончилось все под утро, когда мы, познакомившиеся и авторизованные, горячо прощались, а я честно обещал ей завтра прийти и помочь воскресить комп.

Спать совершенно не хотелось, я дополировал лабораторную и чтобы убить время до утра, решил хоть посмотреть на свою новую знакомую. Вбил в параметрах поиска её анкетные данные из аськи, вдруг прокатит. Повезло с первого раза, я открыл её страницу, – так и есть, художественное училище, моя одногодка, – и залез в альбомы. И офигел. На меня с первой же фотографии смотрел мокрый зелёный человечек, в брызгах и в фонтане.

Я стянул наушники, со смешанными чувствами глядя на фотографию и ощущая, как за спиной добродушно хохочет Судьба, похлопывая меня по плечу.

***

Всё началось с того, что я порезался. Блин, человечество столько веков совершенствует приспособления для бритья, но до сих пор не изобрело ничего умнее острой железки! Злость почувствовала, что её приняли благосклонно и стала закреплять позиции. Я подумал, зачем я вообще бреюсь? Я что, на свидание собрался, что ли? Нет! Нет, я сказал! И совершенно она мне не нравится, и ей понравиться я совсем не хочу. Надо было идти с

грязной головой и двухдневной щетиной. Пусть сразу увидит, кто я такой – программёр с трёхлетним стажем!

Я вытерся и отошел от зеркала так, чтобы видеть себя по пояс, расправил плечи, выпятил грудь. Сделал морду «haste la vista, baby». Поржал. Не Том Круз, конечно, но сойдёт. Если сильно не присматриваться.

И чего я вообще парюсь? Ну, помогу систему восстановить, пообщаюсь и домой пойду. Ну, если уж так повернётся судьба – потрахаемся и разбежимся. Хотя, лучше не стоит. Девчонка мне по аське очень понравилась, лучше оставить её в подругах.

Я кивнул сам себе, захватил ноут и пошёл знакомиться.

***

Всё началось с того, что я зачем-то спросил, есть ли у неё парень. Зачем я это сделал, я не понимал ни тогда, ни сейчас. Я всё равно ни на что не рассчитывал. Вблизи она оказалась ещё симпатичнее, чем на фотографии, на неё оглядывались. Причем совсем не из-за цвета волос. Кстати, теперь она была фиолетовая с оранжевыми полосочками и почему-то ей очень шло.

Она оторвалась от монитора, стоящего на коленях, подняла на меня свои серые глазищи… и я сразу пожалел о своём вопросе. Но он был уже задан, так что оставалось только ждать ответа и надеяться, что она не видит, как я покраснел.

- Нету. Я их не люблю, - она тряхнула фиолетовой гривой и вернулась к ноуту.

Моя челюсть не упала на колени только потому, что я крепко её держал. Глаза, к сожалению, руками не удержишь и они вылезли на лоб так, что любой ракообразный, глядя на меня, схлопотал бы комплекс неполноценности. Она засмеялась, замахала руками:

- Нет, ты не то подумал! Я нормальная, просто парней не хочу заводить. Не нравятся они мне. - Ко мне дар речи пока не вернулся, поэтому возникшую паузу заполнила она. - Ну не надо на меня так смотреть! Просто я как гляну, как подруги с парнями мучаются – ну их на фиг. Одну любимый бьёт, другую ревнует к каждому столбу, третья со своим ругается каждый день, четвёртая своего тунеядца обеспечивает уже год, а он только ноет и на сторону гуляет. Ну их всех! С кем потрахаться я всегда найду, а серьёзные отношения... не хочу.

Да… Отличная философия! Девушка, которая сама зарабатывает деньги, трахает парней и пишет вирусы. Мне кажется, или мир рехнулся?

Она показала свои работы для училища, несколько набросков для души, отсканенных на компе. Мне понравилось. Я, конечно, не знаток живописи, но такое на стенку повесил бы с

удовольствием. С этой фразы она долго смеялась, беззлобно обозвала программёрской мордой с прикладным мышлением и пообещала подарить одну из картин. Я нахально поймал на слове и через недельку стребовал свою честно выцыганенную картину – ночной вид на парк с моста. Она долго показывала другие — похоже, эту картину отдавать было жалко. Но я был непоколебим и от своего не отступился. Эта картина до сих пор украшает мою спальню.

А в тот вечер мы заболтались, когда очнулись, было уже далеко за полночь, моя общага была закрыта, о чём я и сообщил Ксюхе разведя руками. Она пожала плечами и пригласила в свою, как она успела объяснить, у них нравы попроще, впустят.

Когда мы входили, она сунула вахтёрше купюру, та подчёркнуто отвернулась, «не замечая» меня. Мне стало очень стыдно. Почему-то подумалось, что меня сейчас оттрахают и не перезвонят. А вот после этой мысли стало обидно. Я вздёрнул подбородок — щас, оттрахает она меня, как же! Не дам! И сам чуть не рассмеялся от своих мыслей, хорошо что она не умеет их читать. Мир точно сошёл с ума, но я ему уподобляться не собираюсь.

- Ты с чего смеёшься?

Я покачал головой, ляпнул:

- Да вот боюсь, что ты меня сейчас трахнешь, а завтра сделаешь вид, что мы незнакомы! - Я расплылся в лыбе, демонстрируя, что шучу. Лыба получилась легко, а вот вернуть спокойное лицо было сложно. Мы так смеялись весь вечер, что мышцы лица одеревенели в улыбающемся состоянии.

- Да ну тебя, - она шутливо махнула рукой. - Не боись, не буду я тебя насиловать. Ты мне и так, в качестве друга, нравишься.

Я хмыкнул. Лучше бы она смутилась и обозвала меня дураком. А так, я себя чувствую теперь… как будто она сказала «спасибо, мне есть с кем спать». И вообще стало обидно. Как будто я даже спать с ней недостоин.

Я разогнал глупые мысли и одёрнул сам себя – нечего тут саможалением заниматься! Хотел друга – получай друга, ещё перед выходом думал о том же.

Она свернула в одну из дверей и щёлкнула выключателем. Вот тут я окончательно офигел. Кухня?!?

- В комнате девчонки спят, посидим тут. Ты кофе хочешь?

Дар речи у меня отшибло окончательно. Кухня, конечно, была очень даже ничего, даже пара табуреток имелась и подобие стола, но… Кухня?! Она меня в комнату даже не заведёт? Я не просто попал, я вляпался!

Она не дождалась ответа, пожала плечами и упорхнула. Вернулась с банкой и посудой, сделала кофе. Мы сели у подоконника, взяли чашки, тихо заговорили о чём-то приятном. Я даже смутно не помню, о чём, но было так хорошо… Я вдруг подумал, что мне давно уже не было так хорошо. Ни с кем. Ни с друзьями и пивом, ни с девчонками, ни самому. Посмотрел на неё – фиолетовая копна волос, сейчас связанная в узел и заброшенная за спину, синие длинные ногти, тонкие пальцы, обхватившие большую чашку. Маленький аккуратный носик, прикрытые глаза, на кончиках ресниц играет восходящее солнце…

Почему ты не любишь парней? Почему?

***

- Он её бросил.

Вот так оно и начинается…

Я сделал вид, что мне всё равно, что я отвечаю просто чтобы поддержать беседу:

- Да? Давно?

- Года полтора назад, - девушка откусила пирожное, добавила, - они почти четыре года встречались, со школы ещё. Там такая любовь была – мама дорогая! Она его рисовала постоянно, стихи ему писала, песни пела… Ты её стихи читал? - Я покачал головой. - Попроси её, она даст. Большинство, конечно, муть, но есть такие стихи! Слав, честно, я не из слезливых, но над несколькими я ревела. Честно-честно. А он её тоже очень любил. Они вообще не ссорились, она никогда ему не изменяла, прикинь? А за ней толпами бегали, с её-то четвёртым размером! В общем…

Я не перебил, хоть и считал, что не в размере дело. Хотя грудь у неё… да. Я проморгался, отгоняя навязчивые видения.

Девушка Егора оказалась неисчерпаемым источником информации. Она знала всё про всех, кто с кем, когда и каким образом, причём сама не была знакома ни с Ксюхой, ни с её бывшим. Ещё и стихи откуда-то читала. Мистика!

В общем, всё что надо, я тогда узнал. Не просто так она парней не любит. Тот её бывший, как оказалось, начал гулять, потом бросил её, потом через полгода хотел вернуться… но за эти полгода она в полной мере вкусила прелесть свободной жизни и возвращаться к нему не пожелала. Как и заводить нового. Фаворитов она меняла стабильно, относилась к ним как к домашним животным, с непрошибаемым пофигизмом и неизменной философией «что-то не устраивает? Свободен!». Хотя, девчонка Егора намекнула, что вроде был кто-то серьёзный, но кто, никто не знает. Даже она. Вот так.

Мы общались с Ксюхой по аське, иногда гуляли по сонному

городу, я понимал, что она становится мне всё ближе, что знает меня, пожалуй, даже лучше, чем Егор и родители. Понимал, что холодная пустота внутри меня заполняется понемногу чем-то тёплым и пушистым, что постоянно меняет цвета и резонирует при звуке её голоса.

А ещё я понимал, что я не попал. И даже не вляпался. Я влюбился, а это гораздо, гораздо хуже.

***

Всё началось с того, что она позвонила посреди пары. Я, конечно, не супер-ботан, но и не настолько разгильдяй, чтобы болтать по телефону в аудитории во время лекции, поэтому я тихо вышел и ответил.

- Славка… - Голос у неё был хриплый и настораживающе дрожал. На тот момент мы общались уже почти год, я научился улавливать малейшие изменения её интонации. - Ты сильно занят?

- Я на паре. Что случилось?

- Ты можешь приехать? Сильно важная пара?

- Да нет, просто лекция… Что такое?

- Да… просто настроение паршивое. Приезжай, а?

- Хорошо, приеду. Взять что-нибудь?

- Нет, ничего не надо. Просто приезжай.

- Двадцать минут дай мне.

- Хорошо, я жду.

У неё накрылся красный диплом. Какая-то старая дрянь раскритиковала её курсовую и упёрто ставила трояк за отличную работу. Картину Ксюха перерисовывала уже пятый раз, передо мной на столе лежали четыре рамки с на мой взгляд идентичными пейзажами города. Разницу я заметил только тогда, когда она ткнула пальцем в какие-то не растушёванные линии, тени разной мягкости, направление мазка и прочую узкоспециальную лабудень. Оттенок зелени, который якобы является грубой ошибкой, я вообще не отличил, сколько ни пучил глаза. Ксюха объяснила это тем, что мужчины вообще различают меньше цветов. Я не обиделся. Я ответил, что мне главное – цифры с буквами различать.

Она уже успокоилась, вдоволь наревевшись на моей груди, умяв половину торта, предусмотрительно притащенного мной и обматерив дуру-профессоршу, которую кроме дензнаков никакие картины не устраивают.

Я предложил помочь с деньгами, за что чуть не получил по морде. Ладно, сглупил, исправлюсь. Было до того неуютно видеть эту сильную и умную девчонку зарёванной, что в голове роились мысли одна другой фантастичнее. Пойти к этой профессорше и

заплатить, чтобы никто не узнал; пойти к декану и настучать на профессоршу; или вообще, заплатить сразу декану, пусть он дрюкнет профессоршу самостоятельно…

Конечно же, ничего этого я не сделал. Ксюха воспряла духом, мы вместе доели торт и сменили тему. Когда я уходил, уже на пороге она вдруг поднялась на цыпочки и крепко меня обняла:

- Славка… ты такой классный. Ты даже не представляешь, какой ты классный! Спасибо тебе.

Она подняла голову, посмотрела мне в глаза своими опять заблестевшими бездонными серыми озёрами… и я сорвался. Не знаю, какой чёрт меня дернул, что это было вообще, но я понял, что я это сделаю. Сейчас.

Её губы пахли кофе. Я к ним едва прикоснулся, только успел почувствовать их мягкое тепло… Она дёрнулась, отодвинулась от меня, влажный блеск в глазах вдруг стал холодным.

- Славка, ты чего?

У меня в голове шумело, я не был уверен, что смогу связно говорить, потому просто пожал плечами и отвёл глаза.

- Слав, мы же друзья?

Я опять пожал плечами. Было зверски обидно. Так сильно хотелось разреветься мне только в далёком садичном детстве, даже в школе меня так сильно обидеть никому не удавалось. Наверное, моя каменная морда показалась ей недостаточным ответом.

- Слав, мы же просто дружим, да? Ты же сам говорил, что я для тебя просто друг?..

-Ты не хочешь заводить парня? - Я сам не узнал свой голос. Так мог бы говорить подъёмный кран, таща из болота бегемота. Мне было тяжело даже дышать, говорить было вообще невыносимо.

Она покачала головой:

- Не хочу.

- Почему?

- Потому что… - Мне показалось, что она сейчас опять расплачется. То пушистое и тёплое, что вот уже полгода жило в моей груди, больно сжалось, задрожало… - Слав, сколько ты знаешь хороших, крепких пар? Счастливых? Тех, что давно вместе и довольны жизнью и друг другом? - Я молчал, она смотрела в пол. - Я их знала много. Да, они встречаются, у них всё хорошо, а потом раз – и они не встречаются, и всё у них плохо. Год, два, пять… и всё. Те, что держатся, тоже не от хорошей жизни, кому-то детей делить не хочется, кому-то жить негде или не на что, кто-то просто панически боится остаться один, потому что это – не как все, это одиночки, они ущербны. Я не хочу так. У меня нет

необходимости жить за чей-то счёт, я не хочу замуж, я не хочу детей, я не хочу кого-то любить! - Слёзы всё-таки опять покатились, я попытался обнять её за плечи, она отстранилась, вытерла лицо рукавом. - У меня был парень, Слав. У нас всё было отлично, великолепно! Четыре года. А потом он меня бросил, потому что я ему просто надоела! А теперь ты… мы же друзья. Славка, ты такой классный, я не хочу портить дружбу с тобой каким-то банальным сексом! А в любовь я, извини, не верю, ни с первого взгляда, ни до гроба. Не верю. Если ты хочешь чего-то в этом роде, давай сразу попрощаемся и не будем портить друг другу жизнь.

Пушистое тепло в моей груди свернулось в клубок и заплакало. Жгучими раскалёнными слезами, оставляющими волдыри, не желающими высыхать… Я никогда не умел врать. Мне это все говорили, от мамы до учителей. Но сейчас это было очень нужно. Я сделал титаническое усилие и выдавил из себя беззаботную, чуть виноватую улыбку:

- Да не хочу я с тобой встречаться, расслабься. Просто, ты на меня так посмотрела… Я подумал, тебе это нужно. Такой стресс, ну… Я наверное просто неправильно понял, извини. Я больше не буду, - я поднял ладони, - обещаю.

- Правда? - Она шмыгнула носом, сунула руки в карманы. - Хорошо... Слушай, я так испугалась. Был у меня один такой… друг. Ты мне как пацан, я тебя уважаю, тра-ля-ля, тополя… А потом веник цветов и выходи за меня замуж. Жуть какая-то.

- Да… - я даже улыбнулся. Это был подвиг. Казалось, кожа сейчас лопнет на щеках от напряжения. Долго я это не выдержу. - Ладно, Ксюх, мне пора.

- Да, хорошо, - она дёрнулась ко мне, потом дёрнулась от меня, замерла. - Слушай… а давай больше не будем? Ну там обниматься, за руки браться и всё такое? От греха подальше. Договорились?

- Договорились, - я помахал ей рукой, - пока.

Её виноватая улыбка исчезла за закрытой дверью, я спустился по лестнице, кивнул вахтёрше, сбежал по ступенькам в мутную хмарь зимнего вечера. С неба сыпалось что-то мокрое, люди смотрели под ноги, а не друг на друга. Ну и хорошо. Лицо замёрзло в спокойной каменной маске, болезненно сухие глаза жёг ветер. А внутри плакала навзрыд моя Любовь, ещё такая маленькая и неокрепшая, совсем не готовая к таким ударам.

Плачь, плачь… Давай, не стесняйся, милая, всё равно кроме меня никто не видит, а меня тебе стесняться нечего. Твои кислотные слёзы прожгут моё сердце, лёгкие, завязнут в солнечном сплетении, оставят шрамы, корявые волдыри, которые

смогут увидеть только самые близкие люди, и те не поймут, что это такое. Плачь, Любовь. Сжигай меня. Да хоть убей!

Только не уходи. Никогда не уходи. Никогда…

***

Вот так оно и началось. И продолжалось ещё два года. Мы общались, гуляли, помогали и поддерживали друг друга, закончили учёбу, нашли работу. Я даже успел сменить старую работу на более интересную и высокооплачиваемую, хорошо получал, снимал неплохую квартиру в центре, совсем недалеко от Ксюхи и понемногу копил на свою собственную. Она трудилась художником-декоратором в драмтеатре, зарабатывала поменьше, зато постоянно рисовала и выставляла свои картины на интернет-аукционах. Иногда их брали за большие деньги, тогда мы ходили в пиццерию или кафе.

Ещё я постоянно слушал о её «мальчиках», так она их называла. По её рассказам, существа это были недалёкие и примитивные, но зато самовлюблённые и с непомерными амбициями, она их делила на «хочу», «ну, ничего так» и «надоел». Особо упорным «надоевшим» я пару раз бил морды, за что меня кормили домашним пирогом и называли умничкой.

Любовь чувствовала себя… живой. Больной, но не смертельно, как человек-инвалид, давно привыкший к своей боли и старающийся на ней не зацикливаться.

Иногда Любовь плакала. Но тот кусок меня, что её окружал, уже успел превратиться в сплошной ожёг, поэтому кислотные слёзы уже не причиняли столько боли.

Иногда Ксюха улыбалась мне, тепло и ласково, и тогда Любовь грелась в её улыбке, как старый дворовой кот, облезлый и страшный, которого даже за деньги никто не погладит, греется на солнце — единственном, кто может дарить ему тепло.

Я жил, по старой привычке готовясь к тому, что проживу всю жизнь в качестве бесполой подружки, способной поднять столитровый бидон или набить кому-то морду. Ну или что однажды она придёт и пригласит меня на свадьбу. Во втором случае я думал, что убью Любовь. Ну или выгоню, что одно и то же. А умру я сам после этого или нет, кто знает? Может, будет даже лучше… Готовился я, конечно, к худшему, но Любовь, в отличие от меня, умела надеяться, смело и безосновательно, как могут только маленькие дети. Надеяться, что однажды я выпущу её из заточения и её погладит по пушистой шёрстке тонкая Ксюхина ладошка.

***

Всё началось с того, что она опоздала. Я цедил минералку вот уже десять минут, официанты неодобрительно на меня

поглядывали. Сквозь стеклянную стену было хорошо видно улицу и я сканировал её взглядом не переставая. Когда у входа остановился огромный чёрный мотоцикл и с него спрыгнула Ксюха, я старательно протёр глаза. Она сорвала шлем, из-под него водопадом высыпались свежеокрашенные смолисто-чёрные волосы, она закрепила шлем на багажнике, развязно поцеловала сидящего за рулём накачанного лохматого парня.

Я чуть не взвыл. Не знаю, как с такой жизнью можно остаться ревнивым, но я смог. Этот… этот! Целовал мою Ксюшку, обнимал, лапал её! Зарывался пальцами в волны густых волос… Я никогда так не делал!!! Сердце заколотилось как чокнутое, хоть бы он поскорее ей надоел! Тогда можно будет набить ему морду. Наглую смазливую морду. И нос сломать, по-любому. И пофиг, что он тяжелее меня килограмм на тридцать! Я согласен был валяться в больнице в виде мумии хоть год, лишь бы приложить его по этой физиономии, улыбается он ей, урод! И пальцы все ему переломать…

По-моему, дым который из меня шёл, видело всё кафе. Ксюха впорхнула бабочкой, увидела меня, бухнулась на стул напротив:

- Привет! Видел?

Я кивнул. Все видели. Сидит один лох в кафе, к нему привозит девушку другой, а тот первый делает вид, что так и надо. Хотя, теперь, когда она чёрная, мы можем сойти за брата и сестру.

- Его зовут Волк, он байкер, и он ТАК целуется!

Я не знал, что можно так быстро возненавидеть целую кучу людей всего лишь из-за любви к определённому виду транспорта. Оказывается, можно.

- Он такой классный! У него Харлей, он его сам собирал, прикинь? До последнего винтика! Круто?

- Угу.

Нет, перед тем, как его бить, я сначала расхреначу монтировкой его драндулет. Пусть помучается.

- Он весит почти сто пятьдесят килограмм!

- Волк? - хмыкнул я.

- Харлей! - Рассмеялась Ксюха. - Волк весит сто десять.

Точно, ровно на тридцать килограмм. Как я угадал.

- Правда у него классная фигура? Он свой байк поднимает вот досюда! - Она показала рукой где-то на уровне ключиц. - Говорит, что может выше, но боится что упадёт.

Она опять захихикала. Я непроизвольно напряг руки… От студенческого увлечения штангой остались только лёгкие воспоминания. Да, похоже монтировкой я буду обрабатывать не только Харлей.

- Как он тебе?

Я пожал плечами:

- Да как все.

- Думаешь? - Смутилась она. - Ну не знаю… мне нравится. Ладно, сколько у нас ещё до фильма?

- Сеанс в семь. Десять минут ещё.

А завтра в семь я пойду в спортзал. Потому что монтировкой махать хочу долго и качественно.

***

Всё началось неожиданно. Мне позвонил неизвестный номер, на том конце оказалась девушка, голос у неё был приятный и очень взволнованный.

- Здравствуйте. Святослав?

- Просто Слава. Что вы хотели?

- Я Карина, подруга Оксаны…

- Что-то случилось? - Мне поплохело, монитор поплыл перед глазами.

- Нет, ничего. Она не у вас?

- Нет. Что такое?

- Я не могу её найти. Мы должны были идти в театр, а она не пришла. Я стала звонить, а она не отвечает. Просто это на неё не похоже, она всегда приходит…

- Я знаю. Родителям звонили?

- Звонила, не у них.

Хреново… Я поморщился, ЭТО мне тяжело было произнести.

- Волку этому драному звонили?

- Нет, у меня нет его номера.

- А у кого есть?

- Ни у кого нету. Она его ни с кем не знакомила, - девушка смутилась. - А вы не замечали, она в последнее время такая… не такая какая-то?

Я задумался.

- Похоже. Вы тоже замечали?

- Ну, она не особенно это показывает, вы же её знаете, дождёшься от неё… Но я её знаю очень давно, с садика, и я вижу.

- Карин, давайте встретимся? Обсудим, где она может быть и что с ней творится.

- Ну… где?

- Хотите в кафе? А можно у меня. Я совсем рядом с театром.

- Давайте у вас.

- Хорошо, я встречу.

***

Карина оказалась симпатичной блондиночкой, на ней было шикарное, открытое красное платье, много украшений – в театр

собирались. И почему Ксюха со мной в театр никогда не ходила?

Я провёл девушку к себе, постеснялся совать тапочки, сказал проходить в обуви. Предложил чай. Карина поморщилась на дешёвый пакетик, но отказываться не стала, вежливая, блин, какая! Меня это зацепило, я ляпнул:

- Если я хочу хорошего чая, я иду к Ксюхе.

- А если она хочет – она идёт ко мне! - парировала Карина, я прикусил язык. - Она говорила, вы разбираетесь в кофе?

- Хотите кофе? - Она кивнула, я достал турку. - Может, на «ты»?

- Давай, - с облегчением вздохнула девушка, помялась, потом сбросила туфли и влезла на мягкий диванчик с ногами, смущенно пожала плечами, - натёрли.

Я хмыкнул:

- Ксюшка тоже всегда с ногами залазит. Когда ты её в последний раз видела?

- Ой… недели две назад. У каждой своя работа, свои мальчики, друг на друга вечно времени нет, - она махнула рукой, не заметив, как меня передёрнуло от слова «мальчики». Все женщины – рабовладелицы. - Но мы вчера созванивались, договаривались, она купила билеты… А сегодня телефон недоступен и её нет. Я полчаса прождала.

- Всего лишь полчаса? Так может, она уже пришла?

- Мы договаривались на семь двадцать, я опоздала на десять минут и прождала ещё тридцать. А Ксюха никогда не опаздывает.

- Да ладно, - я поморщился, вспоминая Волка. - Вот буквально неделю назад я прождал её десять минут.

- Это ты! - сверкнула глазами Карина. - А ко мне она НИКОГДА не опаздывает! Я знаю её пятнадцать лет!

Я немножко офигел. Решил не спорить. Она выдохнула, взяла протянутую чашку, отхлебнула, подобрела:

- А ты когда её видел?

- Вчера, часа в три. Я её случайно встретил, она за хлебом шла. Поболтали, пока до магазина дошли, потом я дальше пошёл. Ничего странного вроде не было… Ну, она была без настроения, но сказала, что просто голова болит.

- Ни фига вы не понимаете девушек, и не поймёте никогда. Если для вас «без настроения» и «голова болит» это одно и то же, то что дальше говорить. - Она помолчала, с наслаждением понюхала кофе. - У неё это «без настроения» что-то затянулось. Я знаю её обычные приступы чёрного юмора и матерного рэпа, но на этот раз, по-моему, всё серьёзней. Ты стихи её читал?

Я задумался. Когда-то она мне что-то зачитывала, мне вроде даже понравилось, но это было настолько давно… Да и учитывая

мою любовь к чтению – максимум двенадцать страниц, только технические справочники, и только если припрёт… Она поняла, что мне не нравится и перестала напрягать. Я знал, что она выкладывает стихи на какой-то сайт, но ни разу там не был.

- Не читал.

- Что ты за друг… - Карина покачала головой. - В стихах душа. А у неё в последнее время все стихи – сплошной мрак и безысходность! Она даже Волка этого завела, по-моему, чисто из соображений тьмы и мрака – ночь, чёрные мотоциклы, лакированная косуха, рёв движка со снятым глушителем…

Я вернул рукой на место вползшие на лоб брови – Ксюха вирусы пишет, Карина знает, что такое глушитель… Интересно, какие у них остальные подруги?

- Так что она, этого Волка не любит? - Ну скажи, скажи что ей на него наплевать, пожалуйста…

- Да нет наверное… - Карина взлохматила чёлку. - Я подозреваю, что как раз с этим Волком у неё всё будет серьёзно. Да он классный, она фотки показывала, - она заулыбалась. - Высокий, накачанный, волосы такие шикарные. И Ксюха говорит, очень умный, она это любит. Обещал ей мотоцикл собрать. А его зверюгу она уже водит, ты бы видел, как это смотрится – здоровенный мотоцикл и на нём наша маленькая худенькая Ксюшка, так прикольно.

Мне прикольно не было. Совершенно.

У Карины зазвонил мобильный.

- Да. Привет. Да я тут… да, сейчас иду, - она положила трубку, улыбнулась. - Ксюха. У неё мобильный сломался, орёт как баньши, говорит – ждала меня в семь двадцать, потом пошла внутрь. А я её внутри не искала, не додумалась. Ладно, побежала я, а то она меня убьёт. Спасибо за кофе и извини, что напрягла.

Я провёл девушку до двери и задумался.

Включил компьютер, залез на Ксюхину страницу, поискал ссылку на стихи. Ничего так сайтёночек, скромно оформлено, дохренальйон читателей… А вот и Ксюхино творчество. Много. От количества названий мне стало плохо, если я буду всё это читать, я чокнусь через двенадцать страниц. Я вздохнул и открыл стих с самой свежей датой.

«В тёмном доме полном дыма
Просто задыхаюсь.
Кем мы стали, кем мы были –
Виновата, каюсь…»

И это только начало. Дочитывать не стал, перешёл на

следующий, начал читать с середины:

«…И не видит как тихо я
Растворюсь в неизбежности.
Что ж ты делаешь, боль моя?!
*Моя ласково-нежная…» **

Никогда не понимал таких стихов. Нет чтоб чётко и ясно: если – то – иначе… Нет, надо навернуть кучу непоняток! Я закрыл ноут и ушёл на кухню.

Если с этим Волком будет что-то серьёзное… Дальше мысли обрывались. Что тогда? Монтировку достать не проблема, но я подозреваю, что побитого его Ксюха любить не перестанет. Хреновая ситуация вырисовывается… Приглашения на свадьбу я не выдержу.

На кофе вздулась шапка пены, я нацедил полную чашку и ушёл думать.

***

Всё началось с того, что троллейбус сломался. Дождь прекращаться и не подумал, я втянул голову в плечи и выбежал под его холодные струи. Да ладно, всего полторы остановки, ещё не темно, ещё не осень… дойду. И приду мокрый и дрожащий, всё отлично, как и заказывали. Хотел – получай. Нужно быть осторожнее в своих желаниях.

А дождь не такой уж и холодный. Я мерил лужи широкими шагами, на глаза попался магазинчик – зайду, возьму сладкого. Много возьму, чтоб на всю ночь хватило.

А лето уже заканчивается. Днём, на солнце, это ещё не заметно, а вечерами – уже да. Темнеет раньше. Закат обещал быть кроваво-красным, облака уже сейчас отливали недобрым багрянцем, ветер…

Показался её дом, панельная шестнадцатиэтажка, окружённая высоченными деревьями, в её окне горел свет. Я расслабился – значит, она дома, не зря тащился.

Лифт натужно загудел, когда они так делают, мне прямо стыдно каждый раз за свои восемьдесят кило плюс ботинки. Хоть и технарь, и убеждённый материалист, всё равно вечно присваиваю механизмам человеческие качества. На потолке было одним и тем же почерком накарябано «NTL», «Алиса» и «Толкин». Да, разносторонне развитые жильцы в этом подъезде. Лифт дёрнулся и замер, двери разошлись, на меня с одинаковыми злобными мордами уставились толстая бабка и толстый пекинес…

Бывает. Я прошёл к Ксюхиной двери, позвонил. На звонке

синела полоса изоленты, я знал, что точно такая же есть внутри на динамике – сам делал. В прошлом году, когда этот раритет шестьдесят лохматого года стал глючить. На данный момент этот звонок занимал третье место по древности из всего, что я когда-либо ремонтировал. Выше стояли только дедов патефон и лично откопанный в гараже ламповый транзистор.

За дверью послышались неровно шаркающие шаги – тапки на ходу надевает. Я улыбнулся. Она открыла, отбросила с лица розовую чёлку, с обречённым стоном уткнулась лбом в косяк:

- Слав… извини, тут такое творится. Заходи. Только не разувайся, здесь грязно.

Я вошёл, осмотрелся — не так уж и грязно. Мокро разве что, из коридора видно плавающую по кухне дорожку, вот там грязно, да…

- Что случилось?

Она махнула рукой, поморщилась:

- Сейчас расскажу… Пойдём в спальню, я уже видеть всё это не могу, достало.

Мы прошли во вторую комнату, спальней это можно было назвать с натяжкой, от спальни здесь только матрас с постельным в углу на полу. Это была скорее мастерская – по центру комнаты возвышался мольберт с какой-то картиной, сейчас накрытой куском измазанной в краске материи, вдоль стен стояли старые и новые картины, некоторые из них я никогда не видел. На одной был изображён пирс, уходящий в море, а по пирсу нёсся на байке улыбающийся парень в кожаной жилетке и штанах, но босиком. Прорисовано всё было до последнего стелющегося по ветру волоска, руки она ему накачала, пожалуй, даже сильнее, чем на самом деле. А от края пирса начинался призрачный мост в небо, в облаках угадывались ворота, из-за которых бил золотой свет.

- Нравится?

- Летящий вдаль ангел? - Я хмыкнул. Картина была хороша. Вот только глобально… боюсь, я был необъективен.

Она кивнула:

- Да, похоже? Я в последнее время «Арию» слушаю…

Я посмотрел на её чёрно-розовые волосы:

- Правда?

- Ага, - наезда она, по ходу, не поняла. Ну ладно.

- Что у тебя случилось?

- Колонка взорвалась, - она увидела мои квадратные глаза, дёрнула подбородком. - Да не так оно страшно, как говорят. Всего-то грохнуло немного, полная кухня пара, по щиколотку воды, соседи снизу в бешенстве, хозяйка квартиры звонит соседям… потому что мой мобильный залило, в нём кнопки не

работают. Всё нормально уже. Воду отключили, причём какой-то идиот отрубил холодную воду во всём доме, газ я сама отключила… Нормально. Жить можно.

Я покачал головой:

- Да… А я печеньки купил.

- Круто, - она улыбнулась, махнула рукой на застеленный матрас. - Садись, сейчас я чай сделаю.

- Хочешь, я с тобой схожу?

Она пожала плечами:

- Там не очень приятно находиться.

Я фыркнул и стал обувать оставленные на входе в комнату мокрые ботинки. В кухне и правда было жутко, колонка висела косо, всё было залито водой. Ксюха воткнула электрический чайник подальше от колонки, налила воды из баклажки, я выбрал из шкафа чай.

- Блины хочешь? Только они холодные, - я закивал, взял варенье. Её блины я грыз бы даже замороженными.

Варенье опять пришлось открывать, она всегда жестоко поступала с металлическими крышками. Открыть не хватало сил, поэтому она брала злостью – крышка прорезалась ножом так, чтобы можно было просунуть чайную ложку, варенье съедалось, а пустая банка с крышкой дожидалась меня… ну или кого-то другого. Но об этом я старался не думать.

Мы взяли чашки и всё остальное, вернулись в спальню, уселись на покрывало, она отхлебнула чай:

- А у тебя как дела?

- Да как раньше, - я пожал плечами. - Взял левый проект, уже доделываю, видюху новую купил, - я улыбнулся, опустил глаза в чашку. - «Зов Припяти» прошёл.

Она хихикнула:

- А я сейчас почти не играю, рисую много. Допьём, покажу парочку новых работ.

Я кивнул на мольберт:

- А сейчас что рисуешь?

Она покачала головой:

- Эта не закончена, не покажу.

- А стихи новые есть?

Она вскинула брови:

- Ты же не любишь стихи?

Я пожал плечами:

- Почему не люблю? Люблю.

- Ни фига ты не умеешь врать, - она прищурила один глаз, - и никогда не умел. - Я промолчал, уставившись в чашку – не стоит завираться ещё больше. Ксюха вздохнула, - не пишется в

последнее время. А если пишется, то такая муть, ну её на фиг. Рэпак матерный, жестко нелитературный, свободная форма, не поймёшь — то ли стих, то ли песня, то ли вообще чёрт знает что… Вообще в жизни чего-то так… неуютно.

Она передёрнула плечами, обхватила чашку, грея руки. Я не понимал, какие проблемы могут быть в жизни у человека, способного послать на … хоть британскую королеву и игнорировать весь мир, если он не заслуживает внимания. Не понимал, хоть убей.

Но пушистая Любовь дёрнулась к ней, прижала сердце, больно сдавила лёгкие. Ксюшка мёрзнет. А Любовь большая, пушистая, она обернёт собой и согреет… если я её пущу. А я не пущу. Потому что обещал.

- Как там Волк?

- Да так, вроде ничего. Странный он какой-то. Хочет сильно много, - я посмотрел на её смешную футболку с Микки-Маусом, туго облегающую где-то в районе ушей Микки. Удивительно, чего этот Волк хочет? Ненормальный, блин… - И вообще он говорит сильно много… ерунды всякой. - Она стала кривляться и цитировать: - «Я уже взрослый мужик, мне семью пора заводить… ты так классно готовишь, у тебя бёдра широкие, рожать будет хорошо». Нет, скажи, это нормально? Байкер с философией дорога-пиво-свобода говорит о семье и детях! Сам пусть рожает, если так хочет!

Она яростно захрустела печеньем. Я умилился – обидели ребёночка! Она тут в дорогу-свободу решила поиграть, а её рожать заставляют! Негодяй какой.

- Хочешь, я ему морду набью?

- Не, - она улыбнулась, окинула меня взглядом от бровей до пряжки пояса, - ты мне живым нравишься.

А вот на это я обиделся. Я уже месяц в спортзал ходил, намного больше, конечно, не стал, но пузо подобралось и плечи расправились. А для программёра и это подвиг.

- Ты меня плохо знаешь, - сделал морду ящиком я.

- Я хорошо знаю ЕГО. Он бушидо занимается с пятнадцати лет, а до этого на что только не ходил, включая регби и греко-римскую. Да и вообще, с чего ты взял, что его надо бить? Он мне нравится.

Вот с этого и взял. Бушидист, блин… Против лома нет приёма.

- А мне не нравится.

Ксюха фыркнула:

- Знаешь, он почему-то ни одному моему мальчику не нравится! С чего бы это, а?

- Я не твой мальчик, - рыкнул я, сразу понял, что прозвучало это грубо, прикусил язык. Она вскинула на меня испуганные серые глазищи… красные, как будто плакала недавно, я смутился. - Извини, я не хотел так резко, - она уткнулась в чашку, промолчала. - Я правда считаю, что он тебе не пара.

- Почему это?

- Тебе нужен кто-то, кто будет тебя любить… кто сможет изменить твою жизнь к лучшему!

- И он не подходит, да? - Это была ирония, но я не стал обижаться, а только удвоил усилия:

- Ну вот где он сейчас? У тебя проблемы, у тебя плохое настроение, он должен - по идее - быть здесь, рядом. Где он? - Я насмешливо повертел головой. - Волчара, ау!

- Я не стала ему звонить. Он с друзьями собирался на сейшн в другой город, ночью гонки, днём концерты… Я решила его не беспокоить.

Офигеть! Меня, значит, можно с пары срывать из-за плохого настроения, а крутого байкера из-за аварии от гулянки отрывать нельзя! Я фыркнул, покачал головой:

- Ты решила… знаешь почему? А я знаю. Потому что заранее знала, что он не приедет, и не хотела лишать себя сладких иллюзий! Ксюх, это плохая философия. Я люблю тебя, я хочу для тебя только хорошего, - голос даже не дрогнул, а вот Любовь внутри разрыдалась такими ядрёными слезами, что прожгло даже мою дублёную шкуру.

- Любишь… - она согнулась над чашкой, нервно хмыкнула. - Слав, ты мой самый-самый лучший друг, ты меня знаешь, пожалуй, даже лучше, чем Каринка… в некоторых вещах. Вот скажи мне, что во мне не так?

- Что ты имеешь в виду?

- Ну, объективно.

- Объективно – ты самый необычный человек из всех, кого я знаю! Что ты хочешь от меня услышать?

- Почему меня никто не любит? - Я вздрогнул, поднял брови. - Не надо на меня так смотреть… это правда. Мальчики не считаются, это не любовь, это так… «хочу» плюс «мне все будут завидовать». И родители не считаются, они знают, что всё в порядке, и им хватает. А хочется чтобы кто-то… по-настоящему, понимаешь? - Она поставила чашку на пол, вдруг улыбнулась. - Я собаку хочу. Водолаза.

Если это логика, то я – верблюд! Убейте меня об стену, я никогда не пойму женщин!!!

- Ты же говорила, что не веришь в любовь? - Любовь недовольно заворчала, я её понимал, попробовал бы мне кто-

нибудь сказать, что не верит в меня!

- Наверное, и не люблю никого поэтому. И меня никто не любит тоже поэтому, - она фыркнула, развела руками. - Любовь на меня обиделась и повернулась ко мне задом! - Моя Любовь заскулила, задёргалась, вот же я, я не отвернулась, погладь меня! Я напрягся, утихомиривая её. Я не знал, что ответить.

- Славка, а ты смог бы со мной встречаться? Я знаю, что я не подарок, что создаю вокруг хаос и вообще… Смог бы?

Я офигел. Эх, всё равно врать не умею.

- Лёгко.

- Да ладно! - Она рассмеялась. - Я бы постоянно задерживалась на работе, устраивала истерики и изменяла!

Я фыркнул, сделал нахальную морду:

- А, ерунда. Истерики твои я видел, не истерики, а одно название, - теперь фыркнула она, я улыбнулся. - А изменять у тебя бы просто сил не хватило, даже твоих неисчерпаемых!

Она рассмеялась, я поддержал. Решил не останавливаться на достигнутом:

- А ты бы смогла? Я же скучный программёр, нудный и унылый! Засяду за комп и не буду на тебя внимания обращать.

- Ага, ага, унылый он. У меня уже пресс болит смеяться, такой унылый! Вот зайду к тебе в одном фартучке с горячими блинчиками на подносе! Хоть на что-то одно, а среагируешь!

- О, это да! - Я вдруг осмелел немеряно, мой личный чёрт дёрнул меня с богатырской силой, я подсел поближе и обнял её за плечо, посмотрел прямо в её смеющиеся удивлённые глаза. - Так может, давай попробуем? Вдруг получится?

Мою руку она не убрала. Я сидел как пьяный, с таким фейерверком эмоций, что разобрать что-то конкретное в этом месиве было сложно, и тут она…

- Слав, ты чего?

Меня как будто окатили ведром ледяной воды. Опять. Любовь сжалась, задрожала… Я понял, что второй раз этого не выдержу. Поэтому пойду до конца.

- Ксюш, я люблю тебя. - Я обнял её второй рукой, какая же она маленькая… - Я очень тебя люблю. Давно. Наверное, с первого взгляда, только тогда я этого не понял. Если ты будешь со мной, я разгоню к чертям всех твоих мальчиков, я всё сделаю, лишь бы ты была счастлива. - Она молчала, тень от длинных ресниц падала на щеки. - Соглашайся. Я больше так не могу. Ходить рядом с тобой и не сметь за руку взять – это чересчур. Если ты откажешься, ты больше никогда меня не увидишь.

А полегчало. Как будто я несколько лет ходил в тугих повязках из-за сломанных рёбер, а теперь наконец снял и вдохнул

полной грудью. Даже если откажется, хуже уже не будет. Ну, пострадаю пару лет, потом пройдёт. Мужик я, в конце концов, или тряпка? Сколько можно…

Она задрожала, убрала мои руки, отодвинулась и посмотрела на меня маленьким затравленным зверьком:

- Слав, я не люблю тебя.

Мир взорвался. С грохотом, жаром и землетрясением. В глазах рассыпались чёрные искры, пол и потолок пару раз поменялись местами…

Потом я понял, что всё ещё сижу на её кровати, сжимая кулаки. Нет, мир всё ещё жив. Взорвалась моя пушистая Любовь, грудь горела, как будто её вскрыли и залили спиртом, в голове шумело. Я поднялся, обулся и вышел вон. Сбежал по лестнице, ничего вокруг себя не замечая, семь этажей, круги, круги, круги… На улице бушевал дождь, плевать, я вышел во двор, добрёл, спотыкаясь, до спрятанной в зелени детской площадки, сел на низкую лавочку, подставил лицо дождю. Капли лупили по щекам, вот тебе, получай. Не плакалось. Я настолько привык, что за меня плачет моя любовь, что сам разучился это делать.

Шёл дождь, шло время, шла парочка под зонтом.

Мокрые насквозь, у парня один рукав можно было выжимать, у девушки то же самое было с другой стороны. Они смеялись. Остановились прямо напротив меня, целовались, девушка обнимала его сухой рукой, парень отвёл свою мокрую за спину, второй удерживая зонт… Счастливые.

В груди горели и воняли паленой шерстью ошмётки Любви. Противно. Если бы я мог брезгливо отодвинуться сам от себя, я бы это сделал. Меня стало подташнивать, в паре кварталов шибанула в громоотвод молния, в небе треснуло, загрохотало, взвыли сигнализации на стоянке. Я пожалел, что никогда не курил. Хоть чем-нибудь бы заняться…

Шёл дождь, шло время, шли сапожки к сумочке симпатичной девушки. Девушка говорила по телефону, улыбалась кому-то… Убейте меня, мне некому улыбаться!

Шло время. Шло, шло, шло…

На седьмом этаже с грохотом распахнулось окно, на карнизе показалась встрёпанная фигурка в яркой футболке. Сердце остановилось. Девушка выпрямилась, раскинула руки и смело шагнула вниз…

Я вдруг оглох. Сердце не билось уже целую вечность, ветер раздувал чёрно-розовые волосы и футболку с Микки-Маусом. Я отчётливо понял, что ничего не успеваю, совершенно ничего. Я бесполезный неудачник. А она умрёт. Как хорошо, что асфальт под её окнами от меня закрывают деревья. Если я это увижу – я

двинусь. Если уже не двинулся.

Достал телефон, набрал скорую, назвал адрес, сказал «падение с большой высоты». И голос не дрогнул. Машина приехала очень быстро, люди в халатах суетились, доставали носилки…

Я так и не подошёл. Я слабый и трусливый, но я не могу это видеть. Носилки погрузили в машину, я всмотрелся… лицо открыто. Значит, жива.

Жива.

Скорая взревела сиреной и умчалась. Сердце опять начало биться.

***

Я никогда не верил в бога. Ни в какого. И в церковь никогда не ходил. Моя логика была проста – в мире столько ужасного, что если бы бог был, он бы этого не позволил. Значит, его нет. Поэтому надеяться на него не стоит, стоит рассчитывать на вещи надёжные и материальные, то есть на себя. Я всегда в это верил. И эта логика была моим самым прочным стимулом в жизни.

Сейчас я впервые в нём усомнился.

Потому что понимал, что от меня совершенно ничего не зависит. Я ничего не могу сделать. Я сильный, умный мужчина, я могу горы свернуть. А ей помочь не могу. Никак. Ничем. Я звонил в частную скорую, там хорошее оборудование и лучшие врачи. Они всё, что могут, сделают. А я ничего не могу сделать.

Я даже ни одной молитвы не знаю.

Кто-то говорил, что молитвы идут от сердца, а слова не имеют значения. Я прислушался – что там сейчас говорит моё сердце? Что оно готово на всё ради неё. И смысла говорить это богу?

Боже, позволь мне хоть что-то сделать для неё!

Хоть целую жизнь возьми. Если мы всё-таки реинкарнируемся – хоть все жизни возьми!

Фигасе я удумал – с богом торговаться… А что я могу?

Боже, сделай так, чтоб я хоть что-то МОГ!!!

Пожалуйста.

- Ты хочешь ей помочь?

Я был не в состоянии удивляться, поэтому просто обернулся на голос. Со мной рядом сидел мужчина в лёгкой летней рубашке, мокрый насквозь, но ему, похоже, холодно не было. Он зачиркал зажигалкой, закурил, посмотрел на меня из-под густых седеющих бровей.

- Хочу. Вы – бог?

- Нет, что ты, - мужчина хохотнул, - какой из меня бог? Я даже не видел его никогда. Я архангел. - Он взял сигарету в

левую руку, правую протянул мне. - Зови меня Гавриил.

- Слава, - автоматически ответил я. - Вы можете мне помочь?

- Ты сам можешь себе помочь, - на его сигарету капнуло, она зашипела и потухла. - Вот незадача! - Он метко бросил окурок в урну на краю площадки, развёл руками. - Плохая привычка, никак не отучусь… Хоть и не действует на меня табак, всё равно хочется постоянно. Искушения… - Он пожал плечами, прищурился на небо, вздохнул.

Я смотрел на него, думал. Он больше похож на старого автослесаря, уважаемого всеми за опыт и золотые руки, причём недавно ставшего дедушкой и оттого особенно доброго и задумчивого, чем на божьего посланника.

- Что, не тяну на архангела? - засмеялся он. - Да не стесняйся, я всё вижу. Я не в обиде.

- А как я могу… себе помочь?

- Спешишь… Все вы, молодые, вечно спешите. Зря. В нашем деле спешка вредна.

- В каком деле?

- Ну как — в каком? Ты зачем меня звал?

Я бросил взгляд на окно седьмого этажа:

- Хочу исправить то, в чём виноват.

- Хороший подход, - кивнул Гавриил, - сразу признал, что виноват. Не стал кивать на фатальные обстоятельства и вселенскую несправедливость.

- Она выживет?

- Она уже умерла. - Я окаменел, архангел пожал плечами, - её сердце ещё бьётся, кровь ещё струится по венам, но она умрёт. Потому что считает, что ей незачем жить. В таких случаях как этот, её желание очень много значит. Но ты можешь всё изменить. - Я напрягся. - Ты говорил, что готов отдать за это жизнь… а готов ли ты отдать этому Вечность?

У меня закружилась голова. Я никогда не думал о будущем дальше лета.

- В смысле?

- Вечность, какой у неё может быть смысл? - Старик развёл руками. - Я знаю будущее. Если ты сейчас откажешься, то больше никогда меня не увидишь, - он прищурился, - хорошие слова, я их запомнил. Так вот, если откажешься, то будешь жить как раньше. Работать, есть, пить, спать… Тебе будет плохо, но это пройдёт. Через несколько лет. Ты женишься, у тебя будут умные, здоровые дети, хорошая машина…

- А… - я опустил глаза на свою грудь, как будто мог увидеть там обожжённый труп Любви.

- Я её заберу, - кивнул архангел. - Ты вырастил такую Любовь!

Это большая редкость. Я не знаю, как тебе это удалось, ты не похож на человека, способного ТАК любить. Но ты смог. Мы её вылечим и подарим кому-нибудь достойному, знаешь, сколько людей молится о такой Любви? О! Очень много. Она у тебя такая… всесторонняя! Сейчас в основном у всех любовь однобокая, люди знают и любят друг друга только с какой-то одой стороны. А твоя всеобъемлюща, она греет. - На его лице появилось такое неземное блаженство, что мне даже стало неудобно, Гавриил заметил, смутился. - Ты… не обращай внимания. Ты пока всё равно не поймёшь.

- У меня есть какой-то выбор?

- Выбор есть всегда, это священный закон. За то, что ты вырастил такую Любовь, я могу сделать так, чтобы твои страдания быстро прошли и не причиняли столько боли, скажем, не пару лет, а всего лишь несколько месяцев. Как тебе такой выбор?

- А другой вариант?

- Ты отдаёшь Вечность, чтобы вот это, - он указал глазами на окно, - не случилось.

Меня заколотило. Два месяца страданий, а потом – жить долго и счастливо. Но у меня заберут Любовь. Или вечность… чего? Что я буду делать эту вечность?

- Ты будешь пытаться исправить что-то в прошлом, чтобы настоящее не свершилось.

- Каким образом?

- Нам подвластно время. Точнее, для нас оно не константа, а динамическая величина, если так тебе будет понятнее. Ты можешь оказаться в любой его точке и что-то изменить. Только ты не будешь собой тогдашним, ты будешь сторонним наблюдателем.

- Я смогу поговорить с собой и что-то посоветовать?

- Нет, чтобы являться, нужна очень большая необходимость. Ты сможешь подсказывать… заставить обратить на что-то внимание, шепнуть на ухо, как внутренний голос. Тело у тебя будет, сможешь подбросить какой-то наводящий на мысль предмет… Только этим не увлекайся, если человек обнаружит у себя в кармане то, что он точно туда не ложил – это халтура, не стоит так. Что ещё… Крылья у тебя будут, сможешь передвигаться очень быстро куда захочешь, видеть то, что ты ищешь в многомиллионном городе, чувствовать направление. Тело станет нечувствительным – ни голода, ни жажды, ни прочих потребностей. И холодно никогда не будет, как, впрочем, и тепло. Тело – всего лишь инструмент для действий, главное – душа. Душой ты будешь чувствовать даже больше, чем раньше. Ну так

что, ты решил?

Я думал, мозг работал в бешеном темпе.

- И когда я сделаю так, что… этого всего не случится, что тогда?

- Самоуверенный, - улыбнулся архангел. - Ты хочешь, чтобы не случилось одно конкретное событие – чтобы твоя любимая не расхотела жить. Когда это случится, значения не имеет — хоть сейчас, хоть год назад или через десять лет. Если ты сделаешь так, что у неё за всю жизнь не появится желания шагнуть из окна, ты вернёшься в этот самый миг. И на это место. Только ситуация будет другая, та, которую ты сам создашь.

- А если я не смогу?

- Тебе нужно было стать юристом, - погрозил пальцем Гаврила.

- Я думал об этом, - кивнул я. - Ну так как?

- Ты сможешь. У тебя Вечность в распоряжении, ты бессмертен, ты – только душа, а тело без потребностей – хороший инструмент. Вечный и безотказный. Ну так что? Ты решил?

Я думал. Я же этого и хотел, чтобы мне позволили просто СМОЧЬ что-то изменить. Осторожнее нужно хотеть…

- Если у меня будут ещё вопросы, можно будет по ходу дела обращаться?

Старик засмеялся:

- Можно, можно! У меня Вечность времени, я всегда подскажу что захочешь. Значит, ты согласен?

- Да, - я кивнул. Я понимал, что никогда не делал большей глупости и вряд ли когда-нибудь сделаю, но если я этого не сделаю, я никогда себя не прощу.

- Смелый маленький ангел, - старик поднялся, поправил брюки, - ты мне нравишься. Хоть и веры в тебе нет, и любви ко всем ближним тоже. Я сделаю тебе подарок, вставай. - Я поднялся, оказавшись выше него на полголовы, расправил плечи. Архангел протянул руку к моей груди и я почувствовал, как обугленные ошмётки Любви срастаются, шрамы исчезают, опалённая чёрно-розовая шерсть расправляется и начинает переливаться. - Я не буду её забирать, даже на время, хотя стоило бы… Пусть она будет у тебя, раз ты её так бережёшь. Возьми, - он достал из-за спины сияющий меч из белого металла, хотя ножен я не видел, протянул мне. - Он не может убить или ранить, но он должен быть у тебя, - старик пожал плечами, хохотнул, - атрибут профессии! Удачи тебе, маленький ангел. Я буду молиться за твою Любовь.

Он пожал мне руку, за его спиной хлопнуло сразу шесть белоснежных крыльев и его размытый силуэт унёсся в грозовое

небо.

Я стоял под дождём, сжимая серебряный меч, которым нельзя драться, и думал о том, как же офигенно круто я попал.

Часть вторая. После

Холодно не было. Дождь стучал по плечам, ботинки утопали в грязи. Ангел в грязных ботинках, полный сюр… Меч мешался в руках, но я не знал, куда его сунуть. Время. Мне подвластно время, но я не знаю, куда деть бесполезную железку. Гавриил достал его из-за спины, я подумал и попытался сунуть меч в воображаемую перевязь на лопатках. Он вошёл как родной, я вздохнул с облегчением.

Теперь дело. Надо посмотреть, что было в комнате после того, как я ушёл. Я дошёл до двери подъезда, стараясь не смотреть на размытое дождём кровавое пятно… Сколько крови. Сколько же в ней осталось, если столько вытекло?

Поднялся на седьмой этаж по лестнице, совершенно не запыхался. На пробу прошёл сквозь дверь – получилось. Посмотрел на пустую Ксюхину квартиру, стало жутко, я почувствовал себя то ли вором, то ли извращенцем – вломился сам в чужой дом. Теперь время. Как вернуть его обратно? Я прикрыл глаза, представил шкалу времени, появился почему-то кусок 3д-студии, сто лет в ней не работал, с чего бы это? Сто лет… я вдруг подумал, что теперь для меня это вполне реальная цифра. На пробу протащил воображаемый ползунок шкалы на час назад, воздух вздрогнул, ничего вроде бы не изменилось. Я стоял в коридоре, в кухне капала вода, в спальне…

В спальне тихо пела Ксюха. Мне вдруг стало так хорошо – вот она, живая, с ней всё в порядке! Я шагнул вперёд, стараясь не шуметь, прошёл сквозь дверь спальни и увидел её. Ксюха рисовала. В ушах были наушники, она качала головой в такт и тихо подпевала знакомую медленную мелодию. Я зашёл ей за спину, глянул на полотно. На картине была девушка, обнажённая. Она стояла по пояс в непрозрачной воде, грудь прикрывали длинные мокрые волосы, лицом она здорово смахивала на Карину, только более тонкая, даже болезненно. Правой рукой русалка зажимала кровоточащую рану в центре груди, а левой протягивала вперёд недорисованное сердце. И тут я узнал играющую в плеере песню – «Возьми моё сердце». Как же, как же, в самый раз.

Ксюха отложила палитру и кисть, вытерла руки большой белой тряпкой, порылась в шкафу, достала некую чисто женскую гигиеническую принадлежность, я отвернулся, её шаги прошуршали из комнаты. Не знаю, умеют ли ангелы краснеть, но я – умею, причём очень качественно.

Раздался звонок. Ох и противный же звук, и чего я тогда его не поменял? Вошла Ксюха со мной… Неприятно смотреть на себя со стороны. Я что, всегда так сутулюсь? Немножко ускорил время, они побежали быстрее, прикольные, как в кино… О, вот я её обнял! Я вернул времени нормальную скорость.

- Соглашайся, я больше так не могу…

Идиот… Думаешь, мне теперь лучше?!

- Слав, я не люблю тебя.

Как же это больно. Я знал, что она это ответит, но всё равно больно. Старый я сорвался с места, хлопнул дверью. Ксюха сидела в той же позе, её трясло. Я подошёл поближе, она достала из тумбочки у матраса пачку тонких сигарет, зачиркала спичкой, сломала, ругнулась, достала ещё одну.

Я не знал, что она курит. Она затянулась, вытерла намокшие глаза:

- Дурак… Где ты раньше был?

Интересненько…

- Дурак! - Она швырнула пачку в стену, потом туда же полетели спички, потом она схватилась за живот, поморщилась и легла на постель, свернулась клубком. - Дурак… никогда не доставай девушку, когда у неё месячные.

Хм, я запомню.

Она докурила, опять взялась за кисть. На кухне зазвонил телефон, она вздохнула, вытерла руки, влезла в тапки и пошаркала из комнаты. Несколько раз ткнула пальцем в кнопку, наконец сработало, она ответила:

- Да.

Я подошёл поближе, приставил ухо к телефону с другой стороны.

- … знаете хозяина телефона?

- Да, знаю. Он его потерял?

- Нет. Мне очень жаль, он… разбился на мотоцикле. А ваш номер последний, на который он звонил, поэтому мы… Алло? Вы меня слышите? Вы сможете подписать опознание? Алло!

Ксюха опустила трубку, по лицу покатились слёзы в три ручья, глухо застучали по линолеуму, она села на пол, закрыла лицо руками и закричала… Я никогда не слышал, чтоб люди так кричали. Этот крик меня резал, как наждаком, она размазывала по лицу хлынувшую из носа кровь, поднялась, пошатываясь рванула в комнату, упала на колени возле картины с байкером. Глухо заскулив, провела по ней дрожащими пальцами, оставляя кровавые полосы. Не прекращая рыдать, бросилась к окну, рывком открыла и вспрыгнула на карниз. Я закричал:

- Нет, не надо!

Она обернулась, посмотрела сквозь меня на картину и шагнула…

Я остановил время.

Вот так вот, да? Вот тебе и летящий вдаль ангел… Странный, пусть сам рожает, если хочет!

Я горько рассмеялся. Просто порыв. Её можно остановить. Я промотал время назад, догнал себя, сбегающего по ступенькам, попытался поймать за руку – куда там! Несётся, как лось. Подождал, пока он сядет на лавочку, сел рядом, заговорил:

- Вернись к ней! Ей плохо, идиот, успокой её!

Старый я смотрел на целующуюся парочку. Плохо было ЕМУ. Проблемы были только у него, весь остальной мир мог идти лесом. На подоконнике появилась фигурка Ксюши, я резко отвернулся и закрыл глаза.

***

Потом мне в голову пришла идея, что её могут остановить соседи, я потратил полчаса своего субъективного времени на уговаривание бабульки-соседки пойти к Ксюхе за солью, но та в результате пошла за солью в магазин.

Не любят люди слушать внутренний голос.

Другой сосед вообще спал, и добудиться его я не смог.

Потом подумал, что лучше убрать сам звонок, попытался отключить телефон, но почему-то не вышло, я вспомнил слова архангела про наглое вмешательство и оставил свои попытки. А возможно, просто не работала кнопка, результат в любом случае один. Тогда я взял кружку воды и плеснул на мобильный – дохлый номер, он всё равно зазвонил.

Я был в бешенстве.

Кто ещё может остановить её? Карина? Попробуем…

Я поднялся на крышу, расправил крылья, почувствовал, как в них упирается тугой ветер, взмахнул…

Подбросило метров на десять, я перестал молотить крыльями воздух, расправил их, медленно поплыл над дождливым городом. Где её искать? Понятия не имею, где она живёт. Покружил над домами, надеясь, что проснётся то таинственное знание, о котором говорил архангел. Надо сосредоточиться. Я представил Карину, попытался нащупать направление… Ага! Вроде, что-то есть. Качнул крыльями, город подо мной накренился и понёсся с сумасшедшей скоростью, я приземлился прямо в квартире, нырнув сквозь потолок и стены. Карина сидела за ноутбуком, по монитору бегала грудастая лиса с мечом больше её самой, на столе стояла тарелка с пирожными. Я отмотал время немного назад, пусть будет с запасом, подошёл к девушке. Гора пирожных на тарелке выросла, больше ничего не изменилось. Наклонился в

её уху, максимально убедительно сказал:

- Позвони Оксане. Позвони, поболтай с ней, расскажи что-нибудь весёлое.

Карина положила пирожное, вопросила в пространство:

- Ксюхе позвонить, что ли?

Я запрыгал от радости, что хоть кто-то наконец меня услышал, закричал:

- Да, да, позвони! А лучше приезжай к ней!

- Позвонить или не позвонить? - Протянула девушка, полюбовалась маникюром. - Ну, допустим, позвоню. Проболтаем все бесплатные минуты, а вечером моё чудо будет вопить, что у нас совсем нет времени…

- Не будет вопить, - пообещал я, - я его успокою!

- Ну конечно, я его успокою, но Ксюха же позовёт к себе, - продолжала Карина, - а у меня сегодня выходной, и не отмажешься… А переться к ней через весь город… Нет, не хочу, - она махнула рукой, - не буду звонить, пусть сама звонит.

Я зарычал, взревел:

- Звони!

- Нет. Лучше поиграю.

- Она там из окна прыгает, пока ты тут играешь!

Я хлопнул ладонью по столу, Карина дернулась:

- Окно, что ли, открыть?

- О, боже… - я сел на пол, вспомнил старика-архангела. - Шепнуть на ухо, говоришь? Я не знал, что буду шептать так тихо!

Карина надела наушники и взяла следующее пирожное. Я ткнулся в стену лбом и зарычал.

***

Я сидел на её постели на полу, она рисовала и пела. Все мои потуги ни к чему не привели. Я даже пытался подхватить её на лету – она прошла как сквозь туман. И ничего не изменилось.

Я ещё раз отмотал время назад, свежие мазки исчезли, Ксюха стала наносить их заново… Я не знал, что она так хорошо поёт. На меня навалилась безысходность, придавила, на глаза навернулись злые бессильные слёзы… Что я могу? Взгляд упал на картину с байкером, я подошёл ближе, присел, рассматривая его получше.

- Неужели ты правда его любишь? - Я уже несколько суток разговаривал со всеми присутствующими и сам с собой, это помогало не чувствовать себя привидением. Ксюха вытащила один наушник, прислушалась, тряхнула головой и вернула его на место.

Я поднялся, посмотрел на свою любимую девушку… Смогу ли я отдать тебя ему ради твоего счастья?

Ксюшка погрызла кисточку, прикрыла глаза, тихо пропела: «мне некуда деться, свой мир я разрушил»…

Я хмыкнул — да, мне некуда деться. Крылья хлопнули за спиной, город удалялся, я искал на ощупь лохматого байкера. Нашёл. Его тело грузили в скорую. Я зажмурился, как же меня достали эти скорые! Отмотал время назад, потом вперёд, пронаблюдал как солнце стремительно катится по небосклону, как вырастают тени, как летит над асфальтом чёрный байк, подскакивает от удара сбоку, слетает с дороги, вспыхивает… Из ударившей его машины выбежал, пошатываясь, выпивший парень, схватился за голову.

Понятно. Я промотал время назад, нашёл водителя машины. Он сидел с другом в небольшой пивнухе, друг, уже изрядно навеселе, заводил извечную песню «ты меня уважаешь?» и водитель поддавался, брал выпивку. Потом ещё и ещё… Я отщёлкнул время, полчасика, должно хватить, зашептал водителю:

- Ты за рулем, олух! Штрафы подняли, колодки старые, не пей, козленочком станешь! - Парень замер, почесал ухо, я напирал, - не пей, дорога плохая, пиво здесь – дрянь, не пей, я сказал, козлёночком станешь!!! - Водитель почесал второе ухо. - Будешь бегать вокруг машины и вопить «ладушка, машинка моя, это я, твой хозяин!», а она скажет «на фиг мне пьяный хозяин, я на штрафплощадку не хочу!».

Парень почесал затылок:

- Знаешь, Лёх, я по-моему уже допился. Поеду я.

Друг завозмущался, мне было наплевать – я блаженствовал! Наконец-то хоть что-то получилось! Я разбежался и полетел рядом с машиной, вот он – тот перекресток, вот несётся оглашённый Волк, вот водитель бьёт по тормозам… А ни фига. Глухой удар, мотоцикл разворачивает, он отлетает с дороги, байкер бьётся лицом о покорёженный руль, лужа крови, скорая… Правда, в этот раз удар пришёлся не в дверь, а в бампер, и ничего не горело, но меня это мало утешило.

Я сидел на асфальте и грыз ногти. Ногти были безвкусные. Молодая медсестричка всхлипнула, убрала волосы с разбитого лица байкера, прошептала:

- Дурень, что ж вы все без шлемов гоняете? Правила для кого придумали, а? Молодой совсем…

Я с благодарностью посмотрел на девушку, поднялся с земли и рванул туда, откуда приехал Волк, одновременно проматывая время. Я тебя, олуха, научу правилам дорожного движения!

***

Я сидел на неубранной кровати, забравшись с ногами поверх

одеяла. Пододеяльник был розовый, в зайчиках и мишках, мой восьмилетний племянник когда-то раскритиковал подобную расцветку, обозвав её детской и девчоночьей. А товарищу байкеру, по ходу, нравилось.

Сам товарищ, кстати, в этот самый момент стоял, согнувшись, у низкого для него зеркала и выщипывал брови, иногда отвлекаясь на выдавливание прыщей.

Я заморозил это мгновение. Я искал его несколько своих часов, пролистывая его жизнь в ускоренном темпе, и всё-таки нашёл этот момент – когда чёртов драный Волк выглядел нелепо и смешно. Нашел и остановил.

И теперь расхаживал вокруг соперника с видом зайца, который обнаружил, что лиса застряла между деревьями, и теперь он может… да всё что угодно!

Правда, когда я подошёл к Волку достаточно близко для пресветлого ангельского пенделя, то неожиданно понял, что байкер выше меня сантиметров на пятнадцать, а в плечах шире ещё ощутимее, и моё торжествующее эго от этого знания как-то приувяло.

Поэтому я отошёл подальше. Залез с ногами на разбросанную постель, внимательно осмотрел подошвы ботинок. Обнаружил, что грязь с них почему-то никуда не пристаёт, даже на полу следов не оставляет. Расстроился. Перевёл взгляд на согнувшегося у зеркала с щипцами байкера… воспрял! Да ладно, подумаешь, грязь! Проблема, блин.

Порылся в его столе, нашёл конспекты по математике, гору мужских журналов, кучу всякой ерунды. Открыл конспект, почитал, поморщился. Плохой конспект. У меня лучше. Эго воссияло, аки пламенный меч, я продолжил раскопки. Открыл один из журналов, пролистал, потом округлил глаза и посмотрел на обложку… У меня в столе лежал такой же.

Получай, возгордившееся пернатое!

Я пожалел своё поблёкшее эго, аккуратно сложил вещи на место, посмотрел внимательнее на парня…

Из-за тебя моя любимая покончила с собой.

Подошёл к нему вплотную, всмотрелся в лицо – красавчик, блин. Не нежный принц из сказки, а вполне настоящий, живой мужчина, грубоватый, надёжный, обаятельный. Формата «девкам нравится»… Но не на морду же она повелась? Это на неё не похоже. Ну что в нём такого особенного?!

«Чем он лучше меня» я не подумал. Я не хотел видеть этот вопрос даже в мыслях. Руки толстенные, перевитые плотными мышцами, загорелые. Грязь под ногтями – это я себе в утешение отметил. И тут же поправился – не грязь, а солидол какой-нибудь.

Мотоцикл стоит в соседней комнате, то ли прихожей, то ли гараже – чёрт знает что, а не квартира! По центру стоит, по-хозяйски, мол, это ты, наивный, думаешь, что завёл себе Харлей! А на самом деле это я, Харлей, завёл себе байкера. У нас, Харлеев, это модно. Заведёшь себе питомца и он тебя кормит, моет, чешет… А ты его только выгуливай иногда и всё.

Я покачал головой, почесал затылок. Ну и мысли лезут в голову, когда понимаешь, что твой привычный мир – ерунда, законы физики глубоко условны, а любимая девушка шагнула в окно из-за вот этого…

Ещё раз глянув на «вот этого», я вздохнул, промотал время вперёд, оставив до его рандеву с капотом Лады ещё несколько часов, прошелся по квартире ещё раз, готовясь к акции «спасите идиота».

Шлем у него был, но валялся на самой запылённой антресоли самого высокого шкафа. «Слушай, Волк, а почему ты не надеваешь шлем?» «А я когда в шлеме, у меня ветер в голове не свистит, ездить не интересно». «А может, просверлим напротив ушей дырочки, сквозняк будет хороший, тебе понравится» «Правда?» «Конечно!».

Я злился уже давно, но знал, что спасать это ходяче-ездячее недоразумение всё равно придётся, а потому злился ещё больше.

Схватил шлем, принёс его в гараж-гостиную, поставил на шкаф – может, Волк уже не помнит, где его оставил, – и запустил время.

Байкер посмотрелся в зеркало, тщательно расчесался, побрызгал волосы какой-то ерундой, на которой я узнал только название разрекламированной марки косметики, помазал чем-то лицо и руки, надушился как-то по-девчачьи, капельку на руку, капельку на шею…

А может ну его, пусть бьётся?

О боже, дай мне сил… Я отвернулся, проматывая время, пока Волк не закончил свой туалет и не стал выкатывать байк из квартиры, немного замедлил время, заговорил:

- Товарищ оглашенный байкер, не кажется ли тебе, что свой жизненный запас везения ты не просто исчерпал, а прямо таки залез в долги? - Он замер, я продолжил. - Я, великий светлый ангел, повелеваю тебе сегодня ездить медленно, осторожно и в шлеме, иначе отвернусь от тебя и больше никогда не помогу!

Байкер почесал затылок, зафиксировал мотоцикл и пошёл в ту комнату, из которой я только что принёс шлем. Вот же… блин! Я притормозил время, перетащил шлем на прежнее место, Волчара как раз заглядывал на антресоль. Он нащупал шлем, вытащил, обтёр ладонью пыль, скривился…

А не фиг забрасывать его было!

…и поставил на место. Махнул рукой и вышел из комнаты.

У меня отвисла челюсть.

- Бери шлем, ты, чистоплюй хренов!

Волк даже не обернулся. Подошёл к байку, выкатил за порог, поднял и понёс вниз по лестнице. Интересно, а если бы он жил не на втором, он бы так и таскал его в руках?

Я бесился. По большей части из-за того, что надеялся, что Ксюха сочиняет про поднимание мотоцикла в полтора центнера весом. До последнего надеялся.

Я вернул время на момент выкатывания байка из гостиной, заморозил, покосился на дверь дальней комнаты, в которой пылился шлем… Ну почему я должен это делать?! Я приготовился поныть пару минут, обличая в несправедливости весь мир оптом. Перед глазами возникла растрёпанная чёрно-розовая шевелюра на фоне грозового неба. Появилась злость на себя. Причём такая лютая, что была бы возможность заехать себе по морде – не колебался бы ни секунды. Почему должен? Да потому что МОГУ! Потому что когда припекло, мигом уверовал во все религии сразу и выпросил у всевышнего ни много ни мало – мочь! А теперь хнычу «почему я?».

Так, собрался, встряхнулся и пошёл на подвиг.

***

Я поставил насухо вытертый, блестящий шлем на прежнее место, полюбовался… Потом в голову пришла совершенно сумасбродная мысль, я хихикнул, взмахнул крыльями, пронёсся над городом, нашёл своим внутренним радаром самую красивую и большую голубятню, тихонько спланировал на конёк крыши. Голуби косились на меня пугливыми фиолетовыми глазами, но не улетали. Я заметил немолодого мужчину, держащего в руках белоснежную голубку, явно очень породистую, с выпяченной грудкой и хрустально-снежными перьями хвоста, подождал, пока с неё упало маленькое пушистое перо, поймал, расправил… покосился за плечо, на свои летательные приспособления. Дубль пусто – они появляются только тогда, когда я уже готовлюсь ими взмахнуть. Ну и ладно.

Полетел назад к байкеру, немного отмотал время к тому моменту как он, махнув рукой, выходит из комнаты, оставляя в ней пыльный шлем. Приземлился на антресоль, ещё раз протёр рукавом шлем и аккуратно положил под него голубиное перо. Запустил время, окликнул выходящего байкера:

- Эй, смертничек! А шлем взять?

Волк обернулся, нервно переступил с ноги на ногу, настороженно бросил:

- Кто здесь?

Надо же, какой чувствительный. Я фыркнул:

- Ангел-хранитель, ёлки зелёные! Быстро надел шлем, а то повернусь к тебе задом!

Парень поскрёб затылок, сбив набок укладку, потопал к шкафу, достал шлем… совершенно чистый и блестящий. От лёгкого колебания воздуха пёрышко поднялось и кружась спланировало на пол, к носкам ботинок оторопевшего байкера.

- Матерь божья… Мистика какая-то!

Я фыркнул, сложил руки на груди. Вот и делай людям безвозмездное добро! Женщиной обозвали вместо спасибо.

Он покачал головой, взял шлем подмышку и стал выкатывать свой будущий металлолом на лестничную площадку. Я подождал, пока он сядет за руль и заведёт мотоцикл, взлетел и поплыл рядом с ним – на этот раз я всё четко проконтролирую. Дождь здесь шёл не так сильно, или просто ещё только начинался, но видимость уже была не ахти, а покрытие и того хуже – я запереживал, подлетел ближе к Волку, закричал в самое ухо, перекрывая рёв двигателя:

- Не спеши! Плохая дорога!

Он немного сбросил скорость, я удовлетворённо улыбнулся – все бы так. Судьбоносный поворот приближался, я поднялся выше – так и есть, летит наперерез по второстепенной наша знакомая машинка. Быстро летит, зараза. Я рванулся вперёд – пусть старик говорил, что являться я всё равно не умею, попытка не пытка, не убьёт же меня это, – и стал на месте их будущего столкновения, широко разведя руки и крылья, как будто они могли хоть чуть-чуть смягчить удар. В последний момент всё же не выдержал и рванул в небо – нервы сдали. Подо мной раздался глухой удар, звон стекла и скрежет металла, я глянул вниз – Волк лежал на обочине с окровавленной головой, шлема на нём не было, из легковушки через пассажирскую дверь кое-как выбрался водитель, схватился за голову, стал звонить по телефону. Я приземлился возле байкера, склонился над ним, тихо спросил:

- Ну как? Жить будешь?

Волк застонал, приоткрыл один глаз, посмотрел точно на меня и прошептал:

- Ангел…

Я оторопел. К нему подбежал водитель машины, стал вытаскивать из-под покорёженного мотоцикла, приговаривая между матами:

- Ну вот как знал! Как знал – будет что-то! Хорошо, что я пить не стал, вот попал бы тогда… Какой же ты тяжёлый… - Он освободил окровавленного летуна, подсунул ему под голову

сложенную ветровку. - Держись, парень, скорая уже едет. Сколько пальцев видишь?

Волк попытался поднять руку к голове, скривился, рука безвольно упала, он прохрипел:

- Что-то вижу… вроде.

- Ну слава богу. Попить дать?

Я отошёл от них, побродил по асфальту, пиная осколки шлема, посмотрел в мутное небо… Да, ребята, слава. Без вариантов.

***

Она сидела на подоконнике, докуривая вторую сигарету. На мольберте подсыхала законченная картина, в её наушниках рвал глотку Кипелов.

Я сидел на карнизе с другой стороны, болтая ногами над семиэтажной пропастью – я никогда не боялся высоты. Дождь заканчивался, тучи улетали на запад, полегчавшие, но всё равно тёмные, багрово подсвеченные заходящим солнцем. Жуткое зрелище.

Ей никто не позвонил. Асфальт под окнами сиял невинными лужами дождевой воды с плавающими окурками, на детской площадке под раскидистой липой сидело жалкое мокрое тело, сгорбленное, как будто перед ним стоял невидимый компьютер с нерешаемой задачей. Хотя, если образно, было очень близко к тому. Ксюха выбросила окурок в окно, потёрла лицо, опять посмотрела на замершего в одной позе старого меня:

- Ну вот чего ты там уселся? На нервы мне действовать?

Я подозревал, что старый я просто никак не может прийти в себя и решить, что ему вообще делать, и уж точно не задумывается о Ксюхиных нервах. Тихо сказал:

- Плохо ему.

Девушка покачала головой и отошла от окна, я расправил крылья и спланировал вниз, общаться с собой.

***

- Что значит «не выполнил»?!?

Я был в шоке. По моим понятиям, я только что совершил подвиг, да такой, что Геракл с Персеем нервно курят в сторонке.

Архангел меланхолично пожал плечами:

- Если бы выполнил, мы бы с тобой сейчас не разговаривали.

- Ну что я сделал не так?

- Много чего… - Гаврила вертел в руках тонкое белое перо, похоже было, что оно занимает его гораздо больше, чем моё бедственное положение. - Ты добился результата, да, но действовал… разумно, логично, даже весело, - он подул на перышко, усмехнулся. - Вот только, как бы тебе сказать, без

души? Без… любви? Когда ты делаешь добро, его нужно делать просто так, не рассчитывая на ответное действие или даже благодарность. Иначе это уже не добро, это торговля твоей возможностью его делать. - Меня передёрнуло от такой трактовки, Гавриил не заметил, или просто сделал вид, что не заметил, поднял глаза на небо, помолчал. - Ты уже научился чувствовать души?

Я покачал головой – ничего сверхъестественного я за собой не замечал. Ну, кроме крыльев.

- Это плохо. Ты должен был почувствовать сразу, у тебя была возможность.

- Что почувствовать? Как?

- Душа… Эх, ты ведь веришь в науку, а не в религию или даже магию. Как ты видишь душу? Чем ты её представляешь?

Я промолчал о том, что до сегодняшнего вечера вообще слабо верил в предмет обсуждения, задумался, пробормотал:

- Какой-то сгусток энергии… Возможно, поле.

- Ну, допустим, - старик погладил перо, усмехнулся в усы, - поле. Ну пусть будет поле. У него ведь есть какие-то свойства, которые могут меняться?

- Конечно, - я чуть не начал заученно перечислять по пунктам с комментариями, но вовремя вспомнил, что давно уже не студент, и прикусил язык.

- И значит, поле с разными свойствами по-разному должно воздействовать на тебя. А теперь вспомни, не ощущал ли ты каких-либо новых… эмоций? Неизвестных тебе раньше?

Я стал прокручивать в голове последние несколько суток. Моих суток, для большого мира ещё не зашло солнце того дня, когда я проспал работу. Меня постоянно преследовала дикая злость, но к ней я и раньше был восприимчив – дальше некуда. Так что же было нового? А может… я вспомнил, как Ксюха упала на пол, сжимая трубку и закричала, меня тогда так мандражило, что… никогда такого не было.

- Да, похоже. Ну что ж, значит, что-то ты чувствуешь, это хорошо.

- И что мне это даёт?

- Это даст тебе возможность не совершать ошибку, о которой мы уже говорили… - Старик прицелился в меня пером, испытующе прищурился, я быстро прокрутил в памяти наш разговор и ответил:

- Не торговать добром?

- Вот, - он улыбнулся, закивал, - именно! Когда ты меняешь мир так, как нужно тебе, ты должен помнить – ты делаешь это для неё. - Я покосился на окно седьмого этажа, но архангел

покачал головой и ткнул меня в грудь пёрышком, - для вот неё, маленький ангел, для Любви! Без неё нет Смысла!

- Смысла?

- Смысла жить. Ты когда-нибудь задумывался о Смысле?

Я опустил голову. Разговаривая с Гавриилом, я вечно чувствовал себя нашкодившим первоклассником в кабинете доброго директора, который меня не ругает, а с улыбкой объясняет, что бить стёкла нехорошо, потому как их плавили стеклодувы, резали и вставляли в рамы стекольщики, мыли на прошлой неделе девчонки-дежурные, а я, неуч, бью!

Смысл… Да для меня смысл всегда был понятием на день – смысл тащиться в магазин, если можно позвонить соседу Женьке, чтоб он всё купил, а потом отдать деньги. Ну в крайнем случае, у меня был смысл учиться, чтоб получать повышенную стипендию, а в дальней перспективе ещё и хорошую работу. А смысл жить… Живётся – вот и живу. У меня никогда в жизни не было желания задумываться о её смысле.

- Плохо… - архангел сгорбился, опустил голову. - А ведь с этого надо было начинать, я же дал тебе подсказку, ещё тогда… У твоей любимой не было шансов выжить, почему?

- Потому что смысла не было… - прошептал я. А ведь правда, он же говорил! Ксюшка не видит смысла жить, вот и… Да. А я решил, что смысла жизни её лишила смерть байкера. Было очень похоже, но раз я всё ещё пернато-крылатое привидение временного континуума, значит нет. Значит она… О, боже. Она ещё раз попробует сделать жизни ручкой. И пока я не разберусь, в чём причина, и не устраню эту причину – я буду болтаться в этом полумёртвом состоянии. Плохо.

- Я найду причину того, что она не хочет жить, - убеждённо сказал я.

- Найдёшь, - не менее убеждённо кивнул старик. - Я помог тебе?

- Да, очень. Спасибо.

- Помни, просто добро, чистое, без вредных примесей собственных целей или выгоды. - Я кивнул, он поднялся, посмотрел на хмурого второго меня, сидящего на другом краю лавочки. - Удачи. Будут вопросы – зови.

Он растворился в вечернем небе, я посмотрел на мокрого насквозь и дрожащего старого себя, подсел к нему поближе:

- Ну что расселся, а? Шуруй домой, обещал же, что она тебя не увидит, а теперь маячишь перед окном, на жалость давишь. - Старый я фыркнул и поднялся, одёрнул куртку, с неё сорвался град капель.

Я смотрел на целеустремлённо шагающего себя, пока он не

скрылся за углом, поднял глаза на всё ещё открытое окно Ксюхи. Что ты сейчас делаешь? О чём думаешь? Может, о грустном мокром программисте, не привыкшем к заданиям типа «пойди туда, не знаю куда, найди то, не знаю что»? Или о лохматом накачанном байкере, который и знать не знает, что ты только что была на волосок от смерти? Хотя, у него сейчас своих проблем по горло… Я вспорхнул на карниз, заглянул. Она сидела на постели и болтала по телефону, протиснувшись сквозь раму, я услышал:

- … он как с цепи сорвался, ты бы это видела! Взгляд как у маньяка, я сижу, думаю – он меня сейчас или ударит, или вообще поцелует, а он вскакивает и уходит… Сидит сейчас на лавочке во дворе, там дождяра лупит, а он сидит… Хоть бы не простудился. - Я умилился, как трогательно, какая забота! Ксюха помолчала, кивнула, - хорошо, что ты позвонила, я тут чуть не чокнулась. Он выбежал, я сижу, меня колотит… жуть полнейшая. Приезжай ко мне завтра на чай? У меня работы немного, до обеда освобожусь, поболтаем, а? Работаешь… а послезавтра? Давай. С меня чай, с тебя печеньки! - Она покосилась на полный пакет печенья, который притащил я, помрачнела ещё больше. - Ладно, давай. Пока.

Положила трубку, сунула в уши наушники, навернула громкости. Я подсел к ней, приблизил ухо к наушнику… непонятно, но что-то такое гитарно-роковое. Поколебался пару секунд и всё-таки положил голову ей на плечо. Она не двинулась. Я что, ничего не вешу? Опёрся о её плечо обеими руками, надавил... Ноль эффекта. Значит, правда не вешу. И запахи не чувствую. Почему-то именно это очень обидно. Когда Ксюха бывала у меня, ещё в той жизни, далёкой жизни "до", мы частенько засиживались за чаем до ночи и тогда я укладывал её спать в зале на диване. А когда она уходила, ложился на её подушку и несколько минут лежал с закрытыми глазами, вдыхая запах её волос...

Поначалу я пытался избавиться от этого глупого фетишизма, но потом решил, что в моей жизни не так уж много радостей от моей урезанной версии любви, и лишать себя одной из них — непозволительная роскошь. А теперь вот всё, надышался, пернатый. Скатай губу обратно и не капай слюнями.

Отодвинулся, вздохнул и принялся просто смотреть на Ксюху, к счастью, этого меня никто не лишил. Изучать её лицо, каждую прядь чёрно-розовых растрёпанных волос, майку с мультяшным мышом...

Я как раз дошёл до зелёно-рыжих полосатых носков с пальцами, когда понял, что щемящее чувство в груди вызвано не неудобной позой, а тем самым новым моим умением. И увидел её

слёзы. Она плакала очень тихо, без всхлипов и размазывания соплей по мордашке, но мне было так плохо... Моя Любовь завозилась, затопталась внутри, ну сделай что-нибудь, хранитель недоделанный, у тебя подопечная рыдает, а ты сидишь как засватанный... А что я могу? Я понятия не имею, чего она ревёт!

Ну ладно, имею. Из-за меня ревёт. Что дальше? Я - тот я, который не пернатый и с весом, - сейчас едет домой и скорее всего, по прибытии первым делом нажрется и снимет девку. Я почему-то уверен, что он простился с иллюзиями о большой и чистой любви и теперь будет отрываться за годы монашеской жизни... а может и нет. Надо слетать глянуть, насколько я себя знаю.

***

- Вот скажи мне, чем я хуже этого зайца? - Язык у старого меня уже изрядно заплетался, глазки давно сбрелись в кучку, а мысли бродили Критским лабиринтом… неизбежно натыкаясь на одного и того же монстра.

- Какого зайца?

- Тфу, Волка! Волка… - старый я, похоже, поймав в фокус благодарного (то есть, той же кондиции) слушателя, решил подсесть ему на уши.

Как оказалось, знаю я себя плохо. Мой исходник напивался в одиночестве, причём водкой, причём совершенно не закусывая. Меня передёрнуло от его очередного глотка, я всю жизнь считал разбавленный спирт дрянью и никак иначе, чем в составе коктейлей, его не признавал… Хорошо же меня Ксюшка приложила, от монтировки эффект был бы послабее.

Я отвернулся от раскисшего себя, взмыл в небо. Не хочу это видеть, противно. На небе опять собирался дождь, звёзды подмигивали в разрывах туч, на земле переливался огнями город, ярко сияя в центре и плавно затухая к окраинам. Ксюхин дом замаячил на горизонте, я сразу обратил внимание, что в спальне свет не горит, приземлился в кухне, где моя подопечная заваривала кофе. Слёзы уже высохли, но мордашка была расстроенная ужасно, по мне резанула её обида и общая неудовлетворённость жизнью. Я поморщился, чуть ускорил время – может, она отойдёт, успокоится… Ксюха взяла чашку, накинула джинсовку и вышла в подъезд, поднялась по ступенькам на верхний этаж, поставила чашку на пол и потёрла руки. Под её ногами заскрипела лесенка, ведущая к люку в потолке, девушка подёргала замок, на вид – устрашающе надёжный… и совершенно незапертый, как оказалось. Сунула его в карман, откинула крышку люка и вернулась за чашкой. Когда она скрылась на чердаке, мои брови уже подпирали чёлку, я влез следом, прошёл

по следам к окошку на крышу. Много следов, и все одного размера. В трёхсантиметровом слое пыли, покрывающем здесь абсолютно всё, была протоптана довольно уверенная тропинка к окну и ещё одна – к горе чистых тряпок в углу, возле которой я увидел квадратные отпечатки четырёх ножек… Она что, и мольберт сюда таскала? Ох и творческая, блин, личность… Я вылез на крышу, подошёл к сидящей девушке, сжимающей чашку кофе. С неба опять капало, но она смотрела на отблеск далёкого солнца, не пряча лицо от мороси. Я сел рядом, протянул, как она, ноги вперёд, упёрся пятками в шершавый шифер:

- Ну и зачем ты сюда пришла?

От неё всё ещё веяло тоской и болью, моя Любовь скулила и хныкала, но ничего не могла сделать. Девушка отхлебнула кофе, в чашку упала дождевая капля, она чуть улыбнулась и вскинула лицо к небу, потом посмотрела вдаль, чуть вправо, в сторону моего дома, опустила глаза:

- Эх, Славка, Славка… Ну и дурень же ты.

Я грустно рассмеялся, взлохматил волосы:

- Ну что я не так делаю, а?! Ну скажи!

Она покачала головой, прошептала в далёкий затухающий горизонт:

- Где ты сейчас? Напиваешься небось, в гордом одиночестве, или сидишь на чьих-то развесистых ушах, вопрошая их, чем ты хуже всех остальных…

Я ухмыльнулся – она знает меня лучше, чем я сам. Повернулся к ней, сказал:

- Ну и чем, а? Ну скажи, хоть себе самой скажи, хоть небу этому припадочному! Чем?!

- Дурко ты, - тихо сказала она, одним глотком допила кофе и поставив чашку между колен, обхватила себя за плечи. С неба опять ударил дождь, она опустила голову, по лицу потекли тонкие ручейки.

Я вздохнул и расправил над ней крыло.

***

Я сидел в самом дальнем и тёмном углу бара, сюда всеобщее веселье от сцены почти не добиралось, здесь тусовались только тёмные личности с пакетиками химического счастья на развес, да подвыпившие парочки, которым было уже по большому счёту всё равно, где и как… ну и я. Передо мной даже стояла кружка пива, тёмного, нефильтрованного – гордость заведения! Которую я всё равно не мог оценить. У меня не было не то что вкуса, даже ощущения влаги во рту. Но я мужественно лакал уже вторую кружку.

Где-то на границе центра клуба, где не утихало веселье, и

мрачных окраин за сдвинутыми столами сидела большая компания лохматых и бородатых представителей кожано-заклёпочной фауны. Среди этих образин моя Ксюшка почти не выделялась – как же просто женщинам менять внешность! Переоделась, начесалась, накрасилась, нацепила кучу цепей и булавок – всё, другой человек! Я бы сам не узнал, если бы не наблюдал за её преображением. Волка рядом не было. Это, похоже, вообще была другая компания и несколько парней поглядывали на Ксюху с интересом, но она упорно не замечала намёков. Я потащился в клуб за ней, потому что когда она позвонила какому-то Джо и спросила, выступают ли они сегодня, мне без всякого шестого чувства стало ясно, что ничего хорошего от этой её затеи ждать не стоит. Достаточно было посмотреть, как она собиралась – я с таким настроем собирался на экзамен, к которому был катастрофически не готов.

За всю мою учёбу такое было только раз, курс был короткий и я не был ни на одной паре, потому как имел дела поважнее, по крайней мере, я так считал. И когда мне сказали, что завтра экзамен, а вернее – уже сегодня… а сказали мне это в два часа ночи, на дне рождения одногруппника… Я не очень трезво, но вполне здраво оценил свои шансы подготовиться за оставшиеся семь часов как исчезающее малые и продолжил гулять. А утром, собираясь на экзамен, чувствовал себя так, будто собираюсь на собственные похороны. И решил сделать их шикарными!

Пока друзья-ботаники рассовывали по карманам шпоры и фоткали на телефон учебники, я брился, гладил свою любимую рубашку, чистил туфли, подпиливал ногти и завязывал галстук… В аудиторию я вошел с видом человека, приготовившегося умереть красиво – Авэ, Цезарь! Идущие на смерть приветствуют тебя… Понятия не имею, за что мне тогда поставили «отлично», не иначе – за наглость. Я ни слова не написал и не сказал.

Ксюха собиралась на выступление загадочного Джо точно так же, по крайней мере, по уровню маниакальной обречённости. Я никогда не видел этого кожаного костюма, и должен признать, смотрелась она в нём охренительно сексуально, а сколько времени она потратила на намордную живопись… Я это время с удовольствием промотал, наблюдая, как скользит по небу восходящая луна, а личико Ксюхи превращается в карнавальную маску весёлой демонессы…

И вот теперь это чудовище хлестало пиво и курило что-то подозрительное в не менее подозрительной компании. Мне было дико и непривычно это видеть, я, конечно, всегда знал, что Ксюхе никто не указ и делает она порой такие вещи, которые нарочно не придумаешь… Но я совершенно не представлял её ТАКОЙ.

Мои мысли оборвались, когда поаплодировав последней песне, она встала и направилась к неприметной двери в углу у сцены, не обращая внимания на протесты оставленной компании. Я двинулся следом и увидел, как Ксюха бросается на шею потному парню с гитарой, только что вопившему в микрофон.

- Ты всё-таки решилась? - Хищно улыбнулся он, она кивнула. - Ну и умничка, давно пора было послать этого Волка. - Ксюха опустила глаза, я поймал от неё волну лёгкого чувства вины… а бросать-то она его не собирается. Я представил ветвистые рога над блестящей шевелюрой Волчары и злорадно осклабился… Но меня одёрнула засопевшая в груди Любовь – дурень я дурень, нашёл чему радоваться. Я со злости ускорил время, передо мной понеслись картинки – Ксюха целует музыканта, они выходят, садятся на мотоцикл – естественно, без шлемов! – и несутся по городу в сторону водохранилища. Когда они сели на траву у самой воды и открыли пиво, я решил послушать их разговор, подсел поближе. Лохматый как раз хитро косился на Ксюхино более чем откровенное декольте и спрашивал у изрядно нетрезвой девушки:

- Так чем же тебе Волк не угодил?

Она махнула рукой, отхлебнула пива:

- Ну его, он меня не любит.

- А ты его? - Он обнял её свободной рукой, она прижалась плечом к его груди:

- И я его не люблю. Я никого не люблю, Джо. И ты меня тоже не любишь, - она хихикнула, толкнула его локтем в бок и протянула: - Ты просто хочешь секса!

Певец хохотнул, смутился:

- Да ладно, чего ты так…

- А что, скажешь – не хочешь? Скажешь – влюбился? Нет, Джо, не влюбился… Меня никто не любит. - Парень смутился окончательно, похоже, он был не настолько пьян, чтобы вести такие беседы.

Я подсел к нему поближе, заговорил:

- Слушай, девчонка не в себе. Отвези её домой, а то сейчас она вроде хочет и всё в порядке, а завтра окажется, что ничего она не хотела и ты виноват, - он отставил пиво, погладил Ксюху по волосам. Я добавил, - лучше отвези, прямо сейчас. Если она правда чего-то хочет, то возможность ещё представится, а если нет – в любом случае, она тебе будет благодарна.

Ксюха подняла на него тёмные, со зрачками во всю радужку глаза и прошептала:

- Поцелуй меня.

Он обнял её второй рукой и ответил:

- Давай-ка я тебя лучше домой отвезу.

***

Я сидел на полу и смотрел на спящую Ксюшку. Дикий макияж размазался, замурзанную мордень окружал ореол волос а-ля «утро в курятнике»… но при этом она продолжала оставаться милой и симпатичной. На её лицо упал луч света, она поморщилась, я тут же поднял крыло, заслоняя своё сокровище от беспардонного солнца. Крыло отбросило странную полупрозрачную тень, девушка расслабилась и продолжила спокойно дышать… и почти сразу же завибрировал мобильный. Тень от крыла пропала, я со вздохом сложил крылья и посмотрел на экран – Карина. О, интересно, как она опишет вчерашнюю гулянку лучшей подруге?

- Да… - в трубке затараторил бодрый голос, Ксюха покосилась на настенные часы, зажмурилась, потёрла лицо, окончательно став похожа на поросёнка. - Ой, Карин, мне так хреново… Да вчера… Ладно, приедешь – расскажу. Я жду. Давай.

Я нетерпеливо дёрнул время, облака за окном понеслись как бешеные, звуки улицы слились в неровный гул… А вот и Каринка. Я подождал, пока они усядутся на пол с чашками, захрустят моим печеньем… Мне почему-то дико захотелось чая, горячего, терпкого, хоть глоточек… Ксюха поставила чашку на пол, бери-не хочу. Вот только никакого горячего, а тем более терпкого я не дождусь. Стало очень обидно. Я постарался сосредоточиться на разговоре, тем более, что говорили обо мне.

- Так вы собирались встретиться?

- Да, мы договорились. И тут эта долбаная колонка! Я даже позвонить ему не могла, телефон заглох, а номер я на память не помню… так он приехал, ни слова не сказал, ещё и печеньки привёз, представляешь?

- Цени! - Карина отсалютовала печеньем. - Идеальный парень.

Я мигом проникся к ней глубоким обожанием. Ксюха фыркнула:

- Ага, конечно! Два года дружил со мной, как с ущербным пацаном, а потом заявил, что любит и разгонит всех моих мальчиков. Это нормально?

- Да они все ненормальные, - махнула рукой Карина, - мой Саша недавно придумал способ отучить меня с Лёхой при встрече целоваться в щёчку, угадай, какой? Сказал, что ещё раз увидит – перестанет мыть посуду! Прикинь? - Ксюха рассмеялась:

- Да, это он с козырей зашёл! И что ты?

- А что я? Лентяйничать я люблю больше, чем целовать Лёху!

Девчонки заржали, солидарно чокнулись печеньками и выпили за нас, убогих. Мне стало дико обидно за весь мужской

пол.

- А вчера ты куда ездила?

- К байкерам. Волк смылся на рок-фест, могу спорить на зимнюю резину – сует он там всё что можно куда угодно.

- И ты решила не отставать? - Утвердительно кивнула Карина.

- А чем я хуже? Да и Славка меня вчера так расстроил…

- А ты не думала с ним замутить?

У меня замерло сердце, Ксюха пожала плечами:

- Ну что ты… это ж Славка, он мне как брат. Большой, сильный, всё понимающий и надёжный. Я им лечусь, когда начинаю презирать всех мужиков мира оптом. Вот подумаю – всё, мир дерьмо, мужики сво, шоколад невкусный, рэп спопсился! Приедет Славка, даст по шее за такую философию, расскажет пару баек, просто послушает мои душевные баталии… И глядишь – а мир не так уж и плох, а жить нескучно и приятно.

Карина покачала головой:

- Ну и чем он тебя как парень не устраивает, раз такой классный?

- Да я его вообще как парня не воспринимаю… Он так сразу себя поставил, с первой встречи. Другие, знаешь, улыбаются, шутят там, намёки кидают… А он поздоровался и сразу к делу, и весь вечер смотрел только в монитор, на меня даже не глянул. Я решила, что у него девушка есть, ну и забила на него как на парня, тем более что дружить оказалось гораздо интереснее.

Я зажмурился и постучался лбом в стену. Мне никто не открыл. И правильно, нечего дуракам открывать. Убито посмотрел на хихикающих подружек, отвернулся, хлопнул крыльями и умчался на крышу. Сел на конёк, скрестив по-турецки ноги, нервно захрустел пальцами. Да кто ж знал?! Я тогда ходил монахом праведным, о девчонках вспоминал только когда гормоны били в голову и я оказывался в чьих-то когтистых объятиях, причём чаще они меня соблазняли, чем я их. А Ксюхи я с самого начала боялся, потому и сразу к делу перешёл, без шуток и намёков… ну или потому, что страшно боялся ляпнуть что-то не то и выставить себя дураком. В восстановлении «форточек» я разбирался гораздо лучше, чем в женской психологии, так что шанс сказать глупость по этой теме был гораздо меньше… Довысчитывался, пожинай теперь свою теорию вероятностей!

Я вернулся в комнату, послушал ещё несколько историй из жизни Карининых мальчиков и оттого окончательно упал духом. Когда Ксюха провожала подружку, уже у двери Карина опёрлась о косяк и с неожиданной для такого патологически весёлого человека грустью сказала:

- Знаешь, Ксюх, а мне твой Славка ещё тогда в парке

понравился. Я даже познакомиться хотела, но потом увидела как он на тебя смотрит, и не стала… Ты бы подумала по поводу него, а? Ну хотя бы подумай.

- Он сказал «скажешь нет – больше меня не увидишь». А он упёртый, сказал – сделает, даже в ущерб себе. Тем более, если в ущерб себе, есть у него такая склонность к мазохизму.

- Ой, ну тогда не знаю даже… - она развела руками, девчонки ещё потрепались о всякой ерунде, долго прощались и опять забалтывались на пороге, я устал ждать и ускорил время, пока за Кариной не закрылась дверь и Ксюшка, разом помрачнев, не потопала в комнату.

Давно стемнело. В открытое окно плевался огнём закат, Ксюха сняла с мольберта бессердечную русалку, поставила у стены, убрав беспечного ангела за шкаф. Поставила новое полотно, взяла уголёк, постояла, глядя сквозь белую ткань куда-то в невообразимые дали… и положила его. Рассеянно вытерла пальцы о штаны, порылась в куртке, достала несколько мятых сигарет, зажгла одну, затянулась, опёрлась о подоконник, глядя на суетящийся город внизу.

- О чём ты думаешь? - Тихо спросил я.

Ксюха фыркнула и отвернулась от окна. Достала из тумбочки замусоленную книжку, открыла, я заглянул через её плечо в исписанные от руки страницы.

«Этот мир окончательно чокнулся, когда я была ещё маленькой, поэтому мне кажется, что всё вроде бы в порядке, хотя на самом деле – мир ходит вверх тормашками и думает, что так и надо…»

Она перевернула страницу, я поймал ещё кусок:

«Интересно, если парень говорит «ты интересный собеседник», это можно понимать как «я не пожалею сил, чтобы затащить тебя в постель, даже если мне придется слушать твои бредни ещё неделю»?..»

Что за чёрт? Я заморозил время и начал читать с начала страницы: «Здравствуй, дневник»… Это финиш! Я не знал, что она ведет дневник. Сколько же всего я о ней не знал! Я опять запустил время, Ксюха открыла дневник на загнутой странице, тут же закрыла, сунула в тумбочку и разревелась. Села на подоконник, покачнулась туда-сюда, потом свесила ноги на улицу…

Я заморозил время. Я слишком хорошо помнил, что будет дальше.

***

Ксюха рисовала. Я долго проматывал время, пытаясь найти, как она рисует тот вид города, что висит в моей спальне. Нашёл.

Давно же это было! Ещё в общаге художественного, в комнате, на дешёвом холсте – сейчас Ксюха зарабатывает на картинах достаточно, чтобы не экономить на материалах. Рисовала она с фотографии, причём фотка была ужасного качества, причём она была на экране ноутбука, причём он периодически тух в целях энергосбережения и измазанной красками художнице постоянно приходилось дёргать позирующий компьютер.

Я не знаю, как при этом у неё получилась такая классная картина, правду, наверное, говорят – талант не зароешь. Она тыкала в холстину кистью и качала головой, что-то бормоча, как я понял — рэп, из её любимых.

Мне нравилось смотреть, как она рисует. Даже нет, мне нравилось просто то, что она рисует рядом. Я смотрел на неё только первые несколько минут, потом занялся потрёпанной книжкой, которую принёс с собой. Занимательное было чтение, нечего сказать. Я уже третий раз за страницу понимал, что ни фига не понимаю женщин вообще и эту конкретную в частности.

Дневник, похоже, был уже не первый, причину его появления она не описывала. На первой записи стояла дата где-то за полгода до нашего с ней знакомства, она рассуждала о студенческом разгильдяйстве и нахальных преподах, изредка уделяя пару строк постоянно меняющимся мальчикам, на которых не жалела эпитетов. Причём, что меня особенно убивало, в широком диапазоне от «милый» до «задравший». И если сегодня он был «наглым самовлюблённым бульдогом», то завтра становился «обаятельным плюшевым мишкой». И я, хоть убей, не мог понять ПОЧЕМУ?! Я плюнул, пролистал дневник до нашего с ней знакомства, начитался о том, какой я «мстительный негодяй», потом я резко стал «ничего так, пижон, зато умный», потом плавненько перетёк в «такой классный, я даже не заметила, как ночь пролетела!»… М-да.

До загнутой страницы было ещё полкнижки, у меня ужасно чесались руки перескочить их, но я сдерживался, получая мазохистское удовольствие от собственной силы воли. Минут пятнадцать получал. Потом понял, что свой суточный лимит текста – двенадцать страниц, – я уже почти выбрал, и если не открою загнутую сейчас, то вряд ли открою её вообще.

«Здравствуй, дневник.

Сегодня двадцать пятое декабря, конец сессии, вешайся на хвостах… Погода ужасная, состояние паршивое, на завтра нужно закончить два рисунка, в которых ещё коняка не валялась. А я сидела полночи в аське со Славкой. Параллельно ломился Женька с навязчивой идеей вирта и Сашка со своими вечными душевными страданиями… Как же они задрали! Хорошо хоть у Макса

интернета сейчас нет, это было бы вообще убийство с отягчающими %) А Славка… с ним так весело. И настроение он всегда поднимает стопудово. Только сегодня он меня расстроил.

Заговорились о девчонках, не помню почему, к слову пришлось, и он к чему-то сказал, что идеальная девушка должна быть тихой и скромной, стеснительной, наивной и чуть ли не до свадьбы целомудренной! При этом возможно полное отсутствие мозгов при условии, что сиськи размера «футбольный мяч»… Не так я о нём думала, совсем не так. Он казался чем-то таким особенным, непохожим на других! Я думала, уж он-то точно выбирает девушку не по размеру вымени… А оказалось всё до жути банально, как всегда. Они все встречаются с девчонками, мечтающими о концерте «Скорпионс», а женятся на мечтающих о занавесках на кухню.

Вчера, когда он взял меня за руку, он посмотрел ТАК… что я засомневалась в своих силах оставить наши отношения просто дружескими. Но после того, что он сегодня написал – фигушки! Ни чем он не лучше других. Умнее, симпатичнее, обаятельнее, но всё равно не лучше! Всем им нужно одно и то же, и ему в том числе. Ненавижу мужчин.»

Вот так, да? Я не знал, смеяться мне или орать от злости. Как можно было ТАК воспринять вполне конкретный текст?! Во-первых, я этого не писал. Во-вторых, я совсем не это имел ввиду, в-третьих, я прикалывался и ржал всю переписку, со своих слов, с её ответов, рогато-чертячьих смайликов и психов! А она это восприняла всерьёз?! О боже, за что ты нас ими наказал? Воистину, мозгу ребро никогда не понять! А ребро без мозга могут спасти только сиськи размера «футбольный мяч»…

Я этого не говорил! То есть, я шутил!

Вот только она загнула эту страницу. И судя по расплывшимся в некоторых местах буквам, пролила над ней ведро слёз. Разочаровываться всегда обидно. Я пересилил свою буквофобию и прочитал несколько страниц с конца. Коротко их смысл можно было вложить в два слова – мир дерьмо. Особенно она ругала разговор с приехавшей издалека подружкой, с которой они раньше жили в одной комнате в общаге. Судя по тексту, подружка была ещё ничего в училище, но потом удачно вышла замуж, бросила учёбу и уехала заграницу тратить мужнины денежки и окончательно поднялась. Как описала Ксюха в своём дневнике – приехала в родное захолустье дышать угольной пылью эта фифа только затем, чтобы снисходительно поулыбаться бывшим подружкам, живущим в съёмных развалюхах на одну зарплату. Как я понял, подружка вывела Ксюху из себя ужасно, и как раз после её визита у моей любимой художницы начались

приступы психодела, переходящие в суицидальные настроения. Читать стало решительно невозможно, я захлопнул дневник и полетел знакомиться с мажористой подружкой.

***

- Танечка? Куда ты собралась? - Говоривший был полненьким и лысеньким, но держался с таким достоинством, что невольно хотелось обращаться к нему на вы и уступать дорогу.

- Подружку проведать, милый, - девушка тоже была полненькая и невысокая, вместе они смотрелись удивительно гармонично. - Ты меня отпустишь?

Она докрасила глаза, спрятала кисточку и улыбнулась подошедшему мужчине. Он обнял её, чмокнул в макушку:

- Конечно, езжай. Только не допоздна, твоя мама готовит праздничный ужин. Деньги на такси есть?

- Я трамваем доеду, здесь совсем недалеко, – махнула рукой она. Муж поморщился, пожал плечами:

- Как хочешь, Танечка.

Они попрощались, я ускорил время, полетел к Ксюхе, во всю готовившейся к встрече с подружкой.

Когда Танечка вошла, последовали долгие взаимные визги, обнимания и целования, потом они прошли на кухню, я невольно рассмеялся, глядя как заблестели Танины глаза при виде горы ещё дымящихся пирожков — не зря Ксюха полдня готовила. Они заболтались о жизни, о том кто где, как и с кем… Ничего необычного я в их разговоре не видел, никакого напряжения, подружки трепались как старые добрые знакомые, возможно, не успевшие стать друзьями, но вполне приятные друг другу.

От девчоночьей заливистой болтовни у меня начало сводить челюсть, я немного ускорил время, чтобы их голоса слились в сплошной щебет, сел на подоконнике, готовясь наблюдать. Ничего не происходило. Танечка уминала пирожки, Ксюха хрустела принесённым подружкой тортом, чашки с чаем наполнялись уже в чёрте какой раз… Тихо, мирно. Сидят болтают две подружки, дурачатся, хохочут, Таня что-то хитро крикнула Ксюхе, засмеялась, с неожиданным проворством ныряя под стол от летящей в лоб ложки, Ксюха тут же бросила вторую, шутливо погрозила кулаком. Мне стало интересно. Я прокрутил назад, запустил с нормальной скоростью, прислушался.

- Что там Джо? - Таня отхлебнула из кружки, сверкая кругленькими голубыми глазками. - Не стала с ним встречаться?

- Не-а, - Ксюха махнула рукой. - Зануда он, хоть и рокер.

- А что так? Он же вроде так за тобой увивался, да и ты вроде не против была? Я уже представляла тебя в кожаном свадебном платье с бахромой и заклёпками! - Девушка скорчила пакостную

рожицу и очертила в воздухе контуры фигуры-амфоры, потом сложила из пальцев «козу», потрясла над головой, давя лыбу. - И свадебный марш на бас-гитаре!

Ксюха прыснула и швырнула в неё ложечкой, Таня согнулась под столом, запищала:

- За правду погибаю! Свободу слову! - Выглянула из-под стола, тут же получила второй ложечкой, пикнула и опять спряталась. Ксюха потрясла кулаком:

- Я те дам свободу! Такому слову свободу только дай!

- И что? - Танечка осторожно выглянула из-под столешницы, убедилась, что весь боезапас Ксюха уже извела и снова села, вопросительно уставившись на хозяйку дома.

- А то! - Ксюшка фыркнула. - Накаркаешь ещё, боже упаси!

- Ну чего ты так «накаркаешь»? Ты что, замуж не хочешь?

- А что там хорошего? - Запальчиво спросила Ксю.

Таня на миг закрыла глаза, а когда открыла, в них появилось что-то новое, что-то до такой степени родное, что я вдруг почувствовал, что мне очень нравится эта девушка, настолько, что я готов на серьёзные жертвы ради её счастья. Не отдавая себе отчёта о том, что делаю, я подошёл поближе, стал у её плеча, по мне разлилось такое блаженное тепло… Я попытался представить, сколько времени уже порхаю ангелом… Около недели, наверное, я не ем и не сплю, поэтому судить о времени сложно. И за всё это время я привык к тому, что мне не бывает тепло. А теперь было! Танечка говорила с улыбкой что-то о том, как хорошо встречать у двери любимого, просыпаться от его голоса… Слова проплывали мимо меня, я не искал в них смысла, я грелся в свете её Любви.

Ксюха скептически пожала плечами:

- Кому как.

Их разговор понемногу сошёл на нет, Танечка засобиралась, робко попросила пару пирожков с собой, маму угостить. Ксюха хихикнула, насыпала целый пакет, протянула:

- И мужа не обдели!

Танечка зарделась, опустила глаза:

- У меня такие вкусные никогда не получались. Спасибо.

- В следующий раз приезжай со своим вареньем! Вот уж что у меня никогда не получится, - подмигнула Ксюшка, возвращая комплимент, я опять ускорил время – от их общения меня клонило в сон. Хоть и спать я теперь не умею, всё равно плохо. Они попрощались, Ксюха стала тихо и задумчиво убирать со стола и мыть посуду. Никаких вспышек нервов, никаких слёз… Чего ж она так злобно описала эту встречу в дневнике? Я привык, что Ксюха склонна к художественным преувеличениям, но

углядеть в милом дружеском чаёвничестве такой наезд и издёвку, какие описала Ксюха, я в упор не мог. Я всё-таки ни хрена не понимаю женщин!

Я сел на подоконник, слушая как девушка тихо напевает что-то из скорпов и гремит посудой, открыл её дневник на предпоследней исписанной странице. Дата была не сегодняшняя, сегодня она ничего не писала, а вот завтра напишет, да такое… Почему завтра? Непонятно. Я ещё раз перечитал всё что было о Танечке, найдя описание ужасно грубым и несправедливым, закрыл дневник. Почему так?

Я взлетел на крышу, солнце садилось, я отбрасывал длинную полупрозрачную тень. Что делать с проблемой, в которой ужасно запутался и совершенно не разбираешься в сути вопроса? Обычно в этом случае надо искать специалиста, который знает и разбирается. Идея мне понравилась, я стал развивать мысль – мне нужен человек, который разбирается в женщинах, причём молодых и на всю голову сумасше… э, творческих! И при этом, сможет со мной поговорить… Вот тут я задумчиво почесал макушку – как поговорить? Меня никто не видит, почти никто не слышит и уж точно никто не станет со мной разговаривать.

Тут мне в голову пришла дикая идея, я прыгнул, взлетел, понёсся к себе домой. Комп был на месте, а при компе, как обычно, был я. Остановив время, я тронул клавиши – нажались, и даже буква от курсора отделилась, как только я опять запустил время. Ура! Я запрыгал от радости и полетел к своему кандидату в специалисты по депрессивным Ксюхам.

***

В спам-фильтре стоял вопрос о Дали, мне пришлось минут десять ворошить интернет, чтобы на него ответить. Но я не жалел времени и сил. А сил потребовалось море – я никогда не думал, что меня так сложно оторвать от работы и отправить в постель в десять вечера. Пока уламывал старого себя пойти спать, я успел сто раз ужаснуться своей осанке, своим красным глазам, опухшей физиономии и выбранной профессии.

Когда наконец-то завладел клавиатурой и интернетом, я быстро слетал проверил как поживает мой перспективный помощник, заодно узнав нужный номер аськи. Помощник кушал. Я подождал, культурно выйдя из комнаты. Хотя, если уж быть совсем честным, вышел я только потому, что дико хотелось есть. Конечно, я прежде уделял мало внимания еде, сводя этот процесс к поглощению калорий, но всё равно очень любил изредка, в качестве огромного исключения, приготовить здоровенный кусок мяса со специями, или купить свежей выпечки и банку сгущёнки… Ну или сходить к Ксюхе в выходной день,

предупредив о визите заранее. А теперь, когда я по опыту знал, что могу есть что угодно, не чувствуя совершенно ничего… Я мечтал просто о глотке воды. О влажном мягком ощущении во рту, о привкусе окислённого металла от крана, о прохладной волне, прокатывающейся от горла до пояса. И было ужасно завидно смотреть на жующих людей, даже если ели они простые макароны.

Я проматывал время, пока они не вышли из кухни, стал звать девушку к компьютеру, в интернет, она покосилась на тёмный матовый монитор, но отвела глаза, когда муж потянул её за руку в спальню… А вот на это я смотреть точно не мог. Я скачком прощелкнул время на час вперёд. Девушка, завернувшись в одеяло, сидела в интернете. Я осторожно заглянул в спальню, убедился, что мужчина спит, и подошёл к своей будущей советчице.

- Танечка, включи аську, вдруг кто-то напишет, - девушка пожала плечами и запустила приложение, я заморозил время и рванул к себе домой.

После тяжёлой победы над анти-спам ботом я хищно замахнулся над кнопками… и замешкался. Что ей писать? Правду? Ха… Я обычно таких любителей мистики отправлял в игнор после первого предупреждения. Ладно, поставим вопрос по-другому – что ей соврать? Что у меня девушка забыла дневник на журнальном столике? Ещё одно «ха» – женская солидарность, суровая и беспощадная, растопчет меня уже после первого предложения. Эх, знать бы её реакцию на мои реплики! Я покосился на веб-камеру – э, нет, если она меня не увидит, а кнопки будут щелкать, это будет форменное издевательство, она не оценит. Я наморщил лоб, задумчиво выколупывая ногтем кусок чипсины из usb-порта… И меня озарило! Это же ноут, его можно взять с собой! Я сложил комп, сунул подмышку и взлетел.

Город внизу сиял, блики неоновых вывесок и прожекторов стадиона играли на лаковой поверхности моего ноутбука, я вдруг подумал, как глупо, должно быть, выгляжу – ангел в потёртых джинсах и футболке «армяне», встрёпанный, небритый и голодный, без определённого места жительства, зато с ноутом… Эх, да ладно, чего я расстраиваюсь? Программист — он и с крыльями программист.

Спикировав в одно из окон, я понял, что ошибся адресом – отвлёкся, привык доверять наводку на цель своим пернатым инстинктам, а они подвели. Время всё ещё было заморожено, комната застыла и я решил, что если так случилось, что я здесь оказался, надо хоть осмотреться – вдруг это знак свыше?

Это была спальня, даже скорее детская, на стене горел

ночник в форме божьей коровки, а под натянутым на голову одеялом горело что-то ещё… Я подошёл ближе, заглянул сквозь одеяло к хозяину комнаты – белобрысый лопоухий мальчик лет двенадцати, с фонариком на батарейках и книжкой. На обложке была парусная лодка с детьми и имя довольно известного автора. Я задумался. Я где-то видел эту книжку. Воспоминание вертелось, как рыбка вокруг наживки – и поплавок качает, и не ведётся ни фига… ладно, оставим зарубку на носу на память, потом вспомню.

Я сверился с внутренним компасом и на этот раз точнее впорхнул в квартиру Танечки. Устроился на спинке дивана напротив неё, чтобы видеть лицо, резко выдохнул и запустил время.

SlavON: Привет) Извини, что так поздно, есть минутка?

Tanushka: Привет. Мы знакомы?

Отвечала девушка с улыбкой, я решил продолжать корчить из себя воспитанного мальчика.

SlavON: Нет. Только не посылай меня сразу, мне нужен совет! Пожалуйста.

Она нахмурилась. Не знаю, что её расстроило, но я решил не рисковать – заморозил время, надо найти какую-нибудь логичную причину того, что я написал именно ей. М-да, об этом я не подумал. Я открыл её анкету, быстро пробежал по строчкам и причина радостно бросилась мне в глаза – семейное положение «счастлива». Какая удача.

Я опять запустил время, застучал по кнопкам:

SlavON: Просто мне тебя как будто ангел послал! Представляешь, набрал в поиске «семейное положение - счастлива»… Это был жест отчаяния, если честно.

Таня вскинула брови, широко улыбнулась:

Tanushka: заинтриговал!

Я довольно оскалился.

SlavON: Меня Слава зовут. Ты мне поможешь? Очень надо.

Tanushka: А в чём проблема?

Я потёр руки и вдохновенно начал врать:

SlavON: У меня есть девушка, мы встречаемся уже три года, у нас всё хорошо, я её очень люблю и она меня вроде бы тоже.

Я не стал дописывать, отправил. Решил глянуть на её реакцию. Танечка умилённо расплылась, похоже, надо чаще писать ей, как я люблю свою девушку. Я продолжил.

SlavON: Она одного возраста с тобой, её ровесницы, бывшие одноклассницы и подружки многие повыходили замуж. И я подумал, вдруг она тоже хочет?

После этого сообщения девушка заулыбалась ещё шире.

Tanushka: Ты сделал ей предложение?

SlavON: Нет, не решился. Она никогда не намекала даже ни на что такое, поэтому я просто осторожно завёл разговор о свадьбах её подружек, о браке в принципе… А она устроила мне почти что скандал, стала говорить о том, что брак вообще ужасное явление, что ничего хорошего из этого не выходит, что её вполне устраивают свободные отношения, которые можно разорвать без серьёзных последствий… И я теперь в шоке. Я не знаю, с чего это вообще, как на это реагировать. И что мне вообще теперь делать :'-(

Рыдающий смайл изящно дополнил картинку. Танечка нахмурилась, прикусила тонкую губу.

Tanushka: У вас правда хорошие отношения?

SlavON: Ну, мы ссоримся иногда, но это редко и несерьёзно. У нас хорошие отношения, мы много времени проводим вместе, нам весело и хорошо.

Tanushka: А с её родителями ты знаком?

Я остановил время, почесал лохмы. Я никогда не видел Ксюхиных родителей, она о них почти не говорила, за всё время нашего знакомства я слышал только пару упоминаний. Ладно, отвечу честно хоть раз:

SlavON: Нет, никогда не виделся.

Tanushka: А у неё полная семья? Не разведённые родители?

Я понятия не имею. Блин, меня никогда не интересовали такие вопросы!

SlavON: Не знаю…

Она нахмурилась и яростно застучала по клаве.

Tanushka: Что ты за парень?! Как можно не знать таких вещей, если вы встречаетесь три года?

Я послал смущенного колобка.

Tanushka: Знаешь что, если ты хочешь, чтобы я тебе помогла, нечего мне врать!

Она решительно сложила руки на груди, я опустил голову – надо же, я даже в аське врать толково не могу!

SlavON: Ладно, извини, я соврал… Мы не встречаемся. Она заявила, что я прекрасен и офигенен, но только как друг. Парня у неё нету вообще, причём уже давно. Она вьёт веревки из целой роты ухажеров, но никому ничего серьёзного не обещает. Говорит, что никого не любит, что любовь вообще не для неё!.. А недавно она поссорилась с лучшей подружкой, которая вышла замуж и довольна жизнью. Я в шоке был! Они так хорошо общались, а когда подружка стала болтать о прелестях семейной жизни, моя просто беситься начала! И не хочет с ней общаться теперь.

Брови Танечки поселились посередине лба:

Tanushka: Интересненько… По поводу тебя судить сложно, а вот о ссоре с подружкой могу ответить.

Я офигел. Вот этого как раз я не ожидал. Как можно узнать что-то об отношениях девчонок по двум словам парня? Я же специально написал ей за неделю до её визита к Ксюхе, чтобы не возникло никаких аналогий.

SlavON: И что ты можешь сказать?

Tanushka: Зависть. Твоя подружка, упёрто отрицающая любовь, просто завидует своей замужней подруге.

SlavON: Да ладно. Она мне потом все уши прожужжала о том, как это было скучно и противно, слушать эти «сопли в сахаре»!

Tanushka: А ты как думал? Она тебе поплачется, как на исповеди, о своих мечтах о счастье и остром дефиците любви в жизни?!

SlavON: Не знаю даже… Ты думаешь, ей не хватает любви?

Tanushka: Конечно. Человек создан для любви, для счастья! Тот, кого никто не любит, может сколько угодно кричать о том, что ему любовь не нужна, но это не так. Она всем нужна.

Моя пушистая Любовь польщенно замурчала в груди.

Tanushka: Одинокие люди постоянно заводят домашних животных, или если здоровье не позволяет, ходят хотя бы кормить уток на речку! Чтобы поверить, что любовь есть, что они могут любить, что кому-то нужна их любовь! Если человек никого не любит, значит он душевно нездоров и ему очень плохо.

Она меня добила. Я смотрел то на Танечку, то на экран, и пытался понять, помогла она мне или нет.

SlavON: И что мне теперь делать?

Tanushka: Подари ей любовь.

Ха! Как просто. Я фыркнул, вперил взгляд в беззвёздное небо сквозь чёрте сколько верхних этажей. Да, так и сделаю! Вырежу любовь скальпелем, упакую в коробочку с бантиком и вручу, смущенно краснея! Уже побежал!

SlavON: Как я это сделаю?

Tanushka: Ну это уже тебе виднее, ты всё-таки любишь её, придумай что-нибудь. Напряги фантазию!

SlavON: У меня всегда были проблемы с фантазией (((

Танечка хмыкнула и открыла какой-то женский сайт, весь в розовых цветочках и котятах. Скучно ей стало! Я опять застучал по клавишам с яростным весельем:

SlavON: Знаешь, а я опять тебе соврал. Я не её друг. Я её ангел-хранитель. Мне сообщили, что через неделю она прыгнет из окна от того, что потеряет смысл жизни, и я ношусь по всем годам, которые она прожила, надеясь найти момент, когда она его потеряла и изменить его. Ничего не можешь посоветовать?

Она два раза перечитала сообщение, тихонько фыркнула и застучала по кнопкам.

Tanushka: Найди момент, когда она разочаровалась в любви и подкинь в этот момент классного парня, лучше – того, о котором ты врал мне в первый раз. А сейчас, пощупай пожалуйста ближайшую стену и если она мягкая, сделай одолжение – не пиши мне больше.

Я оценил шутку. Сложил руки на груди, стал молча наблюдать за девушкой, путешествующей по всемирной паутине. Тут тихо скрипнула дверь и в комнату, потирая глаза, вошёл полненький мужчина:

- Танечка, ты чего ушла?

- Ой, я тебя разбудила? - Она смущенно улыбнулась, вдруг став очень-очень красивой. Моя Любовь потянулась к ней, я убрал с коленей ноут и подошёл поближе, я уже знал, как греют её глаза и заранее предвкушал это пушистое тепло.

- Нет, я сам проснулся, - он подошёл, положил ладони ей на плечи. - Чем занимаешься?

Она открыла нашу переписку, развернула во весь экран. Он вчитался, хмыкнул:

- Бедный мальчик… Можно, я ему напишу?

Танечка подвинулась, муж присел на край стула и стал что-то задумчиво набирать. Наконец у меня пиликнуло сообщение.

Tanushka: Здравствуй, парень. Это муж Танечки, я хочу тебе кое-что сказать. Любовь – не подарок небес, это нужно самому построить, сотворить и заработать, своим трудом, терпением и упёртостью. И если она тебе правда дорога – не останавливайся, пытайся, даже если это займёт годы – любовь того стоит.

Я задумался. Посмотрел на этих, в общем-то, простых и обычных людей… Они сияли. Они светились и грели. Они просто очень-очень друг друга любили и печать любви, как герб на рыцарском щите, всегда была с ними, её никто не видел, но подсознательно все чувствовали. И моя Ксюха взбесилась и расстроилась именно поэтому, она смотрела на Таню, которая любила и была любима, как хромой смотрит на марафонца.

SlavON: Спасибо, вы мне очень помогли, оба. Удачи вам.

Я захлопнул ноут и выпорхнул сквозь стену в ночь, старательно отворачиваясь от целующихся хозяев квартиры.

Я тоже калека. Я тоже дико завидую им, а моя зарёванная Любовь завидует их любви, свободной и счастливой.

Я вспомнил Ксюху, её глубокие серые глаза, полные слёз, чёрно-розовые волосы, блестящие сквозь наркотический дым мятой сигареты, её ссутуленные плечи, обтянутые розовой футболкой… и мне стало её до слёз жаль. Балованный ребёнок,

обделённый сладким. Я высмотрел её дом, горящее окно кухни и стал медленно снижаться.

Я подарю тебе любовь, чего бы мне это не стоило.

***

- Не едь! Она занята, она не сможет с тобой увидеться!

Танечка продолжала краситься, невозмутимо напевая какую-то старую песню. Уговорить её мужа не отпускать её к подружке не удалось, и теперь я пыхтел над ней самой. Может, если она не приедет, Ксюха избавится от желания научиться летать? Надежда была слабая, но мне, если уже совсем честно, очень хотелось оставить гипотетическое будущее таким, в котором Ксюха жива.

Таня докрасилась и попрощалась с мужем, сбежала по ступенькам, стала на остановке ждать трамвай. Как мне сделать, чтобы она не ехала? Может, просто задержать её? Она у Ксюхи была всего пару часов, потом убежала, потому что ей нужно было домой. Как её задержать? Я посмотрел на подъезжающий трамвай – может, сломать его? Только не здесь. Я ездил этим маршрутом, есть здесь участок пути, который проходит чуть ли не по лесу, там она точно такси не поймает. Попробую. Я вспорхнул на крышу этого древнего грохочущего монстра и ускорил время, громко рассмеялся – на моей памяти трамваи такими резвыми никогда не были!

Потом я подумал о месте, где рельсы сцепляются на повороте, и одна наползает на другую – может, не ломать ничего, а просто заклинить путь? Я полетел впереди, у нужного места присел, рассматривая рельсы. Ничего сложного, нужно просто взять какой-нибудь ломик в качестве рычага… Я вдруг подумал, что как у любого нормального супер-героя, у меня должна быть супер-сила, схватился за рельс руками, нажал… а фигушки. Обидно. Встал, отряхнул колени и пошел искать арматурину подходящего размера. Пока я прочёсывал ближайшую свалку и окрестности, трамвай догрохотал до места моей будущей диверсии. Так, стоп-стоп-стоп! Я отмотал время назад и остановил, возобновив перерывание свалки. Не нашёл. Меня страшно злило то, что на пути моего великого свершения встала преграда типа «инструмент не подвезли»! И куда теперь? Лететь снимать ломик с пожарного щита на втором этаже универа? Ха! Даже первокурсники знают, что он отлит из высококачественного сплава фольги с картоном…

Блин! Я не могу спасти жизнь подружке, потому что не знаю, где взять длинную железку!.. И тут меня осенило – да за спиной! Я вытащил из-за плеча холодно поблёскивающий меч, внимательно осмотрел – достойно, достойно! Длинная витая рукоять, в ладони не скользнёт, узкое лезвие с тупой скруглённой

кромкой, захочешь – не зарежешься. Ну, я и не собираюсь никого резать. Я вставил остриё между железками, схватился двумя руками за рукоять, надавил… услышал хруст и свалился на землю. Потряс головой, осмотрел меч в руке – точнее, его обломок, потом вернулся к трамвайному пути. Отлично… сантиметров пять лезвия торчало вверх, намертво заклинив механизм. Хотел – получай! Я виновато осмотрел меч, пожал плечами и сунул за спину. Опять достал. Вопреки надеждам, лезвие заново не отросло, я плюнул и спрятал оружие. Осмотрел место преступления, запустил время.

Трамвай прогрохотал мимо, напоролся на мой импровизированный «башмак» и с жутким скрежетом остановился, смешав людей внутри в неразборчивую возмущённую массу. Я осмотрел салон – вроде никто серьёзно не пострадал, ну и хорошо. Ускорил время, все завозмущались и забегали гораздо быстрее, люди побежали по путям к цивилизации, я со стыдом смотрел, как Танечка осторожно переставляет ноги по щебёнке, ускорил время ещё сильнее. Она добралась до остановки, стала тормозить маршрутки. Я провожал каждую машину, нашёптывая водителю, что людей полно и всё равно никто не влезет. Потом за Таней приехал муж на такси и забрал домой.

Ксюха терзала телефон, уничтожая понемногу остывшие пирожки. Когда Таня наконец перезвонила, я с трудом заставил Ксю не орать, она сама была очень пунктуальным человеком и того же требовала от других. Выслушав сбивчивые объяснения, она сменила гнев на милость и поболтала с подружкой ещё пару минут. Когда я снова открыл дневник, злобная запись о Тане исчезла, вместо неё было несколько строчек о глупых случайностях.

Я подумал о том, что сказали бы рабочие, ремонтирующие рельсы, если бы узнали, что выколупывают осколок ангельского меча и тихо рассмеялся.

***

Она стояла перед чистым холстом уже несколько минут, мяла в пальцах кусок графита и вздыхала. После того, как была закончена русалка с сердцем, она так ничего и не нарисовала. В который раз бросив уголёк, она вытерла руки и ушла из комнаты, захватив ноут. Сварила целое ведро чёрного кофе, у меня аж в горле зачесалось, как она может пить эту дрянь без сахара? Открыла какой-то сайт с картинами, стала отвечать на сообщения таких же чудиков-художников. Завибрировал телефон, я чисто рефлекторно захлопал по карманам, усмехнулся – скоро этот рефлекс станет безусловным для всего человечества! Она

посмотрела на неопределившийся номер, пожала плечами и ответила:

- Да?

- Привет…

Это был МОЙ голос! Неужели я решился? Поверить не могу!

- Славка? - Она изобразила живую иллюстрацию к «открывает рыба рот, да не слышно что поёт». - Это ты?

- Да, это я. Не ожидала?

Грустноватый у меня голос.

- Не ожидала – это мягко сказано… Что ты хотел?

- Просто поговорить. Узнать, как у тебя дела, как ты себя чувствуешь. Я соскучился.

Она опустила голову, потёрла лоб, ответила тихим, надломленным голосом:

- Ты же сказал, что больше я тебя не увижу?

- А ты меня видишь? - Она грустно улыбнулась, промолчала. - Вообще-то, я уже жалею, может, забудем о том идиотском разговоре и будем общаться как раньше? Не любишь так не любишь, никто тебя не заставляет. Будем дружить.

- Слав, ты очень хороший…

- А сейчас ты скажешь «но», - грубо перебил я.

Она вздрогнула, закусила губу:

- Не скажу. Ты просто хороший, без всяких «но». Просто я привыкла относиться к тебе, как к брату, мне сложно даже представить что-то другое.

- Скажи мне, только честно, я тебе хоть когда-нибудь нравился? Хоть немного? - Она помолчала, кивнула:

- Да, - теперь молчали оба, я не выдержал первым:

- Да – и всё?

- А что ты ещё хочешь услышать?

- Когда?

- Давно.

- Долго?

- Нет.

- А почему перестал?

- Потому что я поняла, что не интересую тебя. Знаешь, я не мазохистка – влюбляться в того, кому не нравлюсь.

- А я, выходит, мазохист… - она пожала плечами, как будто тот я мог её видеть. Мы замолчали. Уютно шелестел кулером ноут, цокали часы. - Ну, скажи хоть что-нибудь.

- Что?

- Расскажи, как у тебя дела хотя бы.

- Дела… хреново, Слав. Во-первых, рассорилась со всеми друзьями, во-вторых, совершенно не рисуется, в-третьих, даже

пожаловаться некому, потому что смотри пункт один.

Трубка негромко хмыкнула:

- Хочешь, я приеду?

- Очень хочу. Но ты не приедешь.

- Почему?

- Ты обещал, что я тебя больше не увижу.

- Да ладно тебе! Если хочешь, можешь завязать глаза.

- Чудик, - усмехнулась она. - Правда, Слав, давай не будем оттягивать неизбежное – дружить больше не получится.

- А давай попробуем?

- Ты ещё не настрадался?

Мы опять замолчали.

- Слав, - по её щеке сбежала блестящая слезинка, но голос не изменился. - С тобой было очень хорошо, правда, всегда…

- Было?

- Было. Больше не будет. Я хотела сказать спасибо за всё, что было, и мы должны… Не звони мне больше, ладно? - Я молчал. - Не звони, не пиши, не вспоминай, - её голос сорвался, по щеке скатилась ещё одна прозрачная капля, - выброси всё, что напоминает обо мне. И будь счастлив, ты этого стоишь. Хорошо?

Я долго молчал, представляя, как где-то стоит старый я с каменной решительной мордой и волдырями на душе.

- Картину можно оставить?

Она всхлипнула и швырнула телефон в стену, от него поотлетали панели, выпала батарея. Мне стало дико жаль себя, стоящего где-то с трубкой, бормочущей «на данный момент абонент не может…».

Она рыдала над столом, её трясущиеся плечи были так близко… Я почувствовал почти физическую боль от того, что не могу обнять её и успокоить.

Мой маленький депрессивный гений, я подарю тебе Любовь, только не плачь.

Я закрыл глаза и прокрутил время далеко-далеко назад.

***

С чего всё началось? Может, отсюда, с пустынной зимней улицы, на которой я впервые решился нарушить обещание не прикасаться к ней иначе, как по необходимости? Я сидел на балконе второго этажа, на меня падали снежинки, большие, лохматые, медленные… Какой был отличный вечер! А я в тот раз совсем его не замечал. Тихий, засыпанный снегом по колено город, пустой – все сидят по домам, машин почти нет, пешеходов тоже. Снег искрится в лучах фонарей и неоновой рекламы, оседает на её распущенных синих волосах, она смеётся и смотрит вверх, на её лицо опускаются снежинки… Она поскальзывается в

который раз и я в который раз её подхватываю. Она улыбается.

Её каблучки хрустят по снегу, она вскакивает на бордюр, я подаю ей руку. Как же мне было тогда хорошо! Почему люди не умеют ценить то, что имеют? Вот он, тот момент – она высвобождает руку… Я остановил время, спрыгнул с балкончика и пошёл к ним, сминая застывшие в воздухе хлопья снега.

- Не отпускай её! Что бы она ни делала, не отпускай! Говори глупости, корчи из себя влюблённого первоклассника, но не отпускай!

Снег медленно начал скользить к земле, девушка посмотрела на того меня с детской обидой:

- Слава… Слав, ну мы же договаривались…

- Забудь о договоре, он тебе нравится! И ты ему нравишься!

Они оба замерли в нерешительности, смущенно перетягивая её руку.

- Сдавайтесь, вы созданы друг для друга!

Она отвела взгляд от сцепленных рук, пробормотала:

- Ладно, всё равно скользко, - и побрела дальше, утягивая за собой остолбеневшего меня.

Я подпрыгнул, еле удерживаясь, чтобы не станцевать ламбаду прямо здесь, в порыве радости – получилось! Я всё-таки похлопал в ладоши, с довольным видом скача по снегу, потом увидел облезлую кошку, которая таращилась на меня, как на идиота, и поутих. Ладно, слетаю проверю, что изменилось в моём настоящем. Я взмахнул крыльями, подняв тучу снега, кошка громко чихнула и отвернулась.

***

Её комната выглядела так же, на мольберте стояла та же русалка с сердцем, на полу в углу лежал матрас с одеялом, а на одеяле сидели мы с ней. Я выглядел здоровее и массивнее – странно, я даже глянул внимательнее на свои руки и сравнил с руками того, другого себя, – определённо, он штангу не забывал, даже завидно. А ещё более завидно было от того, что Ксю сидела у него на коленях, положив голову на его грудь, а он перебирал её чёрно-розовые волосы.

- Слав, вот что мне делать?

Голос у неё был несчастный, тот я обнял её поплотнее:

- Развлекись, выброси всё из головы. Хочешь, съездим куда-нибудь?

- Так в том и дело, что нечего выбрасывать! У меня пусто там и так! - Она постучала себя по лбу согнутым пальцем. - Мне туда ничего не приходит! И не хочется ничего совершенно, веришь, рисовать, стихи писать, гулять – ничего не хочется! Раньше было такое, но обычно это проходит через недельку, стоит взять

хорошую книжку и сладкого…

Я улыбнулся:

- Что ты сейчас читаешь?

- Ничего. Как ту дочитала в прошлом месяце, так больше ничего не привлекает. А шоколада могу съесть хоть тонну – всё равно не легче.

- Творческий кризис?

- Жизненный… Вот ты для чего живёшь?

Я пожал плечами:

- Ну, я редко над этим задумываюсь, - соврал, подумал я, не редко, а никогда. - А ты?

- Я… Обычно я рисую или пишу, живу для того, чтобы дописать, а потом, когда заканчиваю, берусь за следующий проект, следующий, дальше, дальше… ну или готовлюсь к чему-нибудь, к празднику, к поездке. А сейчас, как будто список дел, которые нужно сделать, кончился, и я, поставив последнюю галочку напротив последней строчки, иду копать себе могилу с чувством выполненного долга, - она фыркнула, он засмеялся:

- Ты даже из самой глубокой хандры балаган делаешь!

- Это нервы.

- А может, это кризис среднего возраста? - Теперь фыркнули оба. - Ну или тебе просто пора завести семью?

- Да ну тебя. Посмотри вокруг – с кем тут можно семью строить?

Так… я чего-то не понимаю?

- Ну неужели тебе никто не нравится?

- Те, кто мне нравятся, для семьи не подходят, а те, кто подходит, от тех меня тошнит!

- По-моему, тебя от всех тошнит.

- Похоже на то, - она скривилась.

- И от меня?

- От тебя – нет, - улыбнулась она. - А у тебя брата нету? Чтоб как ты был?

- Есть, но у него уже есть девушка!

Брешет, подумал я, нет у моего брата девушки. Хотя, в этом варианте реальности – вдруг?

- Жаль, - с улыбкой вздохнула она, - ты клёвый. Надо заказать твоим родителям ещё парочку.

- И усыновить?

Она прыснула, уткнулась лбом в его грудь:

- Эх, Славка, Славка… спасибо тебе. Ну, за то, что нянчишься со мной и моей депрессией.

Он взял её под колени, приподнял и стал шутливо укачивать:

- Баю, баюшки-баю…

Она рассмеялась, обняла его:

- Ты самый-самый лучший мой друг!

Ясно…

Обидно, досадно, ну ладно.

Я нырнул в окно и хлопнул крыльями.

***

- Но вспять безумцев не поворотить, они уже согласны заплатить…

Его голос чиркал по душе как наждаком, но от этого становилось странно легче. Я сидел на полу, рядом с несколькими ребятами приблизительно моего возраста, все горизонтальные поверхности в маленькой комнате были заняты, здесь было человек пятнадцать и все слушали. А он пел уже третий час и похоже, останавливаться не собирался. Я смотрел на него, на его гитару – интересно, правда что на ней лопнули струны, когда он умер? Я вполне мог бы смотаться и проверить, но мне не хотелось уходить. Здесь было хорошо. Здесь было «до». До всех моих проблем, до Ксюхи, до моего решения стать полумёртвым психопатом. Все пили водку. И я пил. Ни хрена не чувствовал, но пил. К утру мне даже показалось, что я опьянел, но иллюзия рассеялась очень быстро. Я подошёл к спящему барду, прикоснулся к лежащей рядом гитаре, она издала низкий гул, он не просыпаясь положил руку на гриф. А может и правда про струны.

Я вышел на улицу, посмотрел в небо…

Мне надо идти. Надо делать что-то для того, чтобы моя Ксюха была счастлива. Но я не знал, что. Я покопался в последних годах нашего с ней общения, изменяя конфликтные ситуации, сглаживая углы – не помогло. Наши отношения в результате становились лучше, но она всё равно теряла смысл жизни. Или просто даже не находила ни разу? Что ей нужно для счастья? Я перечитал её дневник от корки до корки, но ответа так и не нашёл.

Я мотнулся назад к ней, в школьное время, в далёкий выпускной класс – чего ты тогда хотела? В самом нахальном и самоуверенном возрасте, когда кажется, что можешь изменить мир. Приземлился в школьном коридоре, вокруг носились разнокалиберные ученики, облокотившись о подоконник, стояла моя Ксюха с собранными в хвост красными волосами. Рядом стояла милая девочка того же возраста, положив голову на Ксюхино плечо:

- Так ты хочешь в художественный?

- Ага, - её глаза блестели, я залюбовался, - выучусь, стану рисовать свои авторские картины, не пейзажи, а экспрессию или

сюр! Так, как мне самой нравится, маслом, гуашью. Пастелью ещё научусь! Буду продавать через интернет, за хорошие деньги, за десять тысяч!

Я хмыкнул – в прошлом году она продала одну за пятнадцать. Подружка хихикнула:

- Ох и фантазия у тебя! Кто будет столько платить за картины?

Ксюха непреклонно фыркнула:

- Будут!

Я покачал головой. Ты добилась чего хотела, милая. Только вот оказалось – не в этом счастье.

В чём же твоё счастье? Я махнул крыльями, переместился в свой последний реальный год, прошёлся по её квартире – старые обои, скрипящий пол, где-то капает вода. В прихожей валяются тапки с собачьими ушами и бусинками-глазками... Странная она. Жмотится на новый свитер, зато легко тратит вдвое больше на смешные тапочки. У неё вечно изгрызенные и поломанные карандаши и ручки, но она упёрто собирает из разных обломков и клеит, оборачивает изолентой, суёт спички и продолжает пользоваться старой ручкой. Зато тратит на книги столько, что за эти деньги можно полностью обновить гардероб. Странное, нелогичное создание. Из-за которого я уже несколько месяцев не ем, не сплю и летаю по воздуху. Романтика, чтоб её…

Я открыл книжный шкаф, провёл пальцами по рядам корешков. Она вечно совала мне то одну, то другую книжку, уверяя, что я не пожалею о потраченном времени и расписывая прелести буквоедства, но я всё время отказывался, мотивируя это дефицитом времени и ресурсов мозга. Я постоянно уверял себя, что люблю читать, и даже читал когда-то традиционные «букварь, вторую и синюю». Правда, припомнить я мог только пару сцен из «синей», там было что-то о пиратах и латинской америке. Это был предел моих возможностей. И вот теперь у меня вечность времени – а читать всё равно не хочется. Хочется отовраться самому себе об усталости, занятости, головной боли… «Месячных!» – добавил я, издеваясь сам над собой. Это ж надо умудриться воспитать в себе такую душевную лень! Я взял самую потрёпанную книгу и пронзив потолок, взлетел на крышу.

***

Когда глаза добежали до даты на последней странице, мне было даже жаль, что книжка так быстро кончилась. Я всё-таки вспомнил, где её видел – здесь, у Ксюхи. И этого автора у неё было ещё восемь книг. Я прочитал все. Это оказалось не так уж сложно, по крайней мере, после первых двух я перестал циклиться на количестве прочитанных страниц и стал получать

удовольствие. Когда этот автор закончился, я взялся за следующего.

Некоторые страницы были закапаны неровными, криво высохшими пятнами. Над некоторыми из них я тоже был не прочь пореветь, в других не находил ничего грустного и долго пытался понять, что нашла она.

Я прочитал всю её библиотеку. Если бы я всё ещё был человеком, я бы теперь ходил в ступоре полгода, переваривая информацию. Но для меня пернатого всё прошло на удивление гладко.

Ксюха, Ксюха, Ксюха…

Что мне для тебя сделать? Как изменить твою жизнь?

Я спустился на тротуар, поймал глазами яркую шевелюру Ксю, мелькающую впереди в потоке людей, задумался. Сейчас примерно месяц до её прыжка из окна, можно пронаблюдать… Кто-то прервал мои мысли, грубо толкнув плечом, я хотел возмутиться, но парень обогнал меня, даже не обратив внимания. Метров через десять он полуобернулся, сверкнув наглой самоуверенной улыбкой… на МОЁМ лице!

У меня отпала челюсть. Я всмотрелся в удаляющуюся фигуру – высокий, плечистый, чёрные волосы, моя походка… Только вот кожанки такой я никогда не носил, и волосы такими длинными никогда не были. Да и на улице я никогда не толкался. И эта улыбка… питбули так улыбаются.

И вообще – я бесплотен, КАК он меня толкнул?!

Я остановил время, стараясь рассмотреть его получше, ветер перестал дуть, люди замерли в нелепых позах… а он шёл дальше! Я полетел над дорогой, стараясь догнать его, но парень обернулся, ещё раз оскалившись мне, и исчез.

Я замер в ступоре, не решаясь что-либо предпринимать, мозг чуть ли не скрипел от натуги, выкладываясь на всю производительность.

Что. Это. Было?!?

Голова шла кругом, версии были одна другой фантастичнее. Ещё один ангел, из другой реальности? Я из будущего, изобретатель машины времени? Мой далёкий потомок, спустя пару поколений решивший что-то изменить? Что это значит?!

Я схватился за голову и закричал:

- Гавриил!

***

Города почти не было видно из-за плотного слоя облаков, висящих между нами и далёкой поверхностью земли, я поболтал ногами, с тайным злорадством любуясь своими грязными кроссовками на фоне светлого облачного одеяла.

- Как это может быть?

Гавриил пожал плечами:

- Всё может быть.

- Меня интересует конкретно этот бультерьерище! Что мне теперь с ним делать?

- Ты ничего не сможешь с ним сделать, как и он с тобой.

- Тогда для чего он? Откуда он взялся?

- Оттуда же, откуда и ты. Откуда всё берётся? Откуда я взялся? - Я молчал, архангел задумчиво посмотрел в синее небо над нами. - Никто не может точно сказать, откуда взялось всё сущее…

Я поднял бровь, что-то похожее я недавно читал в Ксюхиной книге про весёлых неандертальцев. Архангел усмехнулся:

- Странно ты мыслишь… Хочешь, чудо покажу?

Он произнёс это, как добрый дядя, показывающий фокус агукающему малышу. Я удивлённо кивнул, он улыбнулся, посмотрел прямо на солнце и тихо позвал:

- Кис-кис-кис!

Я открыл рот, глядя как он протягивает руки вверх, прямо к стоящему в зените солнцу, сощурился, пытаясь разглядеть, что происходит между его ладонями. Гаврила широко улыбнулся и посадил на колени лохматого блестящего котёнка. Я задохнулся от шока, протянул руку, прикоснулся к тёплой, искрящейся шерсти:

- Это невозможно… Значит, Заров не врал?

- Кто такой Заров? - невозмутимо спросил Котёнок.

- Конечно, врал, - ответил архангел. - Только, знаешь… некоторые умудряются врать так, что им очень хочется верить. И верят очень многие. А мысли, как ты знаешь, страшная сила, - он кивнул на Котёнка. - Ему лет десять уже.

Я всё ещё таращился на Котёнка, тот, не получив ответа на свой вопрос, вздохнул и стал умываться.

- Я иногда задумываюсь насчёт себя самого… Может, меня тоже кто-то придумал? Очень давно, тысячелетия назад? - Он хитро посмотрел на меня, - ты же не думаешь, что библию писали святые? - Я фыркнул, на этот счёт я никогда не обольщался. - Вот так вот и я… Думаю иногда – кто-то очень умный, ещё тогда, выгодно использовал Его чудо, создал целое учение и заставил всех в него поверить. И из человеческих надежд и веры возникли мы все… То, что ты видел – обратная сторона медали. - Я нахмурился. - Ты слишком сильно повлиял на жизнь своей любимой, избавил от многих страданий и добавил радости, это нарушило равновесие её жизни. И всё плохое, что могло с ней произойти, все негативные вероятности, если хочешь, решили

взять реванш.

Я потряс головой:

- Так что он такое?

- Это ты. Только… в другой ситуации, с другими принципами и целями. Он располагает той же информацией, у него те же возможности, только если ты поднимаешь правую руку, то твоё отражение поднимает левую, понимаешь? - У меня в голове была каша, причём она опасно кипела:

- Не понимаю.

- Если ты стоишь за правым плечом… - терпеливо пояснил Гаврила.

- Бес! - Дернулся я. - Он хочет ей навредить?

- Он хочет того, чего ты пытаешься избежать, а то, чего ты добиваешься, он постарается не допустить.

- Два меня с разными целями, - потёр лицо я. - Это ненормально!

Архангел закатил глаза:

- А то, что мы сидим на крыле самолёта, замершего в небе на высоте в пару километров – нормально? То, что ты управляешь временем – тоже нормально?

Я окинул взглядом ряд маленьких окошек, застывших людей за толстыми стёклами… Я двинулся или мир двинулся? Нет, никто не двинулся – всё замерло. Стальная махина над многомиллионным городом, облака под моими ногами. И я. Я всё ещё сижу на детской скамейке под дождём, пока Ксюха умирает в машине скорой помощи.

- Тебе плохо? - Голос у Котёнка был тёплый, как он сам. Я улыбнулся ему, почесал за ушком:

- Нет, я в порядке. Не переживай.

Он зажмурился и замурчал, топчась по моим коленям.

- Я тебе больше не нужен? - Гаврила поднялся на ноги, кивнул мне. - Тогда до встречи.

Я пожал ему руку, проводил взглядом растворяющуюся в облаках фигуру. Ссадил Солнечного Котёнка на серую обшивку крыла самолёта, подмигнул ему и спрыгнул вниз.

***

Дождь яростно молотил меня по плечам, с Ксюхиных волос текло ручьями, розовая футболка облепила тело.

- Ксюха! Ксюха, алло!

Она держала трубку у уха, глядя вдаль, ветер завывал между домами, крыша мелко подрагивала под подошвами.

- Я тебя слышу.

Голос у неё такой, как будто она уже шагнула вниз.

- Что у тебя там шумит? Ты на улице?

Она окинула взглядом крышу:

- Да. У тебя есть минутка?

- Ну, как тебе сказать… я работаю.

Парень с улыбкой питбуля наклонился к её уху:

- Ему плевать на тебя! Он даже на похороны не придёт.

Я дёрнулся:

- Неправда! Ему не всё равно, он тебя любит.

В громоотвод на соседней крыше шарахнула молния, на стоянке под домом взвыли сигнализациями иномарки. Ксюха зажмурилась:

- Ладно, я тебе потом… то есть, работай, пока. - Она нажала отбой, мистер питбуль осклабился:

- Видишь? Ты больше никому в этом мире не нужна.

Она села на край, бесстрашно свесив ноги вниз. Я злобно глянул на своего соперника, в который раз с удивлением отмечая, каким же противным может быть моё лицо. Длинные, почти до скул, волосы делали его похожим на героя какого-то тупого американского фильма про школьников, потёртая кожанка в заклёпках и майка под ней наводили на мысли об американском же боевике, широкой бляхе на поясе для комплекта только кобуры не хватало, а вот ровные сбитые костяшки пальцев хорошо вписывались в картину. Когда-то и у меня такие были, но с тех пор много чего изменилось. В частности, я научился сначала думать, а потом делать. На груди, как злая шутка, болтался серебряный крест, рядом на той же цепочке была пара военных номерных жетонов.

Он весь был какой-то до оскомины нереальный, его аж потрогать хотелось, чтобы убедиться, что он не глюк. Причём желательно кулаком в челюсть потрогать, чтобы сбить с физиономии самоуверенную ухмылку.

- Чё, крылатый, любовь кончилась, пора на дозаправку?

Меня перекосило. Вдруг подумалось, что если этот типчик встретит в тёмном переулке байкера Волка, плохо будет Волку. Я отвернулся.

- Моя любовь всегда со мной.

- Что-то она мало ей помогает, - усмехнулся Бес, ткнув пальцем в Ксюху.

- Тебе это не удастся…

- Она свой выбор уже сделала, и не один раз. - Он шутливо поклонился, - благодаря тебе. Ты помогаешь мне гораздо чаще, чем мешаешь.

Мне ещё раз остро захотелось врезать по этой наглой роже. Но я уже пробовал, так что пока лучше об этом забыть.

- Ксюх, он тебя любит. Ты ему нужна. Не делай этого, ему

будет очень больно!

- Он вздохнёт с облегчением и наконец-то найдёт себе нормальную девушку, которая будет его любить! Вперед, не трусь!

Она зажмурилась и стала покачиваться вперёд-назад, всё больше отклоняясь в пропасть… и у неё завибрировал мобильный.

- Не бери! - Переполошился Бес, я только широко улыбнулся — я знал, кто звонит.

- Ксюх, у тебя всё в порядке? У тебя был такой голос…

Она улыбнулась, её улыбка отразилась и на моих губах. Лохматый Бес злобно сверкнул глазами и исчез в серой вспышке. Я подумал, в какое время он переместился сейчас, потом махнул рукой – пусть он теперь за мной гоняется, я устал исправлять его пакости. Да они и особой фантазией не отличались – заманить куда-нибудь высоко и убедить, что она в этом мире никому не нужна. К моему счастью и тайной гордости, в такие моменты она вспоминала обо мне и его затеи с грохотом проваливались. Но я вынужден был осадить себя – моя затея тоже пока не увенчалась успехом, так что счёт равный. Я сел на край рядом с ней, краем уха слушая, как она болтает с реальным мной и пытаясь понять, что мне теперь делать. Бесконечно вытаскивать её из петли и сгонять с крыши не выход, нужно убрать причину.

Где её искать? Вся её жизнь – это очень много времени… хотя – всё, что случилось после моего раздвоения можно смело отбросить, она решила умереть из-за чего-то, что уже произошло на тот момент, так что искать будем в прошлом. Когда мы познакомились, она была невозможно жизнерадостным человечком и вряд ли хоть раз задумывалась о самоубийстве. Значит, в моём распоряжении время с нашего с ней знакомства до прыжка из окна.

Смысл жизни. Любовь. Нужность. Как ей это дать? С чего начались её проблемы и нежелание жить? Я поднялся в небо, высоко, выше тёмных туч в сине-фиолетовых сполохах и устремился вверх. Нужно многое обдумать.

***

С чего же всё началось? Может, с этого вечера, когда она впервые меня отшила, доступно объяснив, почему не хочет иметь парня? А я не нашёл, что ей возразить. Мы стояли в коридоре, уже у порога, она обняла меня, посмотрела в глаза и я… Я заморозил время. Остановись, мгновенье! Я мог бы смотреть на это вечно, если бы это не было так зверски больно.

Со стороны и рядом со мной Ксюха выглядела совсем маленькой, едва доставая мне до плеча, а полосатые носки с

пальцами и здоровенный цветной свитер с закатанными рукавами делали её вообще малышкой. Я невольно заулыбался, перевёл взгляд на себя. А вот здесь я выгляжу даже симпатичным – не сутулюсь, не корчу из себя ничего. Просто взрослый парень, ведущий себя по-детски. И обнимаю я её за плечи двумя руками, тогда я не обратил на это внимания, слишком быстро всё произошло. А вот сейчас была возможность полюбоваться зрелищем…

А хорошо смотримся. Мило, невинно и охренеть как трогательно, подходящая обложечка для книжки в двести страниц о нежной любви пятиклассницы и семиклассника. Её руки упираются мне в грудь, но пока не отталкивают, в этот момент она ещё не успела сообразить, что вообще происходит, у неё спокойное лицо, полуприкрытые глаза. Но буквально через полсекунды она отшатнётся от меня и скажет… Я запустил время.

- Славка, ты чего?

Старый я замер, опустил руки, пожал плечами, глядя в сторону. Она бросила на него такой взгляд… короткий, полный боли и вины. Но он не заметил.

- Слав, мы же друзья?

- Нет, вы не друзья! Он тебя любит!

Тот я пожал плечами, невидяще глядя в пол. На моё плечо опустилась неприятно тяжёлая ладонь, я обернулся.

- Все мужики одинаковые, Ксюх, пора бы уже привыкнуть! Ходит строит из себя лучшего друга, а стоит только появиться маленькой возможности — тащит в постель.

Ксюха поморщилась, на глаза навернулись слёзы.

- Нет! Это не так, - буркнул я.

- А как? - С сарказмом развёл руками Бес. - Или не ты тут доказывал ей, что они ни разу не друзья?

Я открыл рот… и закрыл. Бес расхохотался, за моей спиной старый я скрипучим механическим голосом спросил:

- Ты совсем не хочешь парня? Никакого?

Хм, что-то новенькое, я обернулся. Ксюха стояла, смущенно разглядывая свои ногти, я нависал над ней вопросительным знаком.

- Хочу, - неожиданно жёстко ответила Ксю, мы с Бесом переглянулись и синхронно пожали плечами. - Я хочу парня, Слав. Прямого и честного, такого, который бы меня любил и уважал, не врал мне и не притворялся кем-то, кем он не является! - Злобно выпалив это, она вдруг сникла, прикрыла глаза и закусила губу, словно испугавшись только что сказанного.

Старый я окаменел, потом медленно выдохнул и ответил:

- Если встречу такого, я тебя познакомлю.

Сам открыл дверь и быстро сбежал по ступенькам. Мы опять переглянулись с Бесом, размышляя, кто на этот раз в проигрыше, лично я считал себя побитым и растоптанным, но он на лавры тоже не претендовал, поэтому мы спокойно развернулись друг к другу спинами и двинулись каждый в свою сторону, так ничего и не сказав.

***

Я сидел на крыше её дома, наблюдая как садится солнце, медленно скатываясь за терриkон и поджигая его с той стороны ярким бездымным пламенем.

Тот самый вечер. Я прилетел пару часов назад, дождь ещё не начался, но тучи с востока надвигались зловещие. Как раз в это время старый я выбегает из дома, полный надежд на длинную ночь и сладкий чай.

Я косо ухмыльнулся далёкому солнцу. Я боялся к ней идти. Боялся, что опять буду разочарован и бит по морде тяжёлой рукой судьбы.

Ужасно хотелось спать.

В своей далёкой жизни «до» я постоянной ругал человеческую природу за то, что треть жизни приходится валяться в недееспособном состоянии, вместо того, чтобы тратить это время с пользой. Глупый. Сейчас я отдал бы многое за возможность просто отключиться от всего, побыть в тёплом чёрном забытьи, где ты никому ничего не должен и от тебя ничего не зависит.

Солнце укатилось за горизонт, пошёл дождь, в домах стали загораться окна, я заглядывал в них, ухватывая в каждом пару секунд чужой жизни. Вот у кого-то что-то кипит на печке, вон мерцает телевизор, вот кто-то неугомонный в шапке-кораблике из старой газеты скоблит с потолка побелку… просто люди. Просто живут себе своей жизнью, по-своему счастливые, со своими проблемами.

А в Ксюхиной квартире горит свет в спальне и гиперактивная измазанная краской девчонка грызёт кисточку перед мольбертом. Я вздохнул. Идти всё равно надо. Расправил крылья и спланировал в её спальню.

С мольберта улыбалась та же русалка. Кроме улыбки, добавились волнистые чёрные волосы, тропический лес на фоне и гроздь винограда в руке. И стояла она спиной, повернув голову в профиль, но всё ещё была похожа на Карину.

Я поднял брови – надо же, что ещё изменилось? Пошёл вдоль стены, рассматривая старые картины. Байкер был на том же месте, я заиграл желваками – уж очень надеялся, что он тоже канет в Лету, остальные картины вроде тоже были без изменений… Хотя, если честно, я плохо их помнил. Одной

картины здесь точно раньше не было – лохматого чёрного щенка с блестящими добрыми глазами, здоровенная картина и очень старательная, я подумал, что с удовольствием купил бы её. С Ксюхиными ценами, я собирал бы на этого пёсика полгода, но мне было не жалко – он мне очень понравился.

Самой Ксю в спальне не было, на кухне грохотала посуда и я пошёл туда. Колонка была на месте, в комнате было чисто и сухо, а в углу был… было… Я не понимал, что это такое, пока оно не пошевелилось.

Здоровенный стог волнистой чёрной шерсти без каких-либо признаков конечностей чавкал и звенел об пол жестяной миской. Ксюха с улыбкой отпихнула коленом лобастую голову от тарелки:

- Да подожди ты, - вылила в миску чашку бульона и сделала приглашающий жест. - Приятного!

Потрепала стог за ухом (ага, у него есть уши!) и стала греть ужин себе. Я всё ещё пытался обойти чавкающую копну, чтобы убедиться, что у неё есть ещё что-то кроме ушей, когда зверюга наконец доела и обернулась… И я почувствовал себя маленьким и худеньким. Кудрявый мамонт обладал лапами (четыре штуки) размером с мою ладонь, загнутыми белыми зубами (дохренальйон штук), измазанным в каше носом (один штука) и большими добрыми глазами. Настолько добрыми и тёплыми, что в эту собаку хотелось зарыться целиком, в надежде найти под слоем шерсти кусок лета и остаться там навсегда.

Пёс подошёл к сидящей за столом Ксюхе и увалился пузом на её ноги, весело заглядывая в лицо. Она улыбнулась:

- Нос оближи, поросёнок!

Он послушно облизался и положил голову на вытянутые лапы. Я подумал о том, что в этой реальности наши с Ксю отношения могли развиваться совсем по-другому, и не факт, что мы вообще сегодня встретимся. Я потопал в её спальню, открыл уже знакомую тумбочку, достал дневник. Открыл на загнутой странице, пробежал глазами – почти без изменений. Может, дальше? Я быстро пролистал знакомый текст, я успел почти выучить его на память… вот, тот вечер.

«…он меня шокировал! И самое обидное – почему сейчас?! Где он был раньше? Стоило забить на всё и удариться в загул – нате вам, кушайте, закон всемирного свинства в действии! Я ему высказалась так грубо, сорвалась, потом стыдно было, жуть. Но не извиняться же теперь. Тем более, что я прямо ничего не сказала, это он сам подумал. Правильно подумал, конечно, но от этого не легче. С тех пор не звонил и не писал. И я не стала первая.»

Ну это, в принципе, ожидаемое развитие… Мне аж интересно стало – что дальше-то? Кто кого? Или так и ходили гордые и

обиженные? Я пролистал дальше.

«…Славка молчит, мне «случайно» писали его друзья, типа просто поболтать, ну я ж не дура – пробила по поиску, они оба в его друзьях, у него вся стена в видео и рисунках от них. Поболтала с обоими немного, оба спросили о нём, что-то вроде общаемся ли мы ещё. Придурки, хоть бы между собой договорились, когда и что писать. Ответила одному, что год уже его не видела, а другому – что он сейчас у меня. И через обоих передала ему привет. Какие же они все примитивные… Как мы с ними живем?»

Гений на гении, м-да... Я перевернул страницу.

«У меня сегодня был Славик! Ура-ура-ура! Пришёл с конфетами и извинениями. Сказал, что вёл себя как дурак, что очень соскучился и что хочет меня кое с кем познакомить… и достал из-за пазухи щенка! Чёрненького! Водолазика! Он такой лапонька! Славка мне его сунул и сказал, что этот мужчина точно меня никогда не обманет и не предаст. Он чудо! У него такие глазки! Я позвонила хозяйке и сказала, что покупаю квартиру – хрен с ней, пусть будет. Посижу в долгах. Зато теперь она не сможет запретить мне собаку! Назвала Мишкой. И простила Славке всё на сто жизней вперёд!»

Я аж плечи расправил и грудь выпятил. А? Какой я! Молодец просто! Окинул взглядом тушу потапыча, мысленно присвистнул – это его я из-за пазухи достал? Посмотрел на дату в дневнике, посчитал в уме – собакенсу два года. А что ещё изменилось за эти два года?

«…Джо пригласили заменить гитариста какой-то супер-пупер немецкой группы, он довольный как слон, зовёт с собой в Германию. Не поеду. Ну его. Оформлять гору документов из-за трёхмесячного турне, искать замену на работе… Да и штреханье ихнее меня дико раздражает, в каких условиях должен развиваться народ, чтобы обозвать кошку «кацер»? И сам Джо меня в последнее время раздражает. И Макс раздражает. А больше всего раздражает, что Славик писать перестал, хотя и в он-лайне… А ещё сильнее раздражает его сердечко в статусе…»

Да? Интересно. Я перевернул пачку листов в пару миллиметров, начал читать сверху страницы.

«…Каринка говорит, он её не любит. Ну, ей виднее, я в эти дела не лезу, женился так женился, пусть живут долго и счастливо...»

В этом месте бумага поплыла кляксами, я перевернул страницу назад – кто же там на Карине женился?

«…на своей страничке не появляется, друзья заваливают стену похабными шуточками и намёками. А в аське я видела его в час ночи со статусом «на работе». Я даже решилась написать ему,

первый раз за столько времени. Типа с приколом – ты забыл сменить статус. Он ответил довольно сухо, что до сих пор на работе, взял лишнюю нагрузку, чтобы больше платили. Бедненький. До ночи на работе, а потом и дома ребёнок выспаться не даёт.

Недавно видела его мельком в магазине – худой как жердь, глаза красные, смотреть страшно. Памперсы покупает… Ужас. Никогда не буду трахаться по пьяни! Бедный Славка… И как он на ней женился?»

Что?!? Кто женился – я женился?! А опечатки быть не может? О, нет! Выпустите меня из этой грёбаной реальности, сейчас же!

Я резко захлопнул дневник, сунул в тумбочку, приготовился перещёлкнуть время.

- Куда спешишь, птенец?

У меня правда такой мерзкий голос? Я обернулся:

- Не твоё дело.

Он жевал резинку и от этого казался ещё более нахальным и самодовольным.

- Ну почему же не моё? Как раз очень даже моё, - притворно-задумчиво протянул он, - бес-искуситель это так весело, ты бы видел свою морду, когда с ней проснулся, ух, это было нечто! Я её долго выбирал, старался. Неужели даже не посмотришь на своего ребёнка?

Я смотрел, как он мерзко ухмыляется и старательно давил в себе желание ему врезать. О, как это было бы приятно… Но я помнил, как легко он осадил меня в прошлый раз и старался не поддаваться искушению.

- Чего молчишь? Слова кончились? Все на свадебную клятву ушли? А может, сходим взглянем на твою свадьбу? На неё ушли почти все денежки со счёта под кодовым названием «на машину»!

Бес заржал, на секунду зажмурившись, и я успел. Мой локоть с ласкающим слух хрустом врезался ему в нос, а на обратном пути добавил по челюсти. Он стоял, с удивлением щупая переносицу и глядя на кровь на ладони. Я сцепил кулаки в замок и ударил в челюсть, вложившись всем корпусом, от души – счётом на машину он меня добил. Урод.

Он мягко уклонился, поймал мои руки, крутанул вокруг себя, гася инерцию… и я понял, что лежу на полу. Ловко, ничего не скажешь. И дико обидно.

- Не хочешь смотреть на свадьбу — ладно, но хотя бы на дочку ты можешь посмотреть? Должен. Просто обязан.

Он рывком поднял меня, держа за вывернутые назад руки и щёлкнул пальцами. Мы оказались в моей квартире. На компьютерном столе стояла бутылочка с чем-то белым и

скомканный подгузник… о, нет! Из спальни вышла женщина с крашеными блондинистыми волосами, в моих тапках и халате.

- Слава!

Ну и голос, лучше б я бормашину слушал. Из туалета донёсся звук сработавшего бачка и выглянул старый я… вот только таким страшным я никогда не был. Тёмное помятое лицо, тощие руки, торчащие ключицы. Жуть ходячий. И в руке у меня была книга. Эм… а это точно я? Я опустил голову, чтобы не видеть, что творится вокруг.

- Отпусти меня.

Я сам не узнал свой голос, таким безжизненным он стал. Но Бес только ухмыльнулся:

- Уже надоело? Подожди, ты ещё не знаешь самой вкусной новости! - Он наклонился к моему уху. - Папочка её ребёнка – не ты. Она заплатила за экспертизу, её подделали.

Я зарычал и рванулся вверх, ударил крыльями, возносясь всё дальше от этого ужаса, назад, на год, на два, туда, где этого всего ещё не было.

Права Ксюха, на все сто права – никогда не буду трахаться по пьяни!!!

***

Парень с мечом красиво отпрыгнул, крутанул кистью, сверкающая полоска металла просвистела в паре сантиметров от головы его соперника. В толпе закричали, застучали ногами. Языка я не понимал, но это ничуть не портило зрелища. Было отлично. Особенно когда я понял, что намазанные маслом ребята в центре амфитеатра дерутся не всерьёз, а на публику. Красивый опасный танец, сверкает меч, взлетает сеть… и никто не женится, какая благодать!

Здоровяк с трезубцем поймал меч соперника зубцами своей вилки, провернул, тут же ткнув рукоятью в солнышко лишившегося меча противника. Шик! Народ засвистел, я подался вперёд – ну так кто кого? Мечник провёл красивый удар в корпус, потом второй, замахнулся для третьего… и соперник набросил на него сеть, стянул в петлю, повалил, дотянулся до лежащего в песке меча и неловко ткнул им мечника в бок. Из бока с готовностью хлынула кровь, тёмная, в сгустках.

Я рассмеялся – тот, кому эта кровь принадлежала раньше, не просто давно умер, а скорее всего, уже съеден. И сдаётся мне, при жизни он ни то хрюкал, ни то мычал.

Хотя зрелище и правда красивое. Народ приветствовал победителя, старательно умирающего уволокли, полуголые девушки засыпали песком следы крови. На арену вышла следующая пара бойцов. Здоровые, заразы, двигаются красиво.

Какой удар! И почему я так не могу? Как бы вмазал этому наглому Бесу…

Я усилием воли остановил поток фантазий, снова запретив себе даже думать о своей невыполненной миссии. Но это было не так-то просто. Ну почему он сильнее меня?! Гавриил же говорил, что у нас одинаковые возможности!

- Не совсем.

Я обернулся к сидящему рядом архангелу, кивнул ему, пробормотал:

- А точнее?

- Я говорил, что у него те же возможности, но не точно такие же, как у тебя. - Я скептически поднял бровь, архангел улыбнулся. - Да, он физически сильнее и быстрее тебя. Но он не может летать, да и способность направлять и уговаривать у него слабее твоей. Ты хотел бы поменяться?

Он хитро улыбнулся, я скорчил рожу:

- Я правда лучше умею уговаривать? - Он кивнул, я почти расслабился. - Ладно, тогда не хочу меняться.

Гавриил хохотнул:

- Зачем ты пришёл сюда?

- Чтобы оказаться подальше от своей реальности и жизни во всех возможных измерениях.

- Зачем?

- Ну ты же знаешь! - Вспылил я. - Этот урод меня женил!

Под конец фразы в моём голосе появились визгливые истеричные нотки, шокировавшие меня самого. Гаврила чуть нахмурился и сказал серьёзным, успокаивающим голосом:

- Если бы ты остался в той реальности подольше, ты бы понял, почему он это сделал. Эта вероятность лишь одна из многих, и она очень невелика. Ты представляешь, сколько всего ему пришлось сделать, чтобы это случилось? Учитывая его низкую способность влиять на людей и твои жизненные принципы. Подумай.

Я послушно заскрипел извилинами.

Учитывая мои принципы? Начнём с того, что я не люблю блондинок, особенно крашеных. Потом, я люблю, когда у девушки приятный голос, а не соло глухонемого на ржавой бормашине. Ещё — я не пью. Ну, то есть, конечно пью, но не напиваюсь до непотребного состояния и всегда хорошо себя помню и контролирую. Так что на утро мне стыдно не бывает. Ну и напоследок – я всегда забочусь о собственной биологической защите, это было всегда и сидит во мне крепко, в каком бы состоянии я не был.

Это сколько же сил и времени Бес потратил на то, чтобы

поставить меня в такую идиотскую ситуацию? Я вспомнил, как уговаривал Карину просто позвонить Ксюхе и мысленно присвистнул – ого! Ему же ещё сложнее… Так почему он это сделал?

- Ладно, я сдаюсь. За что он меня так?

Архангел улыбнулся, опустил глаза:

- За то, что ты победил.

- В смысле?

- В прямом. Ты добился своего. Оксана никогда за всю жизнь не подумает о самоубийстве. Всё. Ты выиграл.

У меня закружилась голова, я схватился за лавку:

- Как выиграл? Что за..?

- После того разговора, в который вы вмешались с Бесом…

- Когда я её поцеловал?

- Да, тогда. Тебе пришла в голову мысль о собаке, причём так прочно, что Бес не смог тебе помешать. А когда у Оксаны появился пёс, она стала по-другому воспринимать свои проблемы, почувствовала себя любимой и нужной и никогда больше не хотела уйти из жизни через окно. Беса это разозлило и он постарался доставить тебе как можно больше неприятностей, просто из мести.

Я сидел в ступоре. Вспоминал большие, добрые глаза этого медведя, пытался понять. Вот так всё просто, да? То, что не удалось мне в течение трёх нормальных лет и пары сверхъестественных месяцев, запросто сделал кудрявый пёс? Я тихо горько рассмеялся. Вот так вот, да? В памяти всплыли её глубокие серые глаза, грустные, вопрошающие… «по-настоящему, понимаешь?». Я не понимал, милая. Я идиот, не видящий дальше своего носа. Тебе хотелось любви простой и прямой, и тебе подарил её лохматый щенок, честный и безыскусный. Собачья любовь, преданная и безвозмездная, спасла тебе жизнь.

А я не смог. С высшим образованием и ангельской силой.

- И что теперь? - Тупо спросил я.

- Ты можешь вернуться в реальный мир, в своё время, на то же место, где мы в первый раз увиделись с тобой. И жить дальше. Ты исправил то, что хотел, загладил свою вину в этой ситуации.

«Ты можешь»… я настороженно глянул на Гавриила:

- Могу вернуться… а могу и не вернуться, да?

Он улыбнулся:

- Можешь и не возвращаться. А почему ты спрашиваешь? Ты не хочешь опять жить?

- Хочу, - о, это было правдой! Я хотел. Хотел спать, есть и ходить на работу, играть в стрелялки и принимать душ, но…- А что было дальше? Ну, в этой реальности? Ты же знаешь, не

можешь не знать! Расскажи.

Архангел помялся:

- Я не могу вот так просто рассказать тебе будущее. Что конкретно ты хочешь услышать?

- Ксюха. Как у неё сложилась жизнь, в общем?

Гаврила вздохнул:

- Ну, если в общем… Она получила ещё одно образование, продала больше сотни картин, в тридцать четыре года открыла свою школу живописи… Вышла замуж, через два года развелась, завела ещё одну собаку. Умерла в пятьдесят два, сгорела от температуры.

Он виновато посмотрел на меня, отвёл глаза, я прикусил губу. Сгорела от температуры. Ну конечно, собаки в скорую звонить не умеют.

- Она была счастлива?

Архангел молчал.

- Я могу не возвращаться в эту реальность?

- Для этого нужна причина, - он серьёзно посмотрел на меня. - Весомая, ангел.

Я ткнул себя в грудь, прямо в притихшую Любовь:

- Вот этой причины хватит?

- Что ты хочешь сказать?

- То, что моя любимая девушка проживёт всю жизнь в обществе картин и собак, и умрёт в одиночестве! Как ты можешь говорить, что я победил? Это – победа? Мы тут что, в квест играем, победил-проиграл?!

- Ты выполнил то, о чём мы договаривались. Ты что, не хочешь вернуться?

- Куда? К кому?! Что это за жизнь, а? Ты сказал, что у меня вечность в распоряжении, и я намерен выжать эту вечность до последнего, но сделать Ксюху счастливой!

Гавриил грустно мне улыбнулся:

- Ты уверен?

И я вдруг почувствовал своё тело, по-старому почувствовал, как будто и не было этих сумасшедших месяцев — тёплый шершавый камень скамьи, сухой ветер, запах пыли и выпечки, жмущие ботинки…

- Да, уверен, - выдохнул я.

И всё пропало. Я почувствовал болезненную утрату, когда перестал ощущать лёгкое как взгляд давление фотонов, колотящих по моим щекам. Я снова каменная горгулья, которая живёт и двигается по щучьему велению.

- За что теперь ты будешь бороться, маленький самоуверенный ангел?

Я проигнорировал лёгкую насмешку в его голосе, ответил:

- За её счастье. За то, чтобы она никогда не думала о самоубийстве и не сомневалась в том, что её любят. За то, чтобы всегда было, кому о ней позаботиться.

- И ты хочешь, чтобы это был ты?

- Да, - усмехнулся я. - А что, думаешь, кто-то справится лучше?

- Ты слишком сильно веришь в себя, - вздохнул он.

- А во что верить? - С вызовом спросил я. - В книги, которые написал кто-то умный? В теорию вероятностей? В инопланетян?!

- В любовь, - шёпотом остановил меня Гаврила. - Возможно, она и не спасёт мир, но мир спасёт тот, кто в неё верит. Как тебе такая религия?

Я прислушался в оторопевшей Любви, на которую нежданно-негаданно свалился нимб, улыбнулся:

- Мне нравится.

Ну что, напра-во! В светлое будущее шагом марш!

Гавриил рассмеялся, покачал головой, я подмигнул ему и взмахнул крыльями, срываясь в небо. На подвиги. Против зла, несправедливости и ветряных мельниц. Во имя Любви! Аминь.

Часть третья. Во имя

Ночь была тиха и прекрасна. Бушевавший весь день северный ветер унёс облака смога и чёрной пыли куда-то далеко, напоследок оборвав провода и оставив без электричества почти весь город.

В тёмно-синем небе над потухшим городом величественно всходила полная луна в обществе целого сонма звёзд, стрекотали сверчки, где-то играли на гитаре и пели старую песню.

Красивая девушка в длинной белой футболке сидела на подоконнике у открытого окна и что-то быстро писала на коряво вырванном из альбома листе.

Завибрировал телефон, озарив комнату неуместным электрическим светом, она удивлённо посмотрела на экран, нажала приём:

- Да?

- Привет, Ксюш.

- Привет…

- Я думал, ты успела сменить номер.

- Не успела, - улыбнулась она. - Как у тебя дела?

- Свет выключили… А я на работе сейчас, всё потухло, так что… и мобильный сел. А стационарный работает, и я подумал… твой номер единственный, который я знаю на память.

- Ты помнишь половину своей телефонной книги, - с улыбкой ответила она, - и до сих пор не умеешь врать.

Тот я хмыкнул, ответил:

- Ну, попробовать-то стоило.

Они замолчали, стало хорошо слышно гитару во дворе.

- Как ты, Слав?

- Как я… Я год назад женился на малознакомой беременной женщине старше меня на пять лет, а проверить результаты теста ДНК додумался только позавчера.

- Так значит?.. - У неё расширились глаза, тот я усмехнулся:

- Да, я больше не папочка. А через пару недель и мужем быть перестану, документы почти готовы.

- А… тебя можно поздравить или?..

- Поздравляй, я больше рад, чем расстроен, хотя и чувствую себя полным идиотом.

- Ну тогда – с освобождением!

- Спасибо. Ксюх… я извиниться хотел, за радиомолчание и вообще за весь этот год… Понимаешь, беременная женщина — не то существо, которое стоит злить.

- Я всё понимаю, не извиняйся, - он понизила голос и улыбнулась. - Я соскучилась ужасно.

- Я тоже. Как там Михаил Потапыч?

- Растёт и обрастает! - Засмеялась она, - Мишка, голос! - С пола донёсся басовитый гавк, застучал по линолеуму лохматый хвост. - Он супер, Слав, спасибо тебе за него огромное.

- Я рад, что тебе понравилось. Ты там сама ещё замуж не вышла?

- Не, я сама там пока не была, но те, кто был, говорят – ничего интересного там нет.

- Это и я могу тебе подтвердить!

- Ну и чего тогда туда соваться?

- Правильно. Слушай, может сходим куда-нибудь? В знак возобновления дружбы?

- Ну… а куда ты хочешь?

- Честно? Я хочу к тебе на чай. С вареньем и диким ржачем до утра. Можно?

Она улыбнулась:

- Конечно. Когда?

- А можно сейчас?

- Ничего себе, какой ты прямо… решительный!

- Ага, я тебе полдня позвонить пытался, знаешь, как страшно было?

- Бедненький! - Она рассмеялась, он вздохнул:

- Ага. И поэтому наглею сейчас, потому что позвонить потом опять будет страшно.

Она рассмеялась:

- Хорошо, всё, убедил! Приезжай, отважный воин, я жду.

- А печенек напечёшь? - Заискивающе спросил он.

- Эй, ты оборзел!

- Ну хотя бы оладиков? Я целых… одиннадцать месяцев не ел твоих оладиков! Я похудел на двенадцать килограмм!

- Ладно, будут тебе оладики, приезжай.

- Правда? Ура! Всё, еду. Давай.

Она рассмеялась, нажала отбой и смахнула с щеки одинокую слезинку. Спрыгнула с подоконника, пошла на кухню, за ней потопали пёс и я.

Я был умиротворён и доволен. Я неделю носился по городу, подстраивая ситуации, натолкнувшие худого и страшного, женатого меня на мысль сделать повторный анализ. С Бесом я больше не дрался, упирая в нашем противостоянии на свою более сильную способность убеждать, и остался в выигрыше. С трудом, но всё-таки.

Сейчас я сидел на полу, удобно облокотившись на кудрявый

бок Мишки. Как оказалось, пёс меня видел, но агрессии не проявлял, даже когда я через него спотыкался. Я подозревал, что он вообще не способен злиться, Ксюха воспитала большого доброго бегемота, который мухи не обидит.

Я смотрел, как она зажигает все конфорки газовой плиты и заводит тесто в колеблющемся свете огня. Пёс неожиданно вскочил и бросился к двери — точно, звонок же не сработает. Ксю вытерла руки и пошла открывать. Хотя я и смотрел на страшного другого себя уже довольно много времени, привыкнуть к этому ходячему кошмару мне так и не удалось.

- Привет.

- Привет…

Они оба смущенно замерли в коридоре, я шепнул:

- Обними его.

Ксюха шагнула ближе и уткнулась лбом в его грудь, он поставил сумку и погладил её по плечам:

- Я скучал.

- Я тоже.

Мишка почувствовал себя обделённым вниманием и поднялся на задние лапы, положив передние на наши сцепленные руки, и мокро лизнул меня в лицо.

- Фу, блин, Миша! - Я скривился и стал вытирать лицо, Ксюха рассмеялась, прикрывая лицо руками, сказала:

- Разувайся, проходи на кухню.

Она зажгла свечи, мы пили чай, заедая целой горой притащенной мной еды, хотя я больше налегал на горячие оладьи. Болтали о всяком, смеялись, иногда замолкали и долго смотрели друг на друга.

Я не вмешивался – всё что было нужно, я уже сделал. Теперь оставалось только валяться на полу, почёсывая Потапыча и смотреть на дело рук своих.

В разговоре в темноте есть своя неповторимая прелесть… В темноте стираются грани и условности, становится легче и проще говорить о тонком и неосязаемом. Мерцает отблеск свечи в расширенных зрачках, в спутанных волосах пробегают искры, в причудливой игре света и тени знакомое до каждой чёрточки лицо кажется непривычным и по-новому привлекательным.

- Ты очень красивая, - вдруг невпопад сказал. Она смутилась, опустила глаза, прячась в тень от чёлки. - Правда. Очень. А я никогда тебе этого не говорил.

- Слава…

- Иди сюда, - тот я похлопал по диванчику рядом с собой, она прикусила губу, покраснела.

Я приподнялся с пола, тихо сказал:

- Ну сделай человеку приятное, он год тебя не видел.

Из-за спины донёсся гораздо более грубый голос:

- Сиди, не дёргайся, сейчас начнёт опять клеиться.

Я обернулся, обречённо посмотрел сверху вниз на наглого Беса, простонал:

- Ну вот какого ты явился, а? Изыди, нечистый!

Он презрительно усмехнулся, закатил глаза:

- Перекрести меня!

Я уронил голову на руки:

- Ну можешь ты хоть немного… Эх!

Пёс поднялся на лапы, отряхнулся и пошёл в сторону двери. Аккуратно обойдя Беса, поднял на него задумчивый взгляд, шевельнул ухом.

- Миш, съешь его, а? В благодарность за то, что я подарил тебе такую классную хозяйку.

Пёс посмотрел на меня, потом на Беса и пошёл дальше в коридор. Моё кривое отражение усмехнулось, сложило руки на груди:

- Что, силы добра и света уже вербуют четвероногих помощников? Из-за профнепригодности действующей армии, надо полагать?

Я смотрел, как высунувшиеся из коридора челюсти аккуратно примериваются к заднице моего соперника и изо всех сил старался не заржать. Мои усилия были вознаграждены сполна, когда челюсти наконец сомкнулись, мигом переключив Беса с режима «наглая самоуверенная дрянь» в режим «какого хрена?!» а потом и в долгожданное мной состояние «эта ситуация не заслуживает моего монаршего внимания», когда он исчез, тщетно пытаясь сохранить лицо. Отсмеявшись, я похлопал водолазище по хребтине:

- Молодец, молодой! Объявляю благодарность от лица всей армии Её Величества! Печеньку хочешь?

Он не отказался. Я стащил со стола целую горсть, пока Ксюха и другой я были заняты игрой в гляделки. Я вздохнул:

- Ну чего ты ждёшь? Не хочет подсаживаться – подсядь сам!

Мой исходник улыбнулся, пересел к Ксюхе и осторожно обнял её. Она хихикнула:

- Если гора не идёт к Славику…

- Значит, гора сама нарвалась! - Закончил он и поцеловал её в макушку. Она прижалась к нему, меня сжигала дикая зависть – я тоже хотел обниматься!

Пёс ткнул меня мокрым пятаком в шею, я обернулся к нему:

- Тебя тоже забыли?

Мы с ним вместе вздохнули и улеглись на пол, забытые и

одинокие.

Другой я аккуратно взял девушку под колени, усадил себе на руки, обнял, зарывшись лицом в её волосы, потом наклонился ниже и тихонько поцеловал в щеку… и замер.

Я замер вместе с ним, внутренне сжавшись, готовый к чему угодно. Моя Любовь заскулила, задрожала…

А Ксюха подняла голову и поцеловала его в губы.

Я выдохнул, потрясённо уставившись на них, если бы я не лежал на полу – у меня бы подкосились колени. Ксюха целовала меня, нежно и очень медленно, пока совсем не остановилась и не спрятала лицо у меня на шее.

- Ух ты… Что это было? - Он дышал как после стометровки, я с середины комнаты слышал, как колотится его сердце. Впрочем, как и её.

- Я много чего поняла за этот год, Слав…

- Например? - Я перебирал её волосы, она играла моим крестиком, не поднимая головы.

- Например, что всё меняется — мальчики, подружки, друзья, жизнь вообще… А ты остаёшься. Всегда рядом. Всё сможешь и всё простишь… И что без тебя очень плохо. И что когда тебе плохо – мне тоже плохо.

Я провёл пальцем по её щеке, приподнял подбородок и с улыбкой заглянул в глаза:

- Знакомься, это – любовь. Интересная зверушка, с характером, но очень забавная. Говорят, она лечит бессонницу и головную боль, а ещё, если с ней спать, избавляет от кошмаров. У меня есть одна, отдам в хорошие руки. Возьмёшь?

Она тихо засмеялась, коснулась губами моей щеки:

- И давно она у тебя?

- Давно, - вздохнул я. - Очень.

- Так чего ты раньше жадничал? Отдавать не хотел?

- А ты бы взяла?

Она задумалась, её тон вдруг стал серьёзным:

- Знаешь, я полжизни отдала бы за то, чтобы вернуться в то лето, когда мы познакомились и всё исправить. Чтобы не было Джо, не было этой идиотской ссоры, чтобы ты не женился…

- Так что, изобретаем машину времени? - Хмыкнул я.

- С меня эскизы, с тебя ПО и железо! - Хихикнула она.

- Так нечестно! - Возмутился я.

- Ну, что поделать, жизнь такая штука! Каждому своё, - она подмигнула. - Кто-то всех мальчиков растерял, а у кого-то и любовь собственная имеется!

- Так мне же не жалко, - я осторожно её обнял, зарываясь лицом куда-то в воротник, глубоко вдохнул, блаженно

прищурился. - Забирай, если хочешь.

- Знаешь что, - она взяла его лицо в ладони, заглянула в глаза. - Давай кормить и выгуливать её по очереди?

Они опять начали целоваться, пёс отвернулся и накрыл морду лапой, я тоже почувствовал себя лишним. Вышел в её комнату, сел на подоконник, посмотрел на полную золотую луну... Хорошо!

Ну что ж, я – машина времени, со встроенным исправлятелем всего и климат-контролем. И я только что получил задание. Так что стройся, армия Её Величества Любви, равняйся на «то лето» и шагом марш всё исправлять.

Я всегда рядом. Я всё смогу и всё прощу.

Я улыбнулся луне и прыгнул в небо.

***

Насколько я помню, всё началось здесь.

В парке было ярко и весело, с приправами из сессии, пива и мини-юбок, безбашенных роллеров и акустических гитар. Раскрасневшийся Егор шутил и смеялся, размахивал руками, обнимался с девчонками. Я на его фоне выглядел большим молчаливым увальнем, меня частенько брали в компании «для тела», когда шли знакомиться с девчонками. Так что я ходил прямо и молча, старательно изображая тело, пока Егор изображал широкую болтливую лыбу где-то на уровне моей груди.

Я пристроился на гранитном бордюре клумбы, прямо напротив той лавочки, где сидели намеченные моим другом девушки. Через пару минут к ним подойдут подружки, среди которых будет моя зелёненькая Ксю.

Опять посмотрел на старого себя со стороны, усмехнулся – чудик, смешной такой. Одна из девчонок облизывает его глазами, совершенно откровенно, другие хихикают, но в его сторону подчёркнуто не смотрят — по ходу, уже всё обсудили и всех поделили. Другие мои друзья уже уселись к компании знакомых, оттуда уже звучал смех и визг, там тоже нескучно.

Девчонки пялятся на меня и Егора, Егор пялится на девчонок, а я пялюсь на банку пива, как будто там написана великая истина. Я верю в пиво и секс, и старательно не верю в любовь. Вернее – верю, но знаю, что штука это опасная и неприятная, и что без неё живётся гораздо легче…

И появляется Ксю. Гиперактивный зелёный человечек, которого слышно ещё с конца аллеи. Я поворачиваю голову в ту сторону и на моём лице расплывается такое блаженство… Ксюха скачет спиной вперёд перед хохочущей Кариной и рассказывает что-то, активно жестикулируя, с соседней лавочки срываются ещё несколько человек, все смеются и обнимаются. Один из парней

подхватывает Ксюху под колени и забрасывает на плечо, она пищит и отбивается, продолжая смешить всю компанию… А у старого меня такое лицо, как будто он любуется вознёй двух любимых котят, чуть не плача от умиления.

Я встал с клумбы, подошёл к нему, хлопнул по плечу:

- Вот эта кикиморка – твоя будущая любовь.

Лицо старого меня скривило сомнением, он с усилием отвёл глаза. Я наступал:

- Не боись! Она, конечно, не подарок, но она изменит твою жизнь к лучшему. И вообще, сопротивляться в этом случае бесполезно, судьба всё давно решила за вас. - Он опять посмотрел на Ксюху, более внимательно, будто пытаясь понять, что в ней особенного. Я посмотрел тоже, невольно улыбнулся, глядя как она изображает рэперский походон одного из стоящих здесь же парней… А в ней есть что-то неособенное?

Старый я глотнул пива, отвернулся, буквально столкнувшись с подскочившим Егором:

- Что, понравился кто-то?

Вот же глазастый! И когда он успел заметить?

- Ну… - я покачал ладонью, прищурив один глаз, - зелёную вон ту знаешь?

Друг поджал губы, хитро подмигнул мне:

- Сейчас узнаю!

И сорвался с места, прежде чем я успел открыть рот, чтобы остановить его. Я опустил протянутую было руку, густо покраснел, глядя, как этот засранец болтает с одной из девчонок. Она бросила быстрый взгляд на меня, ехидно улыбнулась, я резко отвернулся – я его убью! Гад такой, кто его просил?! Банка смялась в ладони, забрызгав руку пивом, я чертыхнулся, послал банку в урну чистым трёхочковым. Стал отряхиваться, злобно оглянувшись на то место, где только что стоял друг — его там уже не было.

- Она учится в художественном! - Старый я дёрнулся, желание убивать мигом слетело с его лица, он жадно уставился на прыгучий источник информации. Егор просиял. - Её общага через улицу от нашей, она живёт с Ленкой и Таней, у неё сейчас нет парня, но в этой компании она вроде как с Сашкой, - он кивнул на одного из парней, оба меня придирчиво смерили его взглядом, определили, что он меньше килограмм на пять-десять и расслабились. Егор улыбнулся, - ну чё, познакомишься сам или с тобой пойти?

- Бери Егора, - подсказал я, - а то опять покраснеешь и дар речи потеряешь.

На его лице отразилась мучительная внутренняя борьба, я

запрыгал рядом:

- Ну! Давай, решайся уже!

- Нет, не пойду, - наконец выдохнул он, опустив голову. - Не хочу.

- Хочешь! - Заорал я, повернулся к Егору. - Заставь его!

Друг шутливо насупился:

- Ну чего ты? Она классная! А Сашку её я сейчас куда-нибудь дену. Давай, а?

Старый я покачал головой:

- Нет, Егор, не надо. Я вообще сейчас не хочу знакомиться.

Он пожал плечами, разочарованно наморщил нос и ушёл. Старый я сел на лавочку подальше от поедавшей его глазами девушки и задумчиво уставился в клумбу.

У меня что, всегда такой отсутствующий вид, когда я думаю? Хотя… Немного понаблюдав за собой, я понял, что он слушает, о чём говорят в Ксюхиной компании – он улыбался, когда там шутили. Я подошёл к нему:

- Ну чего ты уселся? Её сейчас уведут!

Он не двинулся. Я махнул рукой, ладно. Почему-то себя самого уговаривать гораздо сложнее, чем всех остальных.

Я сел рядом с ним, прислушался к его учащённому сердцебиению. А заинтересовала! Ладно, попробуем ещё раз, начало положено, дальше всё должно пойти легче. Я шутливо подёргал старого себя за ухо, посмеялся, когда он обернулся в мою сторону, и прощелкнул время вперёд.

***

А ещё может быть, что всё началось здесь. Маленькая комната, поздний вечер, строчки кода на мониторе ноута и отсутствующая задумчивость на моём лице. Я ускорил время – пальцы запорхали над клавиатурой, смазавшись от скорости, спина постепенно согнулась в дугу, пацаны укладывались спать. В меня пару раз чем-то кидали, во второй раз я поднялся и дал чертей ржущему Женьке, он надулся и сел за свой комп, включил какой-то плохо рисованный мультик про ползучую селезёнку-людоеда… Его хотелось убить, причём медленно и мучительно, особенно учитывая тот факт, что у него, в отличие от меня, наушники были.

Домашняя не клеилась совершенно, тот я психовал и злился, пока наконец все не улеглись и не погасили свет, единственным его источником оставив мой монитор.

Вот теперь было хорошо. Когда все стихли, мои мозги вспомнили, для чего предназначены, и вроде стало понемногу получаться. Я сел напротив старого себя, с улыбкой наблюдая за его работой…

Шуршит кулер, щелкают клавиши, слезятся глаза, массивы и функции правят миром. Всматривается в мерцающие строчки полнолунный зомбокодер. И тут… опа! Ошибочка. Ещё одна. Отправьте отчёт, мы вас перезагружаем, и плевать, что вы не сохранились!

О, какой фонтан эмоций! Я не знал, что умею материться мимикой. Ну-ну, дальше, товарищ неумолимый мститель, действуй, у тебя это в тот раз хорошо получилось. Вдоволь наржавшись, я ускорил время ещё сильнее, до того момента, когда Ксюха мне написала. С удовольствием оценил свою морду лица и наконец вернул времени нормальную скорость. Встал за его плечом, внимательно следя за перепиской, получил море кайфа от заново пережитых мгновений – я успел порядком подзабыть тот диалог.

Когда время приблизилось к утру и мы с Ксюхой тепло попрощались, договорившись о встрече и обменявшись телефонами, я решил начать понемногу направлять мысли строго себя в нужное русло.

- Отличная девчонка, верно? Нужно на неё посмотреть, вдруг она не только умная, но ещё и красивая?

Старый я чуть улыбнулся, пожал плечами и стал вводить её данные в анкету поиска нескольких социальных сетей, нашёл, открыл альбом… Я помнил своё замирание сердца в тот момент, поэтому сейчас смотрел на его лицо с жадным ожиданием. Фото догрузилось, явление зелёной Ксюхи программёру свершилось, с мордой старого меня произошли такие метаморфозы, что я не удержался и зашёлся почти истерическим смехом, от избытка чувств колотя его по плечу. Наконец я отсмеялся, проморгался, вытер глаза и склонился к своему уху:

- Красавица, ага? Давай ещё посмотрим альбомы!

Он опять пожал плечами, стал листать фотографии, я тоже засмотрелся – места были шикарные, а сама Ксюха вообще без комментариев. Точнее, как раз комментариев здесь хватало! Я сжал челюсти, читая комплименты от неизвестных мужиков, потом заметил, что мой прототип тоже злится и удовлетворённо заключил:

- Она тебе уже нравится! И ты её уже ревнуешь. Смотри не прохлопай, завтра должен быть идеальный вечер.

Он покачал головой, прошептал одними губами:

- Мне такая девчонка не светит…

Я оскалился:

- Светит-светит, нужно только хорошо всё устроить!

Он бросил на её фотку короткий взгляд, тут же отвёл глаза, прошептал ещё тише:

- Я всё равно не хочу влюбляться. Я просто восстановлю ей систему и забуду о ней.

Я схватился за голову, взревел:

- Не забудешь, уж поверь моему опыту!

Тот я покачал головой и решительно выключил комп, быстро разделся, влез под одеяло, неподвижно уставился в потолок. Я подошёл к нему, сел на кровать, заговорил тихо, как с больным родственником:

- Послушай, я знаю, как тебе сейчас… как тебе последние два года было. Это плохо, с этим нужно заканчивать. Любовь – не болезнь, к ней не вырабатывается иммунитет, от неё не сделаешь прививку! Поверь мне, нужно просто принять её и всё. У вас всё будет хорошо, только не строй из себя чурку бесчувственную, веди себя так, как хочется, не бойся показаться заинтересованным…

Лежащий в постели я болезненно поморщился и отвернулся от меня к стене, укрывшись с головой. Я выдохнул и поднялся, свирепо стиснул зубы, угрожающе ткнул пальцем в старого себя:

- У вас всё будет хорошо! Я это устрою. И ты мне ничего не испортишь, понял?!

Одеяло презрительно фыркнуло, я скривился от досады и прощёлкнул время вперёд.

***

Я стоял на газоне напротив лавочки, в ожидании, что всё вот-вот начнётся. Тщательно выбритый и порезанный в трёх местах я сидел, свирепо уставившись в монитор Ксюхиного ноута, в то время как она сама сосредоточенно рассматривала идеальный маникюр. Я ждал. Они перебросились несколькими фразами по делу, потом опять замолчали, уставившись каждый в свою сторону. Я начал беситься уже через полчаса, на мониторе шёл процесс, вопросов по делу больше не было, но эти два дятла продолжали изображать патологический пофигизм. Я рычал и тёр лицо. На мои подсказки никто не реагировал. Я решил попробовать снова:

- Скажи ей, что она хорошо выглядит.

Сидящий на лавочке я бросил на Ксюху опасливый взгляд, резко отвернулся, залившись краской, но промолчал.

- Ну скажи хоть что-нибудь, а? - Взмолился я, он покраснел ещё гуще, но глаз от монитора не оторвал. - О боже! Ксюха! Ну начни ты, я не знаю, что с этим стесняшкой вообще делать!

Ксю посмотрела на него из-под длинной чёлки, медленно провела глазами по его лицу, шее, рукам… На руках её взгляд остановился, она задумчиво склонила голову набок, наблюдая как старый я выстукивает пальцами какой-то ритм. Он заметил,

мигом спрятал ладони, став цвета спелой бурячины, Ксю невозмутимо перевела взгляд на ноут. Только я со своего ракурса видел, как она улыбнулась на одну сторону и прикусила губу, та сторона лица, что была ближе к нему, осталась скучающе неподвижной. Я подошёл к малиновому себе, упёрся руками в колени, приблизив своё лицо к его, прошептал:

- Дурень! Ну посмотри на неё… Она же чудо. Она будет тебя любить, и ты будешь её любить, и вам будет офигенно хорошо вместе! Для этого нужно только не хлопать ушами, а что-то делать. Поговорить, рассмешить, ну попробуй!

Старый я понемногу поднял голову, скосил глаза в сторону девушки.

- И не надейся, - раздался насмешливый самоуверенный голос. - Посмотри на неё, ты хоть представляешь, сколько у неё ухажёров? Тебе ничего не светит.

Я еле удержался от опрометчивого желания прыгнуть на него и вцепиться зубами в глотку. Бес увидел моё перекошенное лицо, оскалился:

- Безнадёжно! Ты никогда его не заставишь! Точнее, - ухмыльнулся он, - ты никогда не заставишь СЕБЯ. Слабак нерешительный, - он повернулся к Ксюхе и повторил громче, для неё. - Слабак!

Ксю поджала губы, быстро глянула на поникшего меня, отвела глаза. Я присел возле неё, игнорируя издевательские ухмылки Беса:

- Ксюш, ну помоги ему, а? Ты же видишь, ты ему нравишься! И он тебе нравится. Он такой… - я наморщил лоб, пытаясь найти в себе что-нибудь привлекательное… Задумался. Разозлился на себя и совсем растерялся. Бес мерзко захихикал, поднял брови:

- Ну так? Какой же ты, а?

- Отвали, - рыкнул я, - что я тебе, барышня, в мужике красоту искать?!

Бес заухмылялся ещё ехиднее, повернулся к краснеющему старому мне, хмыкнул:

- Забей, неудачник. Ты безнадёжен.

Мне показалось, что ко мне крылатому это тоже относится, я опустил глаза, пытаясь не скатываться в обречённость, но его слова произвели сильный эффект – я действительно подумал, что совершенно безнадёжен. И Бес тут ни при чём, я и без него не блистал успехами. Ангел-неудачник…

- У тебя красивые руки. Ты на чём-нибудь играешь?

Голос Ксю вывел меня из отчаяния, я распахнул глаза, даже не пытаясь сдержать отпадавшую челюсть. Беса перекосило, похоже, он уже видел меня сдающимся. Я послал Ксюшке нежную

улыбку – эй, кто тут чей ангел? Это я должен тебя спасать. Старый я в этот момент смутился ещё больше, стал колупать пальцами часы, покачал головой:

- Я играю только на клавиатуре и нервах. А ты?

Она смущенно улыбнулась:

- Раньше на гитаре играла.

- А сейчас?

- А сейчас ногти, - она помахала в воздухе растопыренными пальцами с оранжевыми когтями по три сантиметра, он воскликнул:

- Ого! И удобно с такими?

Я расплылся в улыбке до ушей, оба моих подопечных смеялись и болтали, Бес рычал сквозь зубы. Я насмешливо сделал ему ручкой и прыгнул в яркое летнее небо, проматывая время вперёд – посмотрим, что изменилось.

***

Я сидел на неудобном пластиковом стуле, вокруг толкалась очередь из таких же болезных, мне сразу вспомнился отвратительный запах больницы и я порадовался, что сейчас его не чувствую.

А какая была задумка! Да… добился-таки, великий комбинатор, блин!

Я ещё раз глянул на себя, поморщился. Старый я шёл на перевязку. Выглядел он краше некуда, особенно правая сторона лица — опухший, отёкший, заплывший и бордово-синюшный. А поймал всего лишь один удар. Я перевёл взгляд на правую руку, мокрые грязные тряпки на которой я и шёл менять. Кра-со-та! Всегда любил открытые переломы. Профнепригоден на два месяца, стопудово. Больничных кот наплакал, плату за квартиру никто не отменял, а потрошить заветную карточку «на машину» тоже не хочется. Так что скорее всего, буду я весь больничный сидеть с клавиатурой под левой рукой и мышью под правой ступнёй, крапая очередной «левачок»… Я опять глянул на лицо, быстро отвёл глаза – ну и образина! А бровь, по ходу, навсегда такая останется.

Похоже, это была плохая идея – бить Волка.

Мимо процокала каблуками медсестра, болезненно скривилась перекошенному мне, я отвернулся. Красота в квадрате! В кубе! Красота факториал! Я скрипел зубами и кипел мозгами, пытаясь понять, почему ТАК?!

Нет, почему я так выхватил, я понял ещё когда смотрел короткую драку в переходе. Из-за нехватки опыта, роста, веса, силы и мозгов. Причём в основном последнего. А что ещё могло заставить меня кинуться на этого бычару? Ну, разве что

ревность… а ещё подслушанный разговор этого самого Волка с дружком, которому байкер самодовольно врал о бурном темпераменте моей Ксюхи и её неукротимости в постели. Хотя каким-то задним умом, которым, как известно, все сильны, я понимал, что очень боялся того, что Волчара не врёт, и по большей части именно из-за этого набросился на него очертя голову. И даже без монтировки.

Одно радовало – он сейчас тоже вид имел крайне несексуальный. И длиться это у него будет куда дольше, чем у меня – сломанная челюсть плохо срастается. И этому я был неимоверно рад, хоть это и стоило мне покорёженной руки. Об отбитых о стену почках я старался не думать, тем более что до сих пор не мог понять, как он умудрился одной рукой меня подхватить и грянуть о стену.

Эх… У меня летучего ничего не болело, не ныло и не чесалось, но ощущал я себя всё равно хреново. Мало того, что моя затея по сведению себя с Ксюхой в очередной раз с грохотом провалилась, так меня ещё и отлупили как пацана зелёного. Об стену.

После моих гипнотических подвываний у постели старый я был раздавлен и сломлен, уверовал в любовь и позволил себе влюбиться… И как я понял из произошедшего сейчас, не нежно романтично полюбить, обливаясь медовыми слезами счастья, а чётко и целеустремлённо захотеть её, захотеть всю и сразу, и только себе, в безраздельное пользование, очень нагло и самоуверенно.

И действовал тот я не стесняясь, со временем только наращивая обороты, и Ксюхе он о своих чувствах сообщил с первой недели… вот только она их не разделила. А на предложение остаться друзьями мой исходник заявил, что дружба с Ксюхой – это забивание гвоздей микроскопом, но если она пока этого не поняла, он согласен подождать.

Я их разговор пересматривал не вмешиваясь раз десять, мне дико непривычно было видеть себя таким прямым, честным и самоуверенным, этот я больше походил на Беса, чем на меня самого. Хотя… должен с прискорбием признать – мне этот я нравился. Его нахальная улыбка, грубоватая манера речи, уверенные движения. В нём было то, чего никогда не было во мне – какая-то бандитская романтика, опасная и привлекательная…

Но Ксюха эти понты не оценила. И похоже, совсем не раздумала шагать в окно, а в этой реальности водолазища у неё не было, я не дарил, а сама она купить не решилась.

Я ещё раз окинул взглядом больничный коридор и слез с двери, на которой качался уже полчаса. А что? Веса у меня нет,

как я логически заключил из этого – и равновесие мне держать не нужно. Теперь я доказывал это опытным путём, изображая весёлый скрипучий полтергейст, качающий дверь в отсутствие сквозняка. На дверь косились, но пока никто активных действий не предпринимал, травматология всё-таки, а не дурка.

Ладно, слетаю гляну хоть, как она описала наше знакомство в дневнике.

***

В знакомой тумбочке потрёпанной книжки не оказалось, я почесал репу и прикрыл глаза, включая свой встроенный ангел-навигатор. Меня сразу потянуло в нужную сторону, ага, вот ты где… Я протиснулся между стеной и шкафом, достал и отряхнул дневник, сдул пыль… непорядок. Он тут сколько уже валяется? Пролистал исписанную едва ли на треть книжку, разочарованно присвистнул – давно валяется. Она его не пишет больше полгода. Что ж так? Я открыл последнюю запись, вчитался в поплывшие от зашкафной сырости буквы:

«…ненавижу февраль! Мало того, что зима, так ещё и день Валентина. Хорошо, что он короткий. Меня сегодня засыпали имейлами и картинками на стену, смс-ками, звонками и комплиментами… и хоть бы одна сволочь открытку подарила! День Валентина, а у меня ни одной валентинки. Полный крах из шести букв! А я, как дура, подписала целых три штуки, ждала, когда они подарят свои, чтобы в ответ отдать мои. А они расцеловали, потрепали языками и всё… Я и не стала никому дарить. Уроды.

Сижу прожигаю сигаретой в них фигурные дырки, воняет как паленая линейка. Ностальгия, блин. В школе меня валентинками засыпали! А сейчас… Каринка говорит, ей только её парни подарили, оба. Она считает, что мужики думают, что дарить валентинку девчонке, у которой есть парень, может только её парень. Придурки. У меня парня нет! Мне что, заводить его только ради открытки раз в год?! И вообще, на фиг их всех. Лучше собаку заведу. Собаки умные и тёплые, и любят тебя просто так.

А библию писал мужик. Потому что только мужику может прийти в голову, что Бог слепил их первыми, потому что они лучше. Бог просто тренировался!!! А версию человека 0.9 просто выбросить забыл!

Всё, валентинки догорели, кофе кончился. Ушла в себя, до конца света прошу не беспокоить!»

Я закрыл дневник, почувствовав сильное желание присесть и выпить водички. Во даёт! Монстр карманный… За что ж она так возненавидела мужиков в частности и весь мир глобально? Не может же быть, чтоб только из-за дня Валентина. Я открыл ближе

к началу, около нашего знакомства.

«Странный тип. Поначалу вёл себя как мальчик нецелованный, а потом как с цепи сорвался! Чего стоила только его попытка поцеловать меня на кухне… Я чисто рефлекторно его за губу укусила, я просто перепугалась. Так он и после этого не остановился! Маньяк какой-то. Говорит – мы будем вместе, это судьба, и не фиг ей сопротивляться! Щас! Уже пошла сдаваться на милость судьбы, несу мозги в жертву, а сердце в подарок! Не дождётся.

Хотя он, конечно, умный и интересный, и вообще прикольный товарищ, мы оборжались за ночь так, что у меня пресс был ватный к утру. Но всё равно… Боюсь я его. Такая настойчивость свойственна только маньякам и альфонсам. И ни на одного, ни на другого он по большому счёту не похож. Значит, ещё хуже. »

О, боже… По ходу, я перестарался. Я перевернул несколько страниц в надежде на продолжение.

«Славка сегодня пришёл меня встречать с пар… Это было нечто! Прынс в белой рубашке и с цветами, девки так слюнями исходили, бедные… На завтра, похоже, намечается выпытывание у меня его точных анкетных данных плюс история наших отношений с описанием моих ощущений в каждую отдельно взятую секунду %) Может, не пойти на пары?

Вообще, мы просто собирались в кино, на комедию, тупую и молодёжную, никакой романтики. Ага, так он и смирился! Я ему в который раз повторяю, что мы друзья и ничего более, он кивает, с видом психиатра, который общается с особо буйным больным, и говорит «пока да, но всё ещё впереди» и хоть бей его!

Только бить его я тоже больше не собираюсь, раз заехала в плечо, он давай дурачиться и закатывая глаза вопить «да, моя госпожа, да! Ещё! Накажи меня, мой тиран!». Это было слишком… Я как-то больше привыкла, что краснеет он, а не я.

Он такой классный. Если бы можно было выбирать, кого любить… но сердцу не прикажешь. Сердце хочет Джо, хоть и понимает прекрасно, что Славик у него выигрывает по всем параметрам, да и ко мне относится гораздо лучше.»

Да, загадочная женская душа… Я закрыл её дневник, положил на прежнее место за шкафом.

Что нужно менять? Похоже, самое начало, знакомство, а может и ещё раньше. Может, если бы я подошёл к ней тогда в парке… или нет? Я потряс головой, надеясь разогнать разленившиеся мысли, но они упёрто не желали хоть во что-нибудь складываться. Ладно, попробуем вернуться в парк, вдруг поможет.

Я медленно поплыл вверх, экспериментируя со своей новой

догадкой. А состояла она в том, что для полётов мне крылья не так уж и необходимы, раз у меня нет веса. И ещё я думал о том, что ходить по полу мне совсем не обязательно, я это делаю просто из-за привычки к физическим законам. Поднялся к потолку и упёрся в него руками, перевернулся в воздухе и стал ногами на стену. Никакого неудобства! Вестибулярный аппарат тоже зависит от гравитации, а поскольку в моём случае она скорее воспоминание, чем реальная сила… Я немного походил по стене, потом по потолку. Потом вспомнил, что шутки шутками, а ситуацию исправлять нужно и погрёб кролем сквозь стену в сторону парка.

***

Ксюха бесилась с Кариной, смешила остальную компанию, Егор подбивал клинья к третьей подружке, я старательно рассматривал пятно от пива на штанине, отпугивая потенциальных девчонок угрюмой миной. Да, безрадостная картина…

Я поуговаривал себя подойти к Ксюхе или хотя бы к Карине, но безрезультатно. Пару раз подбегал Егор, настолько лучащийся счастьем, что его хотелось двинуть, но тот я каждый раз отказывался идти с ним к девчонкам, настроение у него было мрачнее тучи.

Ладно, подождём. Я стал проматывать время вперёд, перелетел на вершину фонтана в виде какой-то рогатой закорючки, чтобы сквозь меня не ходили люди, задумчиво смотрел на пустеющий парк. Народ расходился, все напились и нагулялись. Я смотрел на Ксюху, которая целовалась на пустой лавочке с тем самым Сашкой и не мог придумать, что делать дальше.

Егор сидел на соседней лавочке, тиская Ксюхину подружку, и иногда долго и задумчиво смотрел на саму Ксю. Мне показалось, около него мелькнул тёмный силуэт, но тут же пропал. Я потёр глаза, потом покачал головой – нечего пенять на зрение, оно у меня сейчас гораздо лучше, чем было при жизни. И глюков у меня тоже быть не может. Так что остаётся только одно – мелькнувшую тень можно объяснить вполне логично, и пофиг, что логика у нормальных людей с чертями обычно не ассоциируется. Я промотал время назад, чуть не проскочив те полсекунды, в которых отметился мой конкурент, остановил, запустил с нормальной скоростью. Мой друг смотрел на Ксюху. Странно смотрел. Мне почему-то казалось, что ТАК на неё смотреть имею право только я.

Нехорошее подозрение закралось в душу, вцепилось в сердце холодными лапками, заставляя дрожать и скулить мою Любовь. Я

осмотрелся дикими, кровожадными глазами, взревел:

- Бес! Какого хрена ты с ним сделал?!

Тишина. Девчонка на коленях Егора вздрогнула, осмотрелась, но меня, конечно же, не увидела.

- Бес! Отвечай, черти тебя дери!

Сзади послышался тихий смешок, я резко обернулся. Он стоял на том же фонтане, сложив руки на груди и нахально скалясь.

- Не шуми. - Он шагнул ко мне, сел рядом, свесив ноги с выступа, достал пачку сигарет. Щёлкнул пальцами, добыв короткую молнию, прикурил от неё, выдохнул облако дыма в мою сторону, оскалился. - Ничего страшного я с ним не сделал, не кипишуй. Ему даже понравится, я уверен.

Я переводил настороженный взгляд с Ксюхи на Егора, пока его девчонка не подхватила с лавочки сумку и не побежала к остановившейся рядом машине, виновато махнув рукой обиженному парню. Я покосился на Беса, тот сидел с довольным видом и пыхтел сигаретой, загадочно подмигнув мне. Я только собрался огрызнуться, как подорвался с лавочки Ксюхин Саша и рассыпаясь в извинениях, быстро пошёл куда-то по аллее.

Я вскинул брови – бред полнейший. Посмотрел на сияющего Беса:

- И на фига?

Он загадочно поиграл бровями, пропел:

- Сейчас увидишь!

Я насупился и перевёл взгляд на внезапно опустевшую аллею – ни души… И до меня стало доходить. Я недоверчиво прищурился:

- Да ладно. Ни фига у тебя не получится.

- Посмотрим, - косо улыбнулся он, прицельно бросая недокуренную сигарету в урну у лавочки. Я поднял бровь, он скривился, - всё равно ничего не чувствую. Просто привычные действия, никакого кайфа.

- А зачем тогда вообще закуривал?

- Тебя подразнить, - развёл руками Бес, - я думал, ты распсихуешься.

- Я не чувствую запаха, придурок!

- Я тоже. Я думал, тебя разозлит просто вид курящего рядом человека.

Я фыркнул:

- Да кури на здоровье, меня только вонь раздражает, а на вид… Ты не красна девица, чтоб тобой любоваться!

Бес рассмеялся, потом дёрнулся, хлопнул меня по плечу:

- О! Смотри.

Я быстро перевёл взгляд туда, куда он показывал. Ксюха с Егором, оставшиеся одни на лавочках, уже пару минут улыбались друг другу, но сейчас им, похоже, надоело. Парень поднялся со своей лавки, подошёл к Ксю:

- Как-то нас обоих так оставили… можно к тебе?

- Садись. Только не очень близко, сейчас Сашка вернётся, достанется и мне, и тебе! - Они посмеялись, Егор придвинулся к ней ближе, спросил:

- А чего он убежал?

- Не знаю, - она досадливо скривилась, - сказал, что вернётся через пару минут, извинился и сбежал.

Бес довольно расхохотался, колотя себя ладонью по колену, я напрягся:

- Как ты это сделал? Ты же ничего ему не говорил!

- Да, не говорил, - улыбнулся он. - Когда я понял, что говорить у тебя получается гораздо лучше, чем я могу даже мечтать, я вообще забил на разговоры. Надо действовать, а не болтать!

- То есть? - Настороженно спросил я.

- Подготовка, вот в чём сила. Я просматриваю всё, что делали мои подопечные за несколько дней до того момента, в который хочу вмешаться, и меняю то, что мне нужно. Смотрю результат, если нужно, меняю ещё что-то.

- Но это же чёртова прорва работы! - Ужаснулся я.

- Именно, - с достоинством кивнул Бес.

Я покачал головой, патологический лентяй во мне не желал признавать, что этот метод влиять на реальность тоже довольно эффективен.

- И что ты сделал с парнем?

- С Сашкой? О, это было нечто! У его мамы день рождения вчера был, но отмечают они сегодня, - он гаденько ухмыльнулся, - из-за непредвиденных обстоятельств. Они ходили в ресторан всей семьёй, заказывали отбивные, - он потёр ладони, подмигнул. - Мясо в ресторан возят с комбината, погода тёплая… Я испортил датчик температуры в рефрижераторе, а потом немного открыл дверь. Буквально на полчасика, - он опять довольно оскалился. - У парня просто живот прихватило, к утру отпустит, но этим двоим до утра времени хватит… А потом она Сашку отошьёт!

Он убеждённо кивнул, мне стало жутко. И это я жаловался, что мне тяжело? Сколько своего субъективного времени он потратил на этот несчастный вечер?! Это я ещё ничего не знаю по поводу девушки, убежавшей от Егора, и внезапно опустевшей аллеи парка… Я зажмурился, потёр лицо ладонями, посмотрел на довольную морду Беса:

- Вот за что ты меня так ненавидишь?

Он вскинул брови в неподдельном удивлении:

- Ненавижу? С чего ты взял?

- Да так, - фыркнул я, - знаешь, ты мне чуток мешаешь в последнее время!

- Да ты что?! - Он саркастично покачал головой. - Никогда бы не подумал! - Его лицо вдруг в один миг стало жёстким и серьёзным. - А ты не задумывался, что я это не просто так делаю, а? Или ты считаешь, что я из природной вредности ношусь тут по временам, только для того, чтобы тебе жизнь мёдом не казалась?! - Я оторопел, Бес косо ухмыльнулся, перевёл глаза на Егора, который со своей самой обаятельной улыбкой гадал по Ксюхиной ладони, опять посмотрел на меня усталым тяжёлым взглядом. - Или ты думаешь, что мне правда так нужно, чтобы Ксюха прыгнула из окна?..

На последнем предложении его лицо дрогнуло, по жёстким чертам пробежала какая-то жалкая обречённая волна. Я задумался о том, как он произнёс её имя…

- Ты тоже её любишь. - Бес вздрогнул, упёрся в меня недобрым взглядом:

- Что ты несёшь?

- Правду, - выдохнул я, теперь я был в этом точно уверен. - Ты её любишь, и не спорь! Если ты – это хотя бы немного я, то уж себя-то я знаю.

Бес сжал губы и отвернулся, изучая аллею с почти неподвижным лицом. Я замер, чувствуя себя как канатоходец над серединой Ниагарского водопада. Главное, что Бес сразу не исчез. Если он стал отвечать на вопросы… и если он не стал отпираться… и если я смогу из него хоть что-нибудь вытянуть… если. Ужасное слово, но всё же гораздо лучше, чем «если бы».

- Кто ты такой? - Тихо спросил я.

- Почему тебе это интересно? - Ко мне он не повернулся, я вздохнул, тщательно подбирая слова.

- Просто я подумал… Если я сам, вроде как ангел, и борюсь за правое дело и вообще за добро, - Бес фыркнул, я хмыкнул, понимая глупость фразы, но продолжил, - в общем, ты меня понял. Но изначально ведь я – человек. Я жил до этого много лет, у меня была своя судьба… А если ты – моё отражение, то значит, у тебя это всё тоже было. Верно? - Я посмотрел в его лицо, Бес хмыкнул, достал сигареты, чиркнул зажигалкой, пробормотал:

- Ну, я бы поспорил, кто тут чьё отражение… Но в целом верно. И что дальше?

- Дальше мне просто ужасно интересно, кто ты такой и почему вышло так, что ты оказался по ту сторону баррикад?

Фух, это было сложно. Я незаметно выдохнул, мой собеседник выпустил длинную струю дыма в небо, посмотрел как растворяются в воздухе фиолетовые клубы, вздохнул:

- Интересно, да? - Он обернулся, его тёмные глаза упёрлись в мои как два лезвия, я затаил дыхание, чувствуя топот мурашек по спине. - Как ты думаешь, сколько мне лет?

Я свёл брови, пробежал взглядом по его лицу, заново оценивая каждую мелкую деталь. Глаза посветлее и почище моих, никаких красных жилок от ночных бдений за кодом, но в общем-то ничего особенного; левая бровь рассечена косым шрамом в двух местах, отчего кажется слегка презрительно вскинутой. Лоб с маленьким шрамом, на том же месте, где и у меня, это я в детстве любил летать с велика, похоже, как и он. Нос такой же, хотя – я не особенно люблю себя рассматривать, может что и не так, но вряд ли я это замечу. На губе тоже маленький шрам, его видно только когда он разговаривает или улыбается, у меня такого нет. У глаз и в уголках губ тонкие морщинки, таких у меня тоже вроде бы нет… Не знаю, я не девчонка, чтобы считать свои морщины, но вот седины в волосах у него точно побольше, чем у меня. Я лично седеть начал в выпускных классах, понемногу, там волосок, там ещё парочка… В чёрных волосах серебристые нити очень заметны, когда-то курсе на втором моя тогдашняя девушка решила их пересчитать и набрала что-то около сорока штук. Сейчас их, понятное дело, больше раза в три, но у Беса… У него седые реально процентов тридцать волос. Я только заметил, раньше не особенно обращал на это внимание – не до того было.

Он увидел, куда я смотрю, усмехнулся, запустил пятерню в волосы над ухом, провёл до затылка, давая мне рассмотреть светлые пряди на висках.

- Мне тридцать три, парень. - Я шумно выдохнул, потёр щеки. М-да, я не дал бы ему больше двадцати восьми. Возможно, просто не хотел видеть себя настолько повзрослевшим.

- И?.. - Больше слов у меня не нашлось.

- И! - Он развёл руками, - да, у меня тоже была своя жизнь. Своя судьба, свои заскоки… - он опять посмотрел на лавочку, где Егор обнимал Ксюху за талию, что-то показывая в мобильном. Я прочистил горло и нерешительно сказал:

- И своя Ксюха…

Бес опустил голову, выдыхая дым под ноги, косо улыбнулся:

- Умный, да? Прям как я. - Я отвёл глаза, он вздохнул. - Да, у меня тоже была своя судьба. Я учился на программёра, гулял с пацанами, знакомился с девчонками… А потом появилась ОНА, - он ткнул пальцем за плечо, голос стал сухим и шершавым. - Я думал, что наконец нашёл своё счастье, верил, что смогу добиться

её любви, чего бы мне это не стоило! А она гуляла во все стороны, старательно обходя меня своим вниманием, хоть я и старался изо всех сил. На выпускном курсе я отлупил очередного её «мальчика», - он потёр бровь, я резко отвёл глаза - «уж не Волка ли?», - но мальчик первого предупреждения не понял. - Бес затянулся, выбросил бычок в чашу фонтана, достал ещё сигарету. - Ну я ж терпеливый, я могу объяснить ещё раз, а? - Он нарочито весело подмигнул мне, зажёг сигарету. - В общем, мужик оказался в травме с огнестрелом, а мне такой способ вразумления очень понравился. - Мои брови вылезли на середину лба, Бес усмехнулся. - У меня хватило мозгов обставить всё так, чтобы на меня никто не подумал… Ну, кроме подстреленного, но он ничего не мог доказать. Когда приобретал оружие, я познакомился с интересными людьми, мы стали общаться, я с ними сдружился. А потом как-то незаметно соблазнился их образом жизни. Я не стану вдаваться в детали, но поднялся я очень быстро и через год держал район, - он задумчиво несколько раз сжал-разжал кулак, усмехнулся. - В крови выделался по локоть, но меня тогда это мало заботило, красивая жизнь была важнее. Делать можно что угодно, ничего тебе не грозит, денег всегда навалом, пахать с понедельника по пятницу совсем не обязательно, - он посмотрел в моё недоверчивое лицо, оскалился. - Только не говори, что никогда не думал об этом, ты такой же ленивый как и я.

Я не стал ничего говорить, перед глазами мелькали хаотичные образы моей возможной жизни – пистолеты, деньги, вседозволенность…

- Ксюху я, спустя три года, всё-таки уломал, она признала, что любит меня и мы стали жить вместе. Ездили по курортам, я покупал ей дорогие шмотки и машины, подарил мастерскую, устраивал выставки в разных городах… Долго скрывать свою деятельность у меня не вышло, она догадалась, но я поклялся, что занимаюсь исключительно контрабандой и что как только накоплю сумму на своё дело, криминал брошу и мы вместе уедем из страны. Ей не нравился мой образ жизни, но… наверное, она меня всё-таки любила. По крайней мере, согласилась подождать, если я пообещаю не обижать людей. Рэкетом там не заниматься, не подсаживать детей на всякую химию…

Бес грустно улыбнулся, наблюдая, как Егор несмело целует нашу любимую девушку. Я отвёл глаза, за такое правда хотелось убить.

- И что случилось?

- Да в общем-то то, что и должно было – я попался на торговле наркотой, откупился огромной взяткой, делу ход не дали… Но на наших с ней доверительных отношениях можно

было ставить жирный крест. Ксюха устроила скандал с истерикой и битьём посуды о мою буйную голову, собрала одну единственную сумку и уехала. Я искал её по всем своим каналам, писал на мейл душераздирающие сообщения, она мелькала в разных городах, но видеть меня не хотела.

Он замолчал, уперев взгляд в шумящую под ногами воду, я помолчал, потом тихо спросил:

- Ты так и не нашёл её?

- Я перестал её искать. Ударился в загул с дорогим спиртным и элитными шлюхами, потом подсел на траву, потом на более тяжёлые наркотики… У меня было всё, что душе угодно, я проводил так всё свободное от дел время, стараясь заглушить застарелую тоску. Она бросила меня почти пять лет назад. Я перестал её любить где-то через год после того, как перестал искать, а пару лет назад... потихоньку возненавидел. Она прославилась, - он бросил на меня короткий взгляд, в глазах промелькнула улыбка, - стала мелькать по телеку, рисовать декорации к крутым фильмам, играм, потом её взяли арт-директором на хороший канал. Я следил за её карьерой, это было несложно – такой публичный человек! - Он развёл руками, смял в пальцах сигарету, злобно швырнул о землю. - Она была счастлива!

Я сглотнул, пытаясь осознать жизнь, которая могла бы быть моей:

- А ты?..

- А я вчера узнал, что умираю. - Я вздрогнул, он посмотрел на меня в упор, приблизил лицо к моему на расстояние в пару ладоней. - Мой организм источен наркотой, как гнилое дерево червями, у меня целый букет болезней печени, почек, крови… и всё в такой стадии… Мне осталось едва ли полгода.

Я был шокирован, хотелось уткнуться лицом в ладони, но я не смел отвести взгляд от его полыхающих ненавистью глаз.

- Это она во всём виновата, - прошипел он. - Она! Она заставила меня отлупить Волка, купить ствол, торговать наркотой, чтобы осыпать её подарками! А потом бросила, оставив захлёбываться в соплях и героине, это всё она!!!

Он схватил меня за ворот, притянул к себе, заглядывая в глаза бешеным горящим взглядом:

- Всё из-за неё, всё! Я её ненавижу, всем сердцем, всей душой, моя ненависть меня разрывает! Я поклялся, что сделаю всё, чтобы её никогда не было в моей жизни, и если мне придётся убить её своими руками, я сделаю это с удовольствием!

- И тебе дали возможность… - прошептал я. Он отпустил мою куртку, сунул руки в карманы и отвернулся.

- Вот так вот, - он хмыкнул, произнёс с издёвкой, - ангел. Так что добро у каждого своё, и кто тут борется за свет – вопрос очень спорный. Если у тебя получится как-то вернуться в жизнь, мой тебе совет – беги от неё.

Он сплюнул в воду фонтана, я покачал головой:

- Ты не прав. Ни в чём она не виновата. Во всех своих бедах виноват ты сам, твоя жадность, лень и бескомпромиссность.

Он невесело рассмеялся, повернулся ко мне:

- А ты у нас совсем не такой, да?

- Я такого не говорил, - пожал плечами я, - у меня тоже полно недостатков. И в своей реальности Ксюху довёл до самоубийства как раз я, что я и пытаюсь исправить. А ты мне мешаешь.

Теперь укоризненным взглядом в него упёрся я, Бес пренебрежительно хмыкнул, опустил глаза:

- Она не доведёт нас ни до чего хорошего.

- Но ты же был в той реальности, где мы подарили ей собаку, ты же сам видел! - Выпрямился я. - Не знаю, как тебе, а мне она позарез нужна, живая и счастливая. И я приложу все усилия, чтобы она была счастлива, пусть даже мне придётся провести в полумёртвом состоянии миллион лет.

- Это твоя жизнь, - пожал плечами он, - свою я уже прожил, полгода осталось. Но ты, если собираешься жить долго и счастливо, - он посмотрел на меня со смесью сочувствия и злорадства, качнул головой, - беги от неё, быстро и как можно дальше.

Я задумался, потом посмотрел на него:

- Мне сейчас двадцать пять, - он посмотрел на меня, почти так же, как я на него, когда он спросил о возрасте. - Где ты был в двадцать пять, чем занимался?

- Здесь же, - буркнул он, - держал два рынка и нехилый оборот наркоты и оружия.

- Я работаю программистом на фирме, производящей ПО для предприятий по всей Европе, общаюсь с Егором и ещё парочкой парней с работы, не напиваюсь и даже не курю. - Я победно улыбнулся, расправил плечи. - Я — не ты! И никогда тобой не буду! У нас нет ничего общего, ты пропил своё счастье, прогулял его с дорогими шлюхами и продал его за наркоту и деньги! - Он поднял на меня глаза, я усмехнулся и добавил. - Мне не нужны твои советы. А вот тебе я могу посоветовать в твоей реальности заставить себя бросить всё, найти Ксюху и уехать лечиться. Полгода – это охренительно много, даже один день это много, а у тебя их ещё полно. Ты не безнадёжен, никто не безнадёжен, пока способен любить. А я буду добиваться своего. И добьюсь. - Я посмотрел на пару на лавочке, заметил, как мне косо улыбнулся

Бес:

- Самоуверенный… Прямо как я. Вот только у тебя ничего не выйдет. Я продумал комбинацию, а жизненного опыта у меня побольше, чем у тебя, пернатый. С этой парочкой ты уже ничего не сделаешь, а до утра им времени точно хватит.

Я нахмурился:

- Что значит «им времени хватит?» На что?

Бес похлопал меня по плечу, как друга, проигравшего спор, улыбнулся притворно-сочувственно и понимающе:

- Им хватит, чтобы заинтересоваться друг другом и договориться о следующей встрече. Это не просто интрижка, это начало полноценных отношений. Они будут вместе. Не будешь же ты отбивать девушку у лучшего друга!

Я замер, пытаясь осмыслить то, что только что услышал, неосознанно повёл глазами по сторонам, наткнулся на Егора, с улыбкой рассказывающего что-то моей Ксюхе…

И понял, что это очень плохо. Очень-очень плохо.

***

Мир вокруг стал болезненно четким, каждая линия резала глаза острой гранью. Я потряс головой, пытаясь восстановить нормальное восприятие, в ответ окружающее размазалось потёкшей акварелью и совсем потеряло смысл.

- Ангел!

А? Это мне? Кто здесь?

- Ангел, очнись!

А? Я где?

Текучий и яркий, как бензиновое пятно, мир вертелся во всех измерениях, мне никак не удавалось зацепиться взглядом хоть за что-нибудь.

- Ангел…

Мне закрыли глаза. Мир исчез, я смог ровно сесть и почти внятно спросить:

- Гавриил?

Он убрал ладонь с моих глаз, облегчённо вздохнул:

- Ну наконец-то! Как тебя проняло-то…

- Проняло, - поёжился я, - а что это было?

- Что именно? - Участливо спросил архангел.

- Я пытался перенестись во времени, а получилось… то, что получилось. Почему?

- Тебе больше не нужна эта сила, - улыбнулся он, - она сделала своё дело.

Мои глаза полезли на лоб:

- Как?!

Архангел иронично возвёл глаза к небу, развёл руками:

- Сам удивляюсь. Вы с Бесом сотворили такое, что… не знаю даже, как у вас так получилось, но это уже свершившееся, - он указал глазами на парочку на лавке, я тоже посмотрел на них. Ксюха улыбалась, Егор ей что-то рассказывал, активно размахивая руками.

- Они будут вместе? - Сдавленно прошептал я.

- Всю жизнь, - торжественно кивнул Гавриил.

- И она будет… счастлива. - Я плотно зажмурился, сжал зубы, не орать, не психовать, не впадать в панику! Не впадать… как это сложно! - И ничего нельзя сделать?

Архангел тоже опустил глаза:

- Мне жаль, Ангел. Но нельзя бесконечно множить реальности, мы и так изрядно расшатали равновесие.

Я еле сдержался, чтобы не заорать, где и каким образом я видал их равновесие, но вовремя прикусил язык. Я же этого хотел. Изначально. Чтобы с ней всё было в порядке, чтобы она была счастлива. Вот, получите-распишитесь, счастливая Ксюха, одна штука. Вот только я не учёл, что для счастья ей совсем не обязателен я. Осторожнее нужно хотеть.

- А что будет со мной?

Он посмотрел в сторону, пожал плечами:

- Да что захочешь. Ты вернёшься в исходную точку и будешь жить, как посчитаешь нужным.

- А вот эти три года я что делал?

- То же самое. Учился, работал…

Я почувствовал, что он что-то недоговаривает, пристально посмотрел ему в глаза:

- Я буду с ними видеться? - Гавриил молчал, я повторил, начиная злиться. - Не молчи! Я был с ними?

- Ты был свидетелем на их свадьбе, - тихо проговорил мой собеседник, - и не переставал общаться с ними обоими…

- И не переставал её любить, - обречённо закончил я.

Гавриил отвёл взгляд и промолчал, из чего я заключил, что попал в точку. Докомбинировался. И Ксюха счастлива, и Любовь при мне.

- Я могу… не возвращаться?

Он вскинул брови:

- Но почему?

- Не хочу, - отвернулся я. - Зачем? У Ксюхи всё хорошо, никто не прыгает из окна, не бьётся на мотоцикле, зачем там нужен я? Они прекрасно обойдутся сами.

- Фаталист, - покачал головой он. - Неужели тебе не хочется снова быть живым?

Я промолчал. Он потёр лицо, сказал:

- Ну и что ты собираешься делать?

- Не знаю, - выдохнул я. - Я думал, ты посоветуешь… Вам там труженики за идею не нужны? С опытом работы, - с усмешкой прищурился я, архангел тихо рассмеялся:

- Сказки любишь, да? Твоё появление – скорее исключение, чем правило, из-за своей невероятной Любви ты смог создать ситуацию, с которой не справилась обычная система, которая в остальных случаях всегда работает…

- И позвали программёра, - пробубнил я.

- Ну, если ты так это воспринимаешь, - пожал плечами он, - похоже. Есть Сила, к которой люди иногда обращаются, если умеют, или очень хотят, или не видят другого выхода. И она им помогает, пропорционально силе, с которой они обращались. А ты потребовал такого, чего тебе дать не могли, но с такой силой, что тебе не смогли и отказать… И в результате – вот он ты, правишь мир, создаёшь реальности. Такие случаи уже были, но на моей памяти никто не возился так долго. Так что ты и так затянул процесс, пора возвращаться в нормальную жизнь. Извини. Тем более, что ты и так сделал всё, что хотел.

Я молчал, но думать голова отказывалась совершенно. Было только желание, точнее нежелание, одно, яркое и сильное – я не хочу возвращаться! В мир, где Ксюха с Егором, а я друг семьи. Да, эгоизм, да, но что я могу сделать?! Я не хочу всю жизнь смотреть на чужое счастье и лечить волдыри на душе! И меня осенило:

- Ты ведь не можешь заставить меня, так? Свобода выбора и всё такое, да?

Архангел улыбнулся, кивнул:

- Не могу. Но и позволить тебе дальше множить миры тоже не могу. Во времени ты больше не переместишься, люди тебя не услышат. Ты хочешь остаться в таком призрачном состоянии?

Не особенно радужная перспектива… Но жить ТАК я уж точно не хочу. Лучше привидением.

- Скажи, - прищурился я, - я ведь сейчас создание эфирное, то ли поле, то ли вообще не пойми что, да? Если меня переедет машина, со мной ничего не случится, а вот если я окажусь, скажем… на Солнце?

Гавриила передёрнуло.

- Ага! - Я победно улыбнулся. - Значит звёзды, черные дыры, возможно, обыкновенные реакторы… да и коллайдер уже пашет в полную силу! В общем, если я захочу сделать Вечности ручкой, я найду как. Я прав?

В глазах Архангела мелькнул уже настоящий страх:

- Не надо.

- Почему? Система зависнет? - Хохотнул я.

Он поиграл бровями:

- Возможно. Целая реальность зависнет. Если ты был в том вечере, в том месте, в том теле, то ты и должен продолжать быть там! Если ты просто исчезнешь… я даже не знаю, что будет! Ты не должен этого делать.

Я косо ухмыльнулся и выгнул бровь:

- Позволь мне ей явиться. Я хочу с ней поговорить.

- Исключено!

- Как хочешь, - я пожал плечами, нарочито равнодушно настраивая свой поисковый механизм на ближайшую чёрную дыру, почему-то этот вариант мне глянулся больше всех.

- Ладно, - обречённо опустил голову Гавриил. Надо же, сначала я торгуюсь с богом, теперь шантажирую архангела. Причём в обоих случаях успешно. Предел!

- Ладно, - повторил он, продолжил уже увереннее. - Только имей в виду, у Беса тоже будет такая возможность, тут я ничего не сделаю. И ещё одно – она тебя не узнает, ты будешь напоминать ей себя самого, но глубоко подсознательно. И ещё… я отправлю тебя в самую первую твою изменённую реальность, тогда ещё было хоть какое-то равновесие…

- А может, в самую вторую? - Попытался улыбнуться я. Уж очень не хотелось опять разбивать Волка, он мне прямо родным стал за всё это время.

- Не ёрничай! - Погрозил мне пальцем архангел. - Как мир тебя терпит, а?

- Сам в шоке, - скорчился я.

- Эх… ладно, пора, а то чувствую – Бес уже начал.

Он взял меня за плечо, мы оказались в Ксюхиной комнате.

Хмурое небо за окном, встрёпанные чёрно-розовые волосы, майка с Микки-Маусом, недорисованная русалка… Так знакомо и так невообразимо далеко, как же давно это было!

-Ну и как мне ей явиться?

- Просто заговори. Только не сейчас, сейчас является Бес, мы немного опоздали.

Я завертел головой, пытаясь отыскать своего соперника, но было тихо и пусто. Ксюха курила, сидя на одеяле, уперевшись мокрым рассеянным взглядом в стену. Ну и где он является? Я обернулся к Гавриилу, но его уже не было.

Зазвонил телефон. Я дёрнулся, нет, рано! Не может быть! Бросил взгляд на лавочку во дворе – там ещё никого нет, он только спускается. Рано! Ксюха поднялась, бросила сигарету в открытую форточку и пошла на кухню. Я рванулся за ней:

- Ксюха!

Она не услышала. Да, я не могу явиться, пока является Бес.

Значит, он всё-таки является.

- Алло.

Я пристроил ухо с другой стороны.

- Привет. Слушай, у меня такое дело, не знаю даже, как это сказать… Подожди, только не перебивай меня, пожалуйста, мне и так тяжело. - Я сжал зубы – Бес. Уж свой голос я не спутаю. Интересно, что он задумал? У нас с ним вроде как одни мозги и один характер, разные только цели, но почему-то я никак не могу предугадать его поступки. Ксюха молчала, Бес продолжил нервным сбивающимся голосом. - Ты же знаешь, меня недавно пригласили во Францию, я делал им проект, им очень понравилось и на фирме сказали, что хотели бы видеть меня на постоянной работе, помогут с документами через посольство и всё такое. Я поговорил с родителями, они очень рады за меня, обещали помочь с деньгами на первое время, но… Ты же знаешь, ты им никогда не нравилась, ты только не обижайся. Они говорят, что тащить тебя с собой не нужно, что ты не сможешь найти там работу и будешь сидеть у меня на шее… Я так не думаю, но ты же знаешь… В общем, они сказали, что если я возьму тебя, они денег не дадут. Я возмущался, но они сказали, что невелика потеря, найду себе француженку, глупость, да? - Он нервно захихикал, я схватился за голову. Урод!

Да, меня совсем недавно звали во Францию, и я говорил об этом Ксюхе. Она тогда спросила, почему я ещё не в самолёте, а я пошутил, что не смогу жить без украинских блинов и борща. А Бес теперь вывернул это вот так… Ксюха молчала, он опять заговорил:

- В общем, я завтра вылетаю, я тебе буду писать. Только ты, если родителей моих встретишь, ты им не говори. И… ну… ты, если хочешь, можешь с кем-то тут встречаться, не ждать меня. Вот. Ты только не обижайся, ладно? Ну правда, это я программист, а ты просто верстальщик, тем более язык не знаешь, тебе будет сложнее устроиться…

- Вы куда звоните? - Сдавленным голосом перебила его Ксюха.

- Маш, ты чего? - Проныл он.

- На какой номер вы звоните? Я не Маша!

Он назвал телефон, «ошибившись» в одной цифре.

- Номер нужно внимательно набирать! - Она нажала отбой. - Урод! Чтоб она тебя послала!

Она бросила телефон и ушла в комнату, вытирая лицо. Ну и Бес… так извратить! Надо же.

Я бросился следом за девушкой, она рылась в тумбочке, доставая и складывая рядом разные вещи, достала завёрнутые в

пакет сигареты, стала разворачивать, бережно ссыпая в свёрнутую бумагу просыпавшийся табак… ну или не только табак, как я подозреваю.

- Ксюш, - тихо сказал я, она резко обернулась, вскинула на меня испуганные глаза. - Не бойся, я не причиню вреда. Я просто хочу поговорить, - я честно попытался скопировать ласковую улыбку Гавриила, вроде получилось, Ксюха расслабилась, спросила:

- Кто вы?

- Твой ангел-хранитель, и давай на ты, ладно?

- Ладно, - кивнула она, усмехнулась. - Ангел… Докажи!

Я улыбнулся, медленно оторвался от пола, доплыл до потолка, прошёлся по нему, сунув руки в карманы и насвистывая мотивчик «возьми моё сердце».

Она хихикнула:

- Ладно, слазь. Топчешь тут потолок! Я его, конечно, не белила, но всё равно слазь.

Я спланировал на письменный стол, уселся на нём, подобрав под себя ноги:

- Веришь?

- Не особо, - прищурила один глаз она, - но поговорить можно. Что ты хотел?

Что я хотел? Я думал, что ты сейчас накуришься и в окно сиганёшь! И что ей ответить? Что я хотел просто поговорить? Услышать, как она обращается ко мне лично, а не к друзьям, моему прототипу или звёздному небу? Или к мужу Егору, тьфу, блин, аж уши режет! Интересно, а он потолстеет? Блин, о чём я думаю?! Что я хотел? Ну что я хотел?!?

- Я хотел с тобой поговорить, - наконец решаюсь я, - узнать ответы на некоторые вопросы.

Она вскинула брови, хмыкнула:

- Ну-ну, спрашивай.

Я задумался. Улыбнулся:

- Кому были те три валентинки, что ты сожгла?

Она отшатнулась, в глазах отразился испуг:

- Откуда ты знаешь?

- Невежливо отвечать вопросом на вопрос, - усмехнулся я. - Я же твой ангел, я всё знаю. Так кому?

Она опустила голову:

- Лёхе, Максу и Джо.

Облом. Получай, самоуверенное пернатое. Я прикусил губу:

-Ладно. А скажи… ты любишь Волка?

Она поморщилась:

- Нет, конечно. А зачем это тебе?

- Я же тебя типа храню, - пожал плечами я, - мне нужно знать, что кому шептать на ухо. Вот если бы ты его любила, я бы ему нашептал, чтоб он к тебе поласковей относился, почаще вспоминал… А кого ты любишь?

Она пожала плечами:

- Никого. А ты ведь всё знаешь, да? Можешь и мне на пару вопросов ответить?

- Давай, если смогу – отвечу.

- А Джо меня любит?

Ещё один облом. За шкирку меня и мордой в мою самоуверенность, мордой! Я пожал плечами:

- Он и сам не знает. Но ничего плохого он тебе точно не желает, и мыслей поиграть и бросить у него тоже не было. - Она улыбнулась, я, не знаю зачем, добавил, - а вот Слава тебя любит. Очень сильно. Зря ты его так.

Она громко фыркнула:

- Как?! Правдой в лоб? Лучше было бы с ним встречаться из жалости и постоянно бегать на сторону, да? А не бегать я не смогла бы, уж извини, ради человека, которого не люблю, отказываться от целой кучи других, которых тоже не люблю, я не собираюсь! - Она взяла сигарету, зачиркала спичкой, затянулась. - И вообще, где он раньше был? Ты же всё знаешь, давай, расскажи!

Я опустил глаза:

- Когда раньше?

- Когда мы только познакомились, - она села на подоконник, посмотрела на дождливое небо, взлохматила волосы. - Когда общались по аське, гуляли по ночам. Или тогда он меня не любил?

- Любил, - вздохнул я, - с самой первой встречи в парке, всегда любил. Просто ты говорила, что не хочешь парня, не хочешь влюбляться, и он не решался что-то начинать.

Ксю хмыкнула:

- Мельчает народец… Когда-то девушек воровали и увозили на лихом коне. А сейчас – что вы, что вы, вдруг она что-то не то подумает! Ненавижу феминизм, убила бы.

Я закатил глаза:

- То есть, если он сейчас вернётся, свяжет тебя, увезёт в эмираты и отберёт паспорт, ты будешь довольна выше крыши?

Ксюха захохотала, глубоко затянулась, посмотрела на меня тёмными от расширенных зрачков глазами:

- А ты можешь?

Я пожал плечами. Как-то не хотелось думать, что я больше ничего не могу. Только болтать. Хотя, Бес говорил, что у меня это очень хорошо получается. Кто знает, а вдруг?

- А ты хочешь?

- А вопросом на вопрос отвечать невежливо! - Шутливо погрозила пальцем она. - Не хочу. В эмиратах снега нет, а я люблю.

- Ну, как хочешь, - развёл руками я. - А чего бы тебе хотелось?

- Сейчас?

- В любое время.

- В любое… - она помолчала. - Собаку хочу. Можешь?

Уже смог, чуть не ляпнул я.

- Ты хочешь, чтобы тебя любили…

- А это можешь?

- Я тебя и так люблю, я же ангел как-никак.

- Интересно, а умирать – это как? - Задумчиво сказало она, посмотрела в окно, потом на меня.

- Не знаю, я не умирал. И тебе не советую, очень многим людям будет больно об этом узнать.

- Кому? Славке?

- Славке… Знаешь, мне кажется, если ты прыгнешь, он прыгнет следом.

Она поморщилась, зажгла вторую сигарету от первой, прикрыла глаза:

- А знаешь как хочется… Один шаг и всё. И ничего больше не будет, - когда она резко открыла глаза, я вздрогнул от неожиданности, она улыбнулась. - Вот ты ангел, да, мудрый… Вот скажи мне, почему люди не могут любить взаимно и одновременно? Вот надо чтоб один, потом второй, Ванька дома, Маньки нет. - По её щеке побежала мокрая дорожка, она стёрла её рукой. - Ты говоришь, что можешь пошептать на ушко, да? В любое время. Вот пошепчи так, чтоб… не так. Чтоб по-другому, понимаешь?

Я отвернулся, чтобы не видеть её укоряющих глаз. Было стыдно говорить, что уже пытался, но не смог.

- Ксюш… знаешь, есть много параллельных реальностей, в которых всё не так, как здесь. В одной вы вместе со Славой, но у вас обоих сложное и несчастливое прошлое…

- Я туда хочу! - Перебила она меня, - можешь?

Я медленно выдохнул. Ну вот что тебе ответить?

- Не могу. Я не господь бог, Ксюх! Я могу что-то менять, но совсем чуть-чуть…- она всхлипнула, вытерла лицо рукавом, уставилась на ползущие по стеклу капли. - Ксюш, ну не плачь, - она не отреагировала. - Ну солнце!

Девушка обернулась, нервно отбросила чёлку:

- Ты не ангел. Ты глюк. - Сигарета обожгла ей пальцы, она взяла ещё одну, кивнула мне. - Хочешь?

- На меня всё равно не подействует, - я покачал головой, поднялся, подошёл к ней. - Не делай этого, так нельзя.

- Нельзя... - нервно хохотнула она. - Да кто ты такой, чтобы рассказывать мне, что мне можно и что нельзя?!

- Ангел, - потупился я, она хмыкнула и отвернулась. - Ну правда. У меня даже пламенный меч есть!

О том, что он сломан о рельсы, я скромно умолчал. Она рассмеялась, воткнула недокуренную сигарету в подоконник. Поднялась, стала расшатывать закрашенную щеколду рамы.

- Ксюш, пожалуйста, - я попытался взять её за руку, но она прошла насквозь, даже не почувствовав сопротивления, - не делай этого.

- А то что? - Ухмыльнулась она. - Вы все одинаковые, что святые, что обыкновенные! Вы как ток – вечно по пути наименьшего сопротивления, вы боитесь трудностей, вы слабые и нерешительные! Ах-ах, родители денег не дадут! А самому заработать слабо? Блин, какие же вы… - она скорчила рожу, не находя слов, я мысленно пообещал Бесу все кары небесные в одном флаконе. - Ты же ангел! Ну измени что-нибудь! Если я не прыгну сейчас, я прыгну через неделю! Меня достала такая жизнь!

И почему она всегда права?

Я потёр лицо:

- Умная, да? Знаешь, сколько раз я пытался? Знаешь, как это тяжело?!

- А кому сейчас легко? - Фыркнула она, я вспомнил Беса, стало стыдно.

- Ну что я должен сделать? Ну помоги мне! Расскажи, когда ты решила, что совсем не нравишься м… Славе?

Она наконец открыла окно, замерла на подоконнике:

- Да при первой же встрече, - обернулась, посмотрела на далёкие лужи. Я спросил:

- Тебе что, совсем не страшно?

Она улыбнулась и пожала плечами:

- Не-а. Если есть ещё куча реальностей, где всё хорошо, то чего мне бояться? А в лужах отражается небо, так что… я не падаю, я взлетаю.

Она отпустила руки, медленно заваливаясь вниз, подмигнула мне, я зажмурился и закрыл уши, Любовь закричала и забилась внутри, как пойманная птица.

***

- Ангел, - моё плечо сжали, я открыл глаза, мы сидели на лавочке на детской площадке, мокрые, но холодно не было. Я посмотрел на Гавриила, обреченно прошептал:

- Всё?

Он медленно кивнул, я опустил голову.

- Я теперь друг семьи, да? - Посмотрел на далёкое пятно скрытого за тучами Солнца. А может?.. Нет. Я обещал, а я всё-таки светлый хранитель. Любовь заскулила внутри, затопталась по сердцу, я мысленно погладил её, хотел сказать, что всё будет хорошо, но остановился. Потому что не будет. И проживёт она всю жизнь закрытой внутри меня, невзаимной и далёкой от Ксюхи.

- Слушай, - я перевёл помутневший взгляд на архангела. - Я хотел бы сделать подарок одному человеку, можно? - Он вопросительно приподнял брови, я закрыл глаза, запустил руку в грудь и нащупал пушистого тёплого зверька. Потянул наружу, медленно открыл глаза. Она была блестящая, фиолетово-чёрная с розовыми полосками. Я погладил её второй рукой, прижал к груди. - Я хочу подарить её.

- Оксане? - Улыбнулся архангел.

- Егору, - качнул головой я.

Гавриил вскинул брови:

- Да? Хм. Ну, если ты уверен… И что ты за это хочешь?

- Ничего, - опустил глаза я, погладил притихшую любовь. - Всё, отправляй меня, я готов.

Старик улыбнулся, положил ладонь на моё плечо:

- Сильный поступок. Я всё-таки сделаю тебе подарок. Я уменьшу твою боль, дам лёгкое исцеление, ты быстро всё забудешь, хочешь?

Где-то на горизонте сознания мелькнула надежда, я ухватился за неё, как утопающий за акулий плавник, зажмурился, офигевая от собственной наглости и выпалил:

- Нет. Я хочу… ещё одну попытку.

Архангел молчал. Я открыл глаза, боясь, что он успел исчезнуть, но он всё ещё сидел рядом.

- Всего одну?

- Одну.

- Одно перемещение во времени. Одно влияние на реальность. Маленькое.

- Да, - выдохнул я, не веря своему счастью.

- Ладно, - вздохнул архангел, протянул руку, я посадил Любовь на его ладонь, она съёжилась и сменила цвет на зелёный.

- Ну, я пошёл…

- Иди. Удачи, - кивнул он и исчез в небе.

Я смотрел в лужу. От капель разбегались круги и отражение неба было грязным и совсем размытым. Зачем летать в таком небе? Я встал и пошёл пешком.

***

Я стоял в маленькой обшарпанной душевой, единственным достоинством которой было чистое зеркало. Жил со мной один персонаж, которого доводило до нервной трясучки каждое малюсенькое пятнышко на зеркале, а так как смотрелся он туда каждую свободную минуту, истерики по этому поводу у нас были обычным делом. Но благодаря этому мы как-то привыкли после себя глядельное стёклышко протирать.

Перед зеркалом стоял старый я. Точнее, молодой. Молодой, здоровый, с довольно неплохой фигурой, получше чем сейчас, по крайней мере, это точно. Он старательно брился, медленно, аккуратненько… но всё равно порезался. Ой, какие слова! Я ими уже давно не пользовался, как-то к слову не приходилось.

В зеркале я не отражался. Ну и ладно, не больно-то и хотелось. Можно смотреть на старого себя, я не сильно изменился. По крайней мере глазки так и остались как у терминатора. В смысле, красненькие.

Я переместился в самое начало вечера, потратив свою единственную попытку. Теперь у меня осталось только вмешательство, и то маленькое… Я вздохнул. Я до сих пор не решил, на что его потратить. Ну не лезло ничего в голову. Мне нужно всё изменить одним словом. Ну двумя. Ну, может больше, только разницы? Я даже не знаю, когда стоит влезть. Может, уже сейчас? О чём я тогда думал?

Тот я вытерся, отошёл от зеркала, выпятил грудь, стал кривляться… Э нет, здесь моё вмешательство явно лишнее. Я вышел из ванной в комнату, сел на кровать. Ужасная кровать, как я на ней спал столько? Подождал себя, он вышел, стал одеваться, сменил четыре футболки, в результате надел самую первую. Я чуть было не бросился советовать, но вовремя прикусил язык – не думаю, что будущее зависит от цвета моей футболки.

А от чего? Я упаковал ноут, протёр туфли, посмотрелся в зеркало, прилизал мокрой ладонью торчащую прядь. Прядь торжественно стала торчком сразу же, как только я отвернулся от зеркала. Но он об этом не знал, он ощущал себя неотразимым, как прямой в челюсть. Я с удовольствием похихикал с себя, вышел следом за ним, дошёл до остановки. Ему улыбнулась какая-то девчонка, он улыбнулся в ответ, окинул взглядом. Не узнал. Она прошла мимо, он обернулся, ещё раз окинул взглядом, уже со спины. О, узнал! На одном этаже живём. Я покачал головой, сел вместе с ним в троллейбус.

Хорошо ездить в тралике, когда не имеешь веса и осязания. Инерцией меня не кидает туда-сюда, локтями никто не толкает – благодать! Мой исходник засмотрелся куда-то, я проследил за его

взглядом – парень и девушка, улыбаются друг другу так, как будто имеют общую тайну. Он держит в обеих руках сумку явно женской расцветки, она держит пышный букет оранжево-розовых роз и папоротника. Красиво смотрятся. Что-то в их лицах показалось мне знакомым, я напряг память… Ха! Это их я видел возле Ксюхиного подъезда, когда сидел под дождём, они гуляли под одним зонтом и целовались. Бывают же совпадения!

Мы чуть не проехали остановку, старый я протиснулся к двери в последний момент, срывая ругань и недовольные взгляды. Выбрались. Он глянул на время – ещё десять минут, до места встречи топать недалеко.

Я схватился за голову – десять минут! Надо что-то менять, срочно!!! Что? Ему я шептать ничего не буду, дошептался уже – маньяком обозвали… Ей? Она и так тогда меня почти любила, ей не понравилась именно моя реакция, моё поведение… И что мне менять?

Время тикало, время, время! Скоро она придёт. И увидит меня, красавца с обетом молчания. И решит, что совсем мне не нравится.

Захотеть, нужно просто правильно захотеть! Я хочу, чтобы Ксюха была счастлива со мной, и я был счастлив с ней, всегда. Хочу сделать всё правильно! Только как?

Старый я медленно пошёл по аллее, лениво переводя взгляд с одного лотка торговца всякой ерундой на другой. В конце ряда стояла молоденькая девушка с цветами, на самом солнцепёке… Бедные цветы.

Я никогда не дарил Ксюхе цветов, она их не любила. Несколько раз при мне кивала на стоящий в вазе букет и фыркала что-то вроде «опять Макс связку трупиков притащил».

Старый я брёл по ряду, глядя больше на симпатичных продавщиц, чем на их товар. Я шёл следом, глядя в его прямую до хруста спину.

Я ангел-неудачник. У меня хватило сил на то, чтобы всколыхнуть мир, но не хватает ума, чтобы сделать его таким, как я хочу.

Я поднял глаза вверх, в небо, бесконечно синее, такое одинаковое… Во всех реальностях только погода всегда одна и та же.

Ну что, авэ Любовь, идущие в жизнь приветствуют тебя? А как не хочется опять жить… Ладно. Пора бы уже смириться с тем, что я истрачу своё вмешательство и опять оживу.

Я решительным шагом обогнал старого себя и злобно-обреченно крикнул:

- Купи цветы, олух, ты к девушке идёшь!

Что-то внутри лопнуло, я попытался добавить ещё что-то, но не смог произнести ни слова. Всё. Я привидение без права выбора.

Старый я задумчиво остановился у вёдер с цветами, нахмурился. Я точно помнил, что денег брал или на цветы, или на такси, а учитывая, что рано возвращаться не собирался, цветы отпадали. Он вздохнул и всё-таки решился:

- Дайте одну. Вот такую, - его палец указал на едва распустившуюся розовато-оранжевую розу. И я потерял сознание.

***

Мир вертелся как игрушка-калейдоскоп, завораживая яркими красками и плавными линиями. Кружилась голова. Я попытался сосредоточиться и закрыть глаза, насколько я помню, в прошлый раз это помогло. Мир утих. Краски сперва потускнели, а потом и вовсе исчезли. Зато было море звуков, что-то шумело, хлюпало, шлёпало, стучало, гудело… Я попытался закрыть уши. Звуки исчезли, осталось только ровное басовитое буханье, ритмичное как… сердце.

Я открыл глаза. В один тут же попала дождинка, я ругнулся, стал его тереть. Мир был такой… объёмный! Мокрая футболка липла к телу, по шее стекали холодные капли, ботинки жали, в левом был маленький камушек…

Запрокинув голову, я широко улыбнулся, стал ловить губами дождь. А здорово! Просто жить. Пофиг, кто я там сейчас, где и с кем, по крайней мере – в эту минуту. Интересно, а где сейчас Ксюха? Внутри заворочалась Любовь, я округлил глаза, выдохнул… Да, она здесь, со мной. Значит, вернули. Я посмотрел в тёмное небо, отвесил шутливый поклон.

Эх, так что у нас здесь за реальность? Надеюсь, я в ней ещё никуда не влипал? Похлопал по карманам, достал паспорт, хорошо, что взял с собой. Не рассчитывал так рано вернуться, а ночью без него лучше не гулять. На паспорте была новая обложка, когда это я успел? Память подкинула картинку – я на рынке, покупаю большой пакет и случайно обращаю внимание на эту обложку. И беру.

Ага! Так значит, я помню все эти три года, надо только спрашивать себя почаще. Я открыл паспорт, фотка тоже была новая, гораздо удачнее предыдущей. А это я когда успел? Вспомнил – потерял паспорт в Крыму, прошлым летом. Да? Да я в Крыму с пятнадцати лет не был! Был. Перед глазами мелькнула картинка – галечный пляж, тёмно-синие волны… Жаль, что это только воспоминание. Я пролистал паспорт. Прописан я был по-прежнему у родителей, ну и ладно, не сильно-то я и надеялся. Страница с семейным положением была девственно чиста, ну и

слава богу. Я спрятал документ, сунул руки в карманы. Зажигалка? Я что, курю? Нет, это друг на работе попросил подержать и смылся, фиг с ним, завтра отдам. Значит, работаю я всё там же. Тоже плюс.

В кармане запиликал телефон, я достал, посмотрел на картинку — Ксюха, с тёмно-русыми волосами, в чём-то сиреневом, сильно смахивающем на пижаму. Я хихикнул, нажал на приём:

- Да?

- Ты чего так долго?

- Сам в шоке, - улыбнулся я.

- Ты уже освободился?

- Да, наконец-то, - с чувством выдохнул я. - А что?

- Давай домой, что! У меня пицца остывает!

- Хм, понял, еду.

- Давай, я жду.

Я опустил трубку. Вернул на место челюсть. Ну, домой так домой, как скажешь. А где, кстати, мой дом? Память подкинула знакомую картинку, я вздохнул с облегчением – свою квартиру я любил. Пришлось подняться и зашлёпать по лужам к остановке. Я боялся спрашивать память, какие отношение связывают нас с Ксюхой. Надеяться было гораздо приятнее.

Трамвай как будто только меня и ждал, свободное место тоже нашлось. Отлично, жизнь не так ужасна, как могла бы быть. Доехал я вполне спокойно, предаваясь мечтам о Ксюхе и пицце, вышел на своей остановке, запрыгал через лужи. Опять зазвонил мобильный. Я полюбовался Ксюхой в пижамке и ответил:

-Да.

- Солнце, возьми чего-нибудь к чаю, хорошо?

- Ага, - радостно кивнул я. Надо же, я – солнце!

- Ты где, кстати?

- Да вот уже возле дома.

- Хорошо, давай быстрее.

Ура-ура-ура! Я чуть ли не вприпрыжку бросился в магазин, купил печенек, доскакал до дома, взлетел на этаж, потянулся за ключами… и опустил руку. Замер. Странно, мне всегда были непонятны рассуждения некоторых о том, что им хочется прийти домой и не открывать двери ключом, но сейчас мне остро захотелось, чтоб она мне сама открыла. Я позвонил. Внутри нежно мяукнул динамик, прошуршали лёгкие шаги, щёлкнул замок.

- Привет! - Меня быстро чмокнули в подбородок, забрали пакет и сбежали. Я успел заметить только собранные в хвост тёмно-русые волосы. Моя Любовь оперативно сменила цвет на

тёмно-русый, замурчала. Я снял туфли, поставил на полку… Когда у меня появилась полка? Ясно, давно. Ксюха притащила. Не успел я разогнуться, как на моей шее повисло бешено дрыгающее ногами создание:

- Я соскучилась, - с шутливым укором заявила мне Ксю. - Тебя не было пять тысяч лет!

- Максимум месяца три, - вполне серьёзно ответил я. Она рассмеялась:

- Что принёс?

- Море любви и печеньки.

- Переодевайся и за стол, - скомандовала она, чмокнула меня в нос и убежала на кухню.

Ну, такие команды я всегда любил. Зашёл в спальню, присвистнул – ни фига себе кроватка! И шкаф. И тумбочки. И светильники. Только ковер старый остался, да и тот какой-то подозрительно чистый. Я мысленно сделал ручкой своему счёту на машину, но память строго щёлкнула по носу – цел мой счёт, и даже более здоров, чем раньше, это всё – Ксюхины картины. И стыдно, и радостно. Ну да ладно, из кухни убойно пахло, а есть хотелось просто зверски.

На кухне тоже были разительные перемены, общую сумму я замаялся считать на втором десятке картин. Ксюха мыла посуду, я подошёл сзади, обнял за талию, прижался, легонько поцеловал в шею. Она щекотно прикрылась плечом:

- Слав, ну я же посуду мою…

Я чуть не взвыл! Какая, к бесу, посуда, я в первый раз в жизни тебя так обнимаю, я за это отдал офигенный кусок вечности, поставил в тупик мировые законы, торговался с богом, шантажировал архангела, создал сто тысяч реальностей и не дышал три месяца!

Я опустил руки и отошел. Моя Любовь потопталась внутри и прицельно прыгнула на Ксюхино плечо, уселась, обвив её за шею пушистым, как у белки, хвостом и замурчала.

Эпилог.

Я проснулся удивительно рано, долго лежал под одеялом, глядя то на Ксюшку, то на развалившуюся у неё на груди кверху пузом Любовь, то на вечерний парк в золочёной раме, висящий на стене. В этой реальности она подарила его мне в честь первой недели встречания.

Я перевернулся на бок, Ксюха открыла глаза, прошептала:

- Чего не спишь?

- Не спится, - тихо ответил я, чмокнул её в плечо, она подползла поближе и поцеловала меня, Любовь скатилась с её груди, чихнула и поползла под одеяло.

- Слушай… А ответь мне на глупый вопрос, - начал я, Ксюха улыбнулась, - а когда ты поняла, что будешь со мной встречаться?

- Ой… Ну, наверное когда ты мой комп восстанавливал, в парке. Я думала, сейчас как явится программёрище, небритый, красноглазый и вообще не от мира сего, - хихикнула она. - А ты пришёл такой весь с цветочком, кавайненький. И вообще ночь была классная.

- Ясно, - я вздохнул, ещё раз поцеловал её, посмотрел на часы, - мне пора собираться.

- Ага, давай, я сейчас ещё пять минут полежу и тоже буду вставать.

Я поднялся, прошлёпал в зал, взгляд наткнулся на закрытую тканью картину на мольберте. Покосился на дверь спальни, шмыгнул к картине, приподнял ткань…

На краю крыши, свесив одну ногу вниз, а на колено другой положив подбородок, сидела девушка с чашкой, а рядом, прикрывая её от дождя крылом, сидел почти невидимый ангел, нарисованный каплями дождя и еле видными тенями. На плече у парня сидел большеглазый котёнок, прикрытый вторым крылом.

Я обернулся на выходящую из спальни встрёпанную Ксю, покачал головой:

- Ох ты и творческая ж, блин, личность!

Она невозмутимо развела руками:

- Я так вижу!

Сидящая на её плече Любовь гордо вздёрнула носик. Я опустил ткань и улыбнулся. Мир прекрасен. И я здесь почти ни при чём.

Донецк, 2010 год

**стихи принадлежат автору Звонкая Тишина, используются с разрешения автора.*

Если вы скачали книгу в сети и хотите отблагодарить автора:

WebMoney (WMR) R 239121321103
Яндекс.Деньги 410012524956938
MasterCard 5483 8741 6044 9800

Спасибо!

Второй том ищите в сети под названием «Ангел: Право выбора».